

Александр Сабов ТРИ МИНУТЫ ИСТОРИИ

Александр Сабов

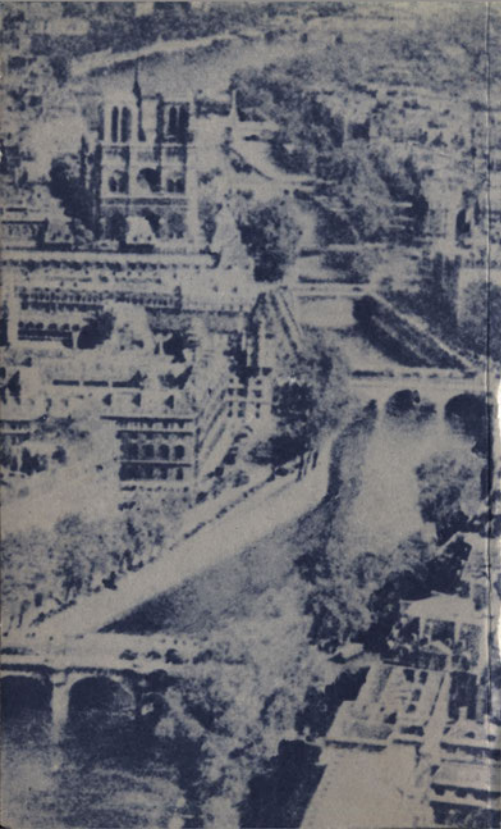
ТРИ
МИНУТЫ
ИСТОРИИ

45 коп.

Издательство
политической
литературы

Александр Сабов

**ТРИ
МИНУТЫ
ИСТОРИИ**

**Москва
Издательство
политической
литературы
1986**

Сабов А. Д.

С12 Три минуты истории. — М.: Политиздат, 1986. — 319 с., фот.

...Сто французских пилотов добровольно отправились в СССР, чтобы вместе с советскими воинами бороться против гитлеровского фашизма. Мы бы предали память погибших в этой священной борьбе, если бы забыли, как героически сражались летчики полка «Нормандия—Неман». В своей публицистической книге журналист-международник Александр Сабов, осмысливая события военных лет, через призму человеческих судеб показывает, насколько тесно переплетается прошлое и настоящее в сегодняшней жизни Франции, народов всей Европы, как велика их ответственность за мирное будущее континента. Рассчитана на массового читателя.

ББК 63.3(2)722.6 + 63.3(0)62

С $\frac{0801010000-108}{079(02)-86}$ 186—86

© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

1945:

*самолеты США
за несколько часов
доставили атомную смерть
в Хиросиму и Нагасаки*

1967:

*для счета времени
в мире учреждается понятие
«атомная секунда»*

1980-е годы:

*три часовых пояса Земли —
всю Европу! —
атомная смерть может
перелететь за 6 минут*

Грибовидное облако
над Хиросимой возвестило:
наступила Первая Минута
атомной эпохи.
Это была еще Минута Войны.
70-е годы нашего века
стали эпохой разрядки.
Земля обрела
новое равновесие:
это Минута Мира.
Что готовит нам завтра,
что несет с собой
Минута Будущего?

Часть I

МИНУТА ВОЙНЫ

Размышления вдвоем с ученым

Неторопливая походка, сутулый полупоклон, то и дело приподнимаемая в знак приветствия черная шляпа... Всякий раз, встретив его случайно, — в Париже мы были соседи, — мне приходила в голову странная мысль: уж не вышел ли он из какого-нибудь переулка истории? Доктора химии и биологии, профессора Луи Женева я невольно воспринимаю как человеческий подлинник той старой, прекрасной, но, увы, сильно поредевшей европейской интеллигенции, которую мы знали в ее самых ярких индивидуальных проявлениях: Анри Барбюс и Ромен Роллан, Федерико Гарсиа Лорка и Томас Манн, Фредерик Жолио-Кюри и Антуан де Сент-Экзюпери, Бернард Шоу и Пабло Пикассо. Эта интеллигенция слагалась, конечно, из миллионов судеб и лиц...

Родился Луи Женевуа в 1900 году. Узнав это впервые, я взглянул на профессора внимательней: он ровесник Антуана де Сент-Экзюпери...

«Если меня собьют, я не пожалею абсолютно ни о чем. Будущий муравейник приводит меня в ужас. Ненавижу блага, которые он сулит роботам. Что до меня, я был рожден стать садовником. Обнимаю вас. Сент-Экс».

Это написано перед вылетом в последний рейс, в сорок четвертом году, на исходе войны. Двадцатый век с тех пор отмерил еще такой же срок...

— Профессор, вы, кажется, проводили специальные эксперименты по облучению хлебных злаков?

— Да. При малых дозах радиации это сулит повышение урожайности.

— Простите же наивный вопрос: так, может, убив хлебопашца, садовника, нейтронная бомба тем не менее сохранит да еще и повысит урожай?

— Нет-нет. Она убьет и растение, и человека. Она убивает все живое! Вот почему я говорю: присвоение результатов науки военно-промышленным истеблишментом в настоящее время во сто крат опаснее, чем в годы второй мировой войны.

— Любая война похищала у науки прометеев огонь...

— Любая, да. Но с открытием и приручением атома изменилась сама природа войны. Раньше она сводилась к сражению армий и истреблению солдат. Теперь угрожала бы истреблением населения целых стран и конти-

нентов! Бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в этом смысле не просто одна из самых страшных минут последней войны. Это одновременно и первая минута новой эпохи, отличие которой в том, что разрушительная сила науки войны многократно возросла.

— Вам не кажется поразительным тот факт, что первая в мире атомная бомба явилась, по существу, делом рук европейских ученых-антифашистов, эмигрировавших в США? Они были уверены, что куют зло против зла... Как же вышло, что военно-промышленный комплекс США ловко приручил их таланты, энергию и даже убеждения?

— Четыре года я, в чине полковника, служил инспектором высшего образования и научно-технических исследований при военной миссии французской оккупационной зоны в Германии. Я знал Германию еще с тех пор, как в 20-х годах стипендиатом фонда Рокфеллера, кстати по рекомендации Марии Склодовской-Кюри, учился здесь у выдающихся ученых, защитил докторскую диссертацию. Уж лучшие-то химические и биологические лаборатории я знал все наперечет. С десятков ученых работали над атомной бомбой. Что стало с ними? Одни эмигрировали, не в силах перенести фельдфебельского насилия над наукой. Другие схоронились в лабораториях. Некоторых я застал и после войны, но почти всех их уже соблазнили перспективами работы в США. В то время мне стало ясно, что фашисты, обычно весьма неразборчивые в средствах, попросту подрубили сук, на котором могли бы усидеть. Эдвард Теллер, сде-

лавший водородную бомбу, или Джон фон Нейман, совместивший бомбу, ракету и компьютер... как?! Эти люди — антифашисты?! Да нет ли тут недоразумения?! Думаю, если бы нацисты вовремя догадались найти с ними общий язык, вермахт получил бы бомбу. Но они этот шанс упустили и вдобавок не разгадали тихого саботажа многих ученых. Словом, не тех выгнали, не тех удержали... Все, что не успел изгнать из страны или захватить Гитлер, после войны лихорадочно прибирали к рукам американцы. Одних только неопубликованных авторских свидетельств на изобретения в Западной зоне нами было открыто около 900 тысяч. Все это спешно описывалось и увозилось за океан... Затем выступил Уинстон Черчилль в Фултонском университете в США, и все разъяснилось: Запад начал «холодную войну» против СССР.

— Какую вы тут видите связь?

— Самую прямую. Хиросима продемонстрировала миру мощь нового оружия массовых убийств. Фултонская речь Черчилля прояснила адрес угрозы: СССР. Короче, последняя минута войны стала и первой минутой мира, который с самого начала живет под дамокловым мечом ядерной катастрофы. Теперь представьте, что нейтронной бомбой облучили подлый знак нацизма: всходы оказались бы куда страшней, чем в 30-х и 40-х годах, когда мы были молоды!..

Знакомый жест: в знак приветствия приподнята черная шляпа... Да только показалось мне, что приподнял он ее еще посреди двадцатого века, когда стрелка исто-

В этой парижской манифестации сторонников мира приняло участие 250 тысяч человек. Люди всех возрастов, различных политических убеждений, самых разных профессий решительно заявляют: «Нет гонке вооружений! Мы за мир во всем мире!»

рии, вздрогнув, остановилась у порога войны.

Свое тогдашнее состояние он передал мне так: «А не были ли две мировые войны одной и той же войной с двадцатилетним перерывом для пушек? Ведь поколение наше даже состариться не успело...» Не знаю, может, и так. Но вот стрелка истории пробежала еще 40 мирных кругов, подняв на ноги два новых поколения. Будем же надеяться, что к прошлому возврата нет, зато в будущее путь открыт.

И наше повествование начнем с Минуты войны, которую сменит Минута мира, что ежедневно соприкасается с Минутой будущего, даря нам надежду и веру.

1. Два капитана: де Сент-Экзюпери и де Панж

На снежных простынях золотился свет декабрьской луны. Все еще по-военному затемнялась Москва, хотя врагу до нее было уже не дотянуться. В ранних зимних сумерках 1944 года в гостинице Центрального Дома Красной Армии происходило событие, которое, несмотря на всю его оживленность, отдавало пронзительной человеческой грустью.

Французский авиаполк «Нормандия—Неман», разделившись на два списка, разъезжался в разные края.

Капитан Жан де Панж уединился в углу с походным дневником полка и, привычно начав с обозначения даты: 12 декабря 1944 года, вдруг остро, будто укол, почувствовал, что пишет свою летопись, вероятно, в последний раз. Два года подряд это было его ежевечерней обязанностью, и только если капитан был в отъезде, кто-то другой раскрывал журнал и писал там о событиях дня. Де Панж не был летчиком-истребителем, он служил в полку пилотом связи. Его маленький «У-2» («Как похож на французский «Люсиоль»!»), который капитан — ходили легенды — мог посадить на спичечный коробок, был всеобщим любимцем полка, потому что всегда сулил сюрприз, добрую весть, какую-нибудь перемену. События дня, и особенно воздушные бои, излагались де Панжу точно, со всеми подробностями, он составлял лаконичный и полный отчет, который тут же, вслух, зачитывался, обсуждался и, если надо, подправ-

лялся, ибо принципом было — коллективное «добро» на изложение хроники дня. Нет на свете книг более скупых и, однако, более красноречивых, чем походные и бортовые журналы с их скрупулезной привязанностью к факту. Де Панжа тянуло и на шутку, ведь полк состоял, казалось, из одних пересмешников, но порой и на возвышенную фразу, ведь случалось, что событие заслуживало того. Но если шуткам еще как-то удавалось уцелеть, то обороты приподнятые изгонялись беспощадно, с едким смешком. Только в память о погибших или пропавших без вести, когда траур воцарялся в живых сердцах, в дневник проникали слова торжественной боли.

В этот день словно нарочно скрывали печаль, хроника шла сухая.

«Генерал Захаров объявил нам, что мы сегодня же вечером возвращаемся в Пруссию. Поезд ждет нас в 20 часов...»

Капитаново перо вдруг остановила такая мысль: он-то ведь сам возвращается не на фронт, а в Париж, — так от какого же «мы» он пишет? Подобная дилемма — делить полк на два «мы» — еще никогда не вставала перед де Панжем.

«Когда отрываешься от друзей, уже нельзя говорить «мы», — как-то заметил его собрат, тоже летчик связи, тоже капитан, тоже всю войну скрипевший пером. — Тот невежа, кто, будучи не со всеми, продолжает тем не менее говорить «мы»...»

В положении этих двух капитанов, в их военной судьбе было много сходного, но еще больше различий. Да, походная летопись

«Нормандии» написана «мыкающим» пером капитана де Панжа, и ему перейти на «я» было все равно что составу с широкой колеи перескочить на узкую. Но и с узкой на широкую, оказывается, не легче. Это уже пришлось испытать второму капитану. Этот второй капитан с самого начала войны, лишь только она пришла во Францию, все не в силах был уговорить кого-то, где-то, то ли в кабинетах, то ли в небесах, что он должен «быть со всеми», потому что все, что он любит, оказалось поставлено под угрозу. Своим сильно «якающим» пером он рвал бумагу рапортов и писем:

«Я умоляю тебя изо всех моих сил, помоги мне пробиться в истребительную авиацию. Я задыхаюсь все больше и больше. В этой стране нечем дышать. Чего мы ждем, боже мой! Я не могу не участвовать в войне, иначе я морально болен. Мне слишком многое надо сказать обо всем, что происходит. Я могу это сказать только как боец, но не как турист...»

И, в конце концов, он взлетит в небо — военным летчиком. Правда, не на истребителе, а на разведывательном самолете «Потез-63». Из приказа № 44 «С» по военно-воздушным силам Франции от 2 июня 1940 года я узнал его полное имя: капитан де Сент-Экзюпери Антуан-Жан-Батист-Мария-Роже, пилот группы дальней аэроразведки 2/33. Когда-то именно этот приказ, как вспоминали летчики «Нормандии», и оповестил всю воздушную флотилию Франции, что известный искатель приключений и рекордов, испытатель аппаратов и пилот почтовых рейсов, сочинитель

«Ночного полета» и «Планеты людей» поднялся в небо — на сей раз как военный летчик.

«22 мая 1940 года, — говорилось в приказе, — попав под шквальный огонь орудий противовоздушной обороны врага, прекратил выполнение боевого задания, лишь когда его самолет был серьезно поврежден...»

Из этого полета родится повесть «Военный летчик».

Два капитана создавали летопись одной и той же войны, вряд ли ведая, что пишет другой, и уж никак не меряясь славою перьев. Та часть, которую создаст (при живом участии всего полка) капитан де Панж, называется: «История эскадрильи «Нормандия — Неман» в России. Походный дневник (22 марта 1942 — 20 июня 1945)». Выходные данные: издано в Париже в 1946 году тиражом 401 экземпляр (с 1 по 200-й — для членов эскадрильи, с 200-го по 401-й — для архивов, музеев, друзей).

Капитан де Сент-Экзюпери за войну напишет «Военного летчика», «Письмо к заложнику», «Маленького принца» и не успеет закончить «Цитадель» — эти сочинения выйдут тиражами многомиллионными.

Да, они об одной и той же войне. Но два капитана, два летописца увидели ее с разных сторон. Товарищи де Панжа тоже встретили войну на западной стороне мира, но к победе они придут с направления восточного.

— Эй, маркиз, — окликнули капитана де Панжа, — а помнишь, два года назад мы пое-

хали в Россию, имея право только на двадцать пять килограммов багажа?

— Помню. Ну и что?

— А то, что теперь кое у кого перевес. Кто возвращается на фронт, тем и горя нет: поезд, он потащит. А кто вылетает в Париж, да еще кружным путем?

— Какой перевес? — озадачился капитан.

— А ты погляди на де ля Пуапа, Альбера, Андре, Риссо... Да ведь их грудь теперь бронебойной пушкой не возьмешь, столько орден-ов да медалей навешано! Бьюсь об заклад, в каждом перевесе на килограмм, а то и на два. Ты это запиши, запиши!

Все хохочут. В Париж уезжают 20 человек — ветераны полка, на фронт возвращаются 40 — пополнения прошлых лет, и кто кого провожает, кто кому больше завидует, не понять. Отсмеявшись со всеми, де Панж продолжает хроники, и по тексту можно судить, как «мы» постепенно отдаляется от него:

«...Ветераны полка, побыв недолго в Москве, скоро поедут во Францию в отпуск на пару недель. В 11 часов мы нанесли визит в военную миссию, где генерал Пети предложил тост в нашу честь. В 18.30 прощаемся с ветеранами, которых увидим теперь не скоро, и отправляемся на вокзал...»

Пора! За окном уже урчат машины, поданные, чтобы отвезти полк на вокзал. Роли, кажется, окончательно перепутываются: те, кто остаются на фронте, оказываются «уезжающими», во всяком случае, они уезжают первыми. Де Панж протягивает кому-то из них

журнал. Полковник Пьер Пуйяд, хотя отныне уже не он, а майор Луи Дельфино командует полком, едет на вокзал и с каждым прощается так: сначала под козырек, потом следует пожатие протянутых рук, потом короткое мужское объятие, с хлопанием друг друга по плечу. Снова под козырек, уже кому-то другому, а по пути рука быстро, как бы вскользь, смахнет с ресницы слезу. И так 40 раз.

Плачьте, мужчины! С миром расставаться трудно, еще труднее с войной.

Кто-то, видно, уже в поезде, закончил отчет этого дня:

«В 20 часов мы покинули Москву в сильно расстроенных чувствах, но с надеждой, что в небе Восточной Пруссии мы пожнем урожай побед, которые стяжали за время осенней кампании...»

По черной нитке рельсов поезд помчал обратно на фронт полк «Нормандия—Неман». Где-то по обочинам этой нитки, в одиночных и братских могилах, а чаще и безвестно где, полегло уже 33 французских летчика; еще девять спешат на свою смертную тризну. Еще нельзя этого знать, еще только... нет, уже декабрь сорок четвертого... однако не кончен счет победам и смертям, идет война,— но один итог бесспорен, да и подведен уже.

Франция и СССР только что заключили договор о союзе и взаимной помощи. Ради этого полк и был полным составом вызван с фронта советским командованием и приехавшим в Москву председателем временного правительства Французской республики генералом

Шарлем де Голлем. Чистили сапоги, драили пряжки, достали парадную форму, зная, что являются не статистами на дипломатическое представление, а чуть ли не главными действующими лицами, без которых не было бы полно это торжество. И если багаж каждого из них действительно потяжелел от двуправительственных наград, то — пусть и приурочено это было к событию — основанием для каждой нагрудной накладки послужил конкретный ратный труд и риск — полковой и личный. Война эта, как никакая другая на человеческой памяти, коллективизировала ратную работу, но вместе с тем коллективизировала и риск. Только сердце человеческое по-прежнему умирает в одиночку. Сердцам друзей дано лишь замереть от боли, чтобы она — рубцами памяти — осталась в них навсегда.

Сто с лишним имен за три года включил в себя боевой состав полка «Нормандия—Неман». Сто разных биографий, разных характеров... Первый боевой командир «Нормандии» Жан Тюлян отказывался жить в избе и на любом новом аэродроме начинал с оборудования землянки, метрах в двадцати от самолета, чтобы по тревоге тут же и взлететь. «Белое облачко, казалось всего на секунду разделившее нас в бою 17 июля 1943 года, — вспоминал Пуйяд, — скрыло его от меня навсегда...» Капитан-летописец Жан де Панж вослед полковому журналу военной поры рассказал о судьбах самых близких ему друзей, воевавших в небе России. Ни чертой войны, ни даже гранью смерти не оборвать было

памяти о них; вот Альбер Литтольф, сбивший 14 самолетов противника и погибший за день до Тюляна:

«Как говорил Сент-Экзюпери, для Литтольфа было бы катастрофой умереть дома, в своей кровати. Когда, спустя пятнадцать лет после войны, в русском лесу были найдены его останки и доставлены во Францию рейсовым самолетом Аэрофлота, мы, с десятков ветеранов полка, пришли его встретить в Бурже. Мы были глубоко взволнованы и в то же время чувствовали, что сам он, Литтольф, иной судьбы себе бы не пожелал...»

Сама история возложила на эти сто человек миссию вступить на путь, ведущий к франко-советскому союзу. Выбрав движение «Свободная Франция», они тем самым становились бойцами ее постепенно возрождавшихся вооруженных сил. Но — важно помнить — в Россию они ехали и оставались там на положении добровольцев. Каждый в любую минуту вправе был покинуть полк, а значит, и страну — однако если и покидали, то только на носилках. Хотели они того или нет, поодиночке или коллективно, но они стали «Чрезвычайным и Полномочным Послом Франции в СССР» — не зря полк в годы войны так и называли.

Да, в России им выпало представлять свой народ, его отвагу и дружелюбие, открытый и честный характер. Но вот первые 20 летчиков возвращаются во Францию, и... Представляли ли они себе, какой они ее найдут?

Зато они, конечно, хорошо помнили, какой покинули ее.

2. От «версальских» печатей к «мюнхенским»...

1 сентября 1939 года германские войска взломали польскую границу и быстрым маршем, на танках и мотоциклах, топча и рассеивая полки усатых драгун, двинулись к Неману. Два дня думали французское и английское правительства. Связанные с Польшей договорами о военной взаимопомощи, они обязаны были ей помочь и направили Гитлеру сердитые ультиматумы с требованием повернуть назад, не то и они вступят в войну. Гитлер ломился вперед — в сторону СССР. Наступило воскресенье 3 сентября. В 11 часов утра истек английский ультиматум, а в пять часов дня — и французский. Началась та самая «странная война», которую, по выражению Антуана де Сент-Экзюпери, французы «наблюдали с балкона». Восемь с половиной месяцев германские и французские войска стояли на границах друг против друга, одни на линии Зигфрида, другие на линии Мажино, не стреляя, не воюя, переглядываясь через Рейн. Французам строжайше было запрещено палить в сторону врага, чтобы, боже упаси, спровоцировать военные действия.

Осень меж тем вступила в окопы сыростью, инеем по утрам. Не замерз бы защитник отечества! Тридцать девять депутатов на исходе 1939 года подняли в Национальном собрании шумную патриотическую кампанию, тут же перекинувшуюся в газеты, девизом ее было — вдоволь подогретого вина фронтовикам! Оно хорошо от насморка и побеждает мрачные

мысли. Дирижировал кампанией Эдуард Барт, депутат от департамента Эро, возглавлявший парламентскую комиссию по производству напитков. За всю «странную войну» это было самое заметное общественное движение...

Но как-то незаметно французская пресса за это время успела разжаловать Германию во «врага № 2». В парламенте, особенно по настоянию группы бывшего премьера Пьера Лаваля, бесконечно дебатировался вопрос о заключении мира с Германией и объявлении войны СССР. «Со своей стороны я считаю чрезвычайно важным сломать хребет Советскому Союзу либо в Финляндии, либо в каком-нибудь другом месте», — докладывал главнокомандующий французскими вооруженными силами в районе Средиземного моря генерал Максим Вейган. Решили отправить в Финляндию замаскированные под добровольцев регулярные войска, но было поздно: СССР и Финляндия начали переговоры о заключении мира. Правительство Эдуарда Даладье за нерасторопность подвергли в парламенте такому разному — это март 1940 года, — что оно вынуждено было уйти в отставку. Кабинет возглавил Поль Рейно. Генералы сели чертить схемы наступлений и операций... против СССР, хотя враг стоял на пороге страны, и враг это был старый, внушавший Франции отвращение и ужас: пангерманизм. Бисмарк, Мольтке, Вильгельм, Гитлер... пангерманизм, сменившийся нацизмом, смертельной угрозой нависал над свободой европейских соседей.

Как могли забыть это французы, даже если не думали об этом в ту пору их политики? В Сент-Экзюпери я вижу того свидетеля эпохи, который по уму, по зоркой своей наблюдательности, по питавшей его информации помогает нам постигнуть эту невероятную метаморфозу. Сам Сент-Экзюпери ни на минуту не утратил беспокойства по поводу истинных намерений Гитлера, слившего пангерманизм с идеей арийского превосходства немецкой нации. «Сегодня нам всем очевидно, что сложить оружие значило бы растравить аппетиты Германии», — сказал Сент-Экзюпери в одном из выступлений по радио. Это был октябрь 1939 года: уже готовятся к зимовке защитники линии Мажино, в разгаре кампании о поставках на фронт вина, а с ним и нагревательных аппаратов; но сам Сент-Экзюпери все строчит прошения в истребительную авиацию. Он все еще пилот гражданской связи; военным летчиком станет только завтра. Ни тени сомнения, что необходимо им стать: ведь завтра гитлеровский сапог шагнет во Францию. В этом Сент-Экзюпери уверен тем более, что «германо-советский пакт навеки закрыл Гитлеру дорогу на восток» (обращаясь к тому же его выступлению по радио).

Вот она, та болевая точка, куда рассчитанно была нацистская пропаганда, а вслед за ней, слово в слово, и «пятая колонна» во Франции, в конце концов затуманив мозги даже самым светлым умам! Неужто мы, французы, полагаясь на последних своих друзей, англичан, вздумаем тягаться с великим рейхом, класть головы за Польшу, из-за которой так неосмот-

рительно ввязались в войну? Ведь уже был спор из-за Данцига — тогда спорили, спорили и, похоже, решили: нет, не стоит из-за Данцига идти умирать — ни французам не стоит, ни англичанам. Пришел черед чешских Судет, снова запахло в Европе войной, снова распалились споры: а из-за чехов как, стоит ли умирать? И снова вышло, что нет, не стоит. Фашистский генштаб это предвидел. «Если социальные противоречия во Франции приведут к такому внутриполитическому кризису, который охватит и французскую армию и ее нельзя будет использовать для войны против Германии, то это будет означать, что наступил момент для выступления против Чехии». Гитлер сказал эти слова еще в ноябре 1937 года, на совещании в рейхсканцелярии, где обсуждался план мировой войны. И вот этот момент наступил, в истории он известен как мюнхенское соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией. Гитлер, Чемберлен, Даладье и Муссолини вчетвером подписали бумагу, ведущую Европу к войне.

В марте 1939 года в Чехословакию вошли фашистские полки, а маленький ее кусочек, карпатский украинский уголок, отщипнули в подарок венгерскому диктатору Хорти. Что на картах! — да на любой судьбе ищи отмети-ну, оставшуюся от азартных игр этих политических прожор.

* * *

Мой старший брат родился в Чехословакии — мы с сестрой родились уже в Венгрии, хотя с места наш дом не переезжал. Подумать

только! — выходит, одну метрику своей печатью придавил Версальский договор, две другие — Мюнхенский. Много лет спустя, вглядываясь в пожелтевшие метрики отца и матери — они родились в первую мировую войну, — я разгляжу в них слабые, столетней давности штампы, выданные Европе еще Венским конгрессом 1815 года, сразу по окончании наполеоновских войн.

Мы же родились, когда шла уже вторая мировая...

Мама спрятала в курятнике отцовские фотографии в форме сержанта чехословацкой армии, и все-таки, ближе к краху держав «оси», когда станут забирать на фронт всех подряд, заметут в хортистскую армию и отца, а по пятам за ним будет следовать бумага с двумя ромбиками в левом верхнем углу: «политически неблагонадежен». Как некогда по германской границе линию Зигфрида, а по французской границе — линию Мажино, так теперь по Карпатскому хребту, который с момента московского и сталинградского крушений рейх вообразит своим восточным бастионом, станут строить линию Арпада. У нас в огороде поставят вздернутое в небо зеленое чучело, способное сбить самолет или птицу, но мы так и не дождемся часа, когда же оно пальнет. Все произошло с невероятной скоростью. Лишь только на околице села слышится перестрелка, как зенитчики, варившие около чучела суп, похватывают ружья и бросаются наутек, двое из них не успеют даже завернуть обмоток — в хортистской армии не носили сапог, — и это мое последнее воспоми-

нение о войне: змейками обмоток она убегала в траву, на запад, да еще посреди огорода оставалось зеленое чучело... Через полчаса мы увидим русских солдат, я впервые услышу русскую речь и найду ее странно похожей на нашу, гуцульскую. Скоро появится и отец, его забросило куда-то в Европу, служил он в обо-зе без права носить оружие. Он дезертировал вместе со штабным писарем, односельчанином Михайлом, хорошо знавшим, что значат два ромбика на личном учетном листке, и выбравшим час для побега, когда откладывать на завтра уже было нельзя. В разваливающейся армии с неблагонадежными разговор короткий — руки за спину — и к столбу. Деревня их была за двумя фронтами, хотя вся Европа казалась сплошным фронтом, и шли они сквозь этот фронт день и ночь, шли с запада на восток, как будто хотели оторваться от бежавших за ними теней. Счастье улыбнулось им: они влезли в стог сена по одну сторону фронта, а когда вылезли, оказались уже по другую. «Вы кто же такие, — спросят русские солдаты, опустив наставленные уже ружья, изумившись их полупонятному славянскому языку, — малороссы, что ли? Гуцулы? С Карпат?» Они почешут в затылках: не слыхали о таких. А дезертиры, идущие в противоположном направлении — с запада на восток, — им объясняют наперебой: Гуцульщина, Верховина, в старину ее то Рутения звали, то Червонная, то Подкарпатская Русь... ну, слышали?! Им бы сказать еще: Мюнхенский передел Европы, панская Польша оторвала от пораненной Чехословакии

«свой» кусочек Силезии, хортистская Венгрия — Подкарпатскую Русь и т. д. Гитлер-то сам глотал большие куски: Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, своим же малым сообщникам-диктаторам бросал малые пограничные кости, из-за которых грызлись они насмерть... Но разве же тут до политбесед друг с другом! — язык один нашли, ружья опустили, и то слава богу. Можно теперь не прячась идти домой.

На крышах поездов — почему-то в костюме, но босиком — доберется отец домой. Я этого дядю никогда не видел, но старший брат закричит:

— Да это же наш нянько!

Фотографии его уже снова были повешены на место: и точно — он. На следующий день отец с матерью вместе пойдут в школу и снова поделят ее пополам, на старших и младших, потому что их было два учителя на село. А учить теперь станут безо всякой методики, чувствуя, что уже ни чешская, времен президента Масарика, ни тем более венгерская, времен Хорти, не годятся, миновал их век. Они по наитию будут преподавать ту русинскую грамматику, которую родила интеллигенция моего края, — причудливую смесь гуцульских диалектов с русизмами и украинизмами пополам. Одно воскресенье весны сорок пятого запомнится мне на всю жизнь: у нас был народный референдум. В черных кресах и цветастых платках на головах, в расшитых сорочках и рушниковых юбках, все село толпилось у школы, и казалось, что это великий день — так у нас пасху зовут. Мы пошли к

урнам все пятеро: нянько, мамка, брат, я, сестра. Голосовали двое, выбирая судьбу всем пятерым. Потом у нас долго сидели гости, аж до вечера, пили сливовицу, обнимались, плакали, потому что село наше единодушно вызвалось присоединиться к Советской Украине. Но разве ж одно село может самостоятельно такие вопросы решать с другим большим государством? Надо, чтобы то же самое решил край. На завтра снова были и сливовица, и поцелуи, потому что и край решил, как наше село, — так народилось Советское Закарпатье. А семья моя, скажу вам, явилась перекрестком гуцульского рода отца и венгерского рода мамы, скатившегося, как отец шутил, с румынских Трансильванских гор, мало того, скрестилось в ней еще и православие с католицизмом, отчего трое нас родилось в униатстве и при верующей маме выросло в атеизме. То воскресенье с референдумом стерло из наших гражданских актов печати и «венские», и «версальские», и «мюнхенские», я отдал себе в этом отчет много позже, и тогда меня сильнейшим образом заинтересовало, как же голосовала мамина родня, ибо с отцовской — верховинские крестьяне — тут все было ясно. Так вот, во всей маминой родне нашел я одного только дядю, попробовавшего с помощью тайного голосования перекричать историю. Он крутил усы на манер Франца-Иосифа даже четверть века спустя после крушения Австро-Венгрии. В сущности, он был нам чужак. «Городской» мой дед, по маме, сдавал комнату: так однажды зимой сорок пятого появился у него старик кварти-

рант, всего только один год уступавший деду Дезидерию в возрасте. До референдума успел он задурить голову тетке, младшей маминой сестре, уверяя, что гуцулы выберут присоединение к Венгрии, а Венгрия конечно же останется с Западом, с капитализмом, и тогда вот они заживут, потому что он-то не быдло, он пан — у него частное владение — мельница есть. Итак, два голоса были против, но если они ошиблись в ближайшем расчете, то еще больше ошиблись в дальнем: потом и венгры проголосуют за народную власть, за социализм. До самой своей смерти Калман-бачи мучил меня письмами — я уже работал в газете, в Москве, — как там, не слышно ли, не будут ли мельницы возвращать бывшим владельцам? Свою-то он уже не чаял вернуть, потому что на ее месте на нашей горной Рике построили электростанцию, она теперь давала всему Закарпатья свет: «Но, может, подобную?» А больше ни у кого никакой частной собственности, обратимой в орудие эксплуатации чужого труда, ни на городской, ни на деревенской половине рода не было: тут учили грамоте, там растили кукурузный хлеб. Сдававшаяся внаем комната, я думаю, не в счет, хотя она-то и вычла из нашего родственного голосования уж один-то голос точно, но, может быть, и два.

Когда французский историк Ф. Фейто — кстати, бывший гражданин Венгрии — уверяет теперь общественное мнение, что выборы и референдумы во всех прилегающих к

Советскому Союзу краях и областях были произведены «под ружьем», так, как это сделал Гитлер в Саарской области, в провинциях Лотарингия и Эльзас, — я знаю, что тут ловко смешаны правда и ложь. Правда — про Саарскую область, про Лотарингию и Эльзас. Ложь — про мое Закарпатье, про Венгрию и Чехословакию, про Румынию и Польшу. Он уверяет, что теперь, мол, в паспортах европейцев оттиснуты «ялтинские печати» и печати эти душат их гражданские свободы так, как вчера душили «мюнхенские», — я знаю, что и в этом броском сравнении половина правды, половина лжи. Но ложь, искусная и особенно опасная, состоит в сокрытии действительной правды: что именно «ялтинские печати» гарантируют сегодня Европе и миру главную и самую драгоценную из человеческих свобод — мир. Надо дышать на эти печати, оберегать нам всем: политикам и дипломатам, историкам и военным, писателям и журналистам, да просто гражданам всех стран, — потому что в обозримом будущем альтернативы этой «печати» в Европе нет и вряд ли предвидится. Мир устоялся и нашел свое равновесие, и нам необходимо зорко вглядываться в прошлые исторические эпохи, изучая, как, по чьей вине вдруг его приводили в наклонное состояние. Ведь вчерашние зенитки уже давно превратились в музейные трофеи, а на месте их теперь стоят пугала, способные через шесть минут ударить по цели на другой половине мира.

Смерть сегодня могут прислать издадека, и не ступив сапогом на землю твою.

Альтернатива если и есть, то только одна: уважать нынешние границы, в каждом доме жить по собственной формуле общественных свобод. Спорить о свободах — да! — но их неприятие или критику не делать предметом конфликтов, разрешаемых с помощью оружия. Что же до оружия, то снижать, снижать и снижать его накопления, оно ведь снова лезет из армейских тайников на возделываемые поля и огороды, отнимая землю у хлеба и огурцов. Но вот президенты США — сначала, робко, Джимми Картер, затем, с вызовом, Рональд Рейган — предлагают миру совершенно другую альтернативу: «Пересмотреть Ялту!»

Не наклонить бы мир! Ведь не шахматная же доска: рассыпал — собрал, пустил часы истории снова: с 0 часов 0 минут...

3. Письмо за океан

Было пять часов утра 10 мая 1940 года, когда полки вермахта вошли в Бельгию. Навстречу им в Бельгию немедленно вступили с юга англо-французские войска. «Желтая операция» развернулась точно по наметкам немецкого генштаба: одновременно прорвав фронт у Седана, гитлеровцы захлопнули союзников в «бельгийской ловушке». Линия Мажино, естественным продолжением которой французское командование считало границу своего нейтрального соседа, была просто обойдена с фланга.

Самое странное, что точно так же — через

нейтральную Бельгию — германские войска вступили во Францию и в 1914 году. Кто-то упрямо забывал уроки истории, кто-то упрямо отказывался верить в возможность ее повторений...

На франко-бельгийской границе шли тяжелые воздушные бои, в то время как сухопутные армии в беспорядке отступали. «Где уж тут думать о потерях, когда все идет прахом, — писал Сент-Экзюпери. — На всю Францию нас осталось пятьдесят экипажей дальней разведки. Пятьдесят экипажей по три человека, из них двадцать три — в нашей авиагруппе 2/33. За три недели из двадцати трех экипажей мы потеряли семнадцать. Мы растаяли, как свеча».

Франция стояла на краю катастрофы.

Еще в ходе «странной войны», в самом начале сорокового, друживший с Сент-Экзюпери министр информации Жан Жироду надумал послать писателя-летчика со специальной пропагандистской миссией в США, чтобы воспламенить там общественное мнение, побудить американское правительство к решению прийти Франции на помощь. Сент-Экзюпери взмолился тогда: оставьте мне мою долю войны, ведь я же только-только надел форму, да и не дипломат я — за столами разговоры вести! Тогда он еще не сомневался в благоприятном ходе будущих сражений, в победе французского оружия. Однако хватило недели войны, чтобы ужаснуться обороту, который она приняла. 16 мая он сорвался в Париж и настоял на приеме у премьер-министра Поля Рейно.

— Я прошу вас немедленно послать меня в США. В этой войне без авиации, без мощного авиационного заслона, поражение неминуемо. Меня хорошо знают в Америке как писателя и летчика. Я добьюсь у Рузвельта самолетов для Франции, а летчики у нас, слава богу, есть.

Премьер слушал его с улыбкой, впрочем доброй. Вы хороший пилот, Сент-Экс, и превосходный сочинитель! Но дипломатия, дипломатия... все-таки это дело профессиональных политиков, тут столько тонкостей, мой милый друг...

Поль Рейно направил в США дипломата Рене де Шамбрюна, но миссия его была обречена на провал уже хотя бы потому, что большинство членов французского парламента самым желательным союзником Франции видели... рейх. «Пятая колонна» уже не стеснялась говорить вслух и печатать — Франкрейх. Так имя Франции звучит для немца; но для француза теперь оно значило нечто совсем иное — Франция по фашистскому образцу...

Июнь. В панике бежавшее из Парижа правительство «ночует» в Туре. В хвосте его следует и бывший премьер Пьер Лаваль, точно предчувствуя, что звезде его суждено вот-вот взойти снова. «Я всегда стоял за соглашение с Германией и Италией, — рассуждает он в кафе перед министерскими чиновниками и случайной публикой. — Безумная пробританская политика и авансы, ко-

которые мы делали Советской России, погубили Францию. Если бы послушались моего совета, Франция теперь была бы счастливой страной, наслаждающейся благами мира». Эта сцена, по свидетельству французского журналиста Андре Симона, имела следующее продолжение: «Его перебил пожилой человек в сером костюме. «Господин Лаваль?» — спросил он и, прежде чем Лаваль успел ответить, дал ему пощечину».

Не была ли эта пощечина, на пять лет опередившая приговор французского суда Пьеру Лавалю — он вынесет ему высшую меру наказания, — первым жестом Сопротивления? Как могла страна, располагавшая мощной промышленностью, более чем пяти-миллионной армией, проиграть военную кампанию всего за 38 дней? Дрожжи капитулянтства уже давно взошли в подкупленной германскими капиталами печати, вскружили головы политикам, стратегам, финансистам. Такой казалась достижимой и близкой возможность толкнуть Гитлера на восток. Ради этого правительство Эдуарда Даладье подписало соглашение с ним в Мюнхене, а правительство Поля Рейно уже в ходе «странной войны» поручило генералу Максиму Вейгану — он был назначен главнокомандующим вооруженными силами Франции — разработать план нападения на СССР с кавказско-каспийского плацдарма. Операция намечалась на лето 1940 года. Основная, ударная роль в ней отводилась авиации...

Немцы уже шли на Париж, когда Рейно спешно вызвал из Мадрида французского

посла Филиппа Петена и назначил его своим заместителем. Филипп Петен поклонялся Гитлеру и был им за это высоко ценим. Маршалу шел восемьдесят пятый год. Он носил симпатичные французские усы, взгляд его голубых глаз одновременно выдавал натуру и «сурового солдата», и «доброго отца». К тому же с первой мировой войны за ним тянулась слава «героя Вердена». При ближайшем внимании историков оказалось, однако, что это легенда: ее долгие годы создавала прогерманская «пятая колонна» во Франции. Человек, на учетной карточке личного состава которого значилось: «Выше бригадного генерала не продвигать», игрой прихотливого случая через три года оказался во главе французской армии. Проиграл одно за другим все начатые сражения и не успел только с капитуляцией Вердена. Его он трижды пытался сдать немцам. Провел показательные расстрелы в возмущившихся полках и наверняка кончил бы сдачей Франции врагу, если бы вовремя не был заменен маршалом Фердинандом Фошем. В тот же Компьенский лес, в старый вагончик, где 11 ноября 1918 года маршал Фош принял капитуляцию кайзеровской Германии, теперь лично пожаловал Гитлер, чтобы поверженная Франция покаянно поникла. Это было 22 июня 1940 года. Ровно через год фельдфебельский сапог шагнет туда, куда его так долго подталкивали и подбивали, — на восток, на СССР.

Разлад «высших государственных интересов» и действительных интересов большин-

ства французов — политиков и нации — возник не вдруг. Он шел по нарастающей еще с 1933 года, когда, с перерывом в один день, Гитлер и Даладье — это он впоследствии поставит свою подпись под мюнхенским соглашением — вышли на европейскую политическую сцену. Этот разлад диктовался «200 семействами» Франции, имевшими право решающего голоса на общих заседаниях французского банка. Одно из расследований, предпринятых правительством Народного фронта, показало, что «банк находится в руках олигархии, которая управляет Францией через головы избранных страной представителей», что его 15 всемогущих регентов и акционеры-родственники «200 семейств» все больше объединяют свои капиталы с капиталами рейха, финансируют «пятую колонну», науськивая ее на коммунистов, на рабочих. Вишизм свалился на Францию? Нет! Он к ней подкрался. Не в силах сам сломить демократическое движение в стране, он ждал часа, предсказанного в гитлеровской «Майн кампф»: «...нужно понять, что мы должны, наконец, собрать все свои силы для активной борьбы с Францией, для последнего решительного боя».

Гитлер выражался ясно: Францию нужно уничтожить. Совершенно послушное рейху вишистское псевдогосударство и было первым этапом осуществления этой идеи. Почему, однако, фюрер сначала оккупировал лишь две трети Франции, а ее южной части с центром Виши позволил иметь даже свои призрачные государственные институты?

Потому что Франция была колониальной империей. Расчет был на то, чтобы удержать для себя с помощью «центрального правительства» французские колонии и флот. И когда в североафриканских колониях Франции в ноябре 1942 года — операция «Торч» — высадятся англо-американские войска, для Гитлера это моментально станет поводом перемахнуть через «барьер». Франция с этого часа вся станет называться Франкрейхом.

«Мы будем сражаться прежде всего, конечно, за Францию, ведь мы же французы: но для нас это значит сражаться также... за наше право понимать и чувствовать жизнь по-своему... А вы, граждане огромной страны, защищенной океанами, располагающей таким могучим флотом и армией, вы, отважные мужчины, ни перед чем на свете не ведающие страха, неужто вы умоете руки, как Понтий Пилат, и посоветуете сделать то же самое всем своим соотечественникам лишь потому, что вас эта война не касается?..»

Точно не известно, когда Сент-Экзюпери успел написать это первое обращение «К американцам» — в сороковом или сорок первом году, из объятый войной Франции или уже находясь в США? Биографы склоняются к первой дате. Это похоже на правду уже потому, что министр информации Жан Жироду 24 мая 1940 года послал в авиагруппу 2/33 срочную телеграмму: раз уж Сент-Экзюпери не поехал в США, так пусть он хотя бы обратится к американцам с воззванием:

Орадур. Город, сожженный фашистами

«Если бы Сент-Экзюпери в эти дни написал обращение к американцам, это могло бы произвести глубокое впечатление на общественное мнение и вызвать в США благоприятную реакцию.

Только он один пользуется в США достаточным авторитетом, чтобы веско ответить полковнику Линдбергу, выступившему на днях с пагубной для интересов Франции речью».

Фронт сломан, фашисты усиленно бомбят населенные пункты, стремясь вызвать всеобщую панику. Дороги забиты беженцами, армия не может даже организованно отступать. Это дни смятения. И такое же смятенное, растерянное обращение Сент-Экзюпери «К американцам», потому что каждый день

приносит ему разочарование и боль: Америка на помощь не спешит!

Остатки группы 2/33, всего шесть экипажей, оказались в Бордо, последнем прибежище французского правительства. Тут оно и слагает с себя полномочия. Все! Больше некуда лететь, больше некому отдавать приказов. Не в один ли из этих дней, вынужденно нелетный, и написал он свое горькое письмо за океан? Словно предугадывая недоброе, Сент-Экзюпери по одному собирает на улицах 40 пилотов — французов и поляков. В придачу находится и генерал. Все готовы лететь в Северную Африку. Известие о перемирии, подписанном в Компьенском лесу, служит сигналом: немедленно в воздух! Они штурмом берут старый четырехмоторный «фарман», заливают бак, за штурвал садится Сент-Экзюпери. Из самолета в полете выпадали болты. Вдобавок за спиной появился итальянский истребитель, но, видимо, летчик так и не смог решить, что же это за летающая развалина, какой она страны-армии...

Когда сели, генерал Ногес — тогда главнокомандующий французскими силами в Северной Африке — поручил Сент-Экзюпери неожиданную и ободрившую его миссию: изучить состояние наличной летной техники, установить, какими кадрами еще располагает воздушная армия, каков у пилотов дух. Два месяца займет у Сент-Экзюпери эта миссия. Доклад — смесь пессимизма и оптимизма: дух у летчиков боевой, но их мало, и мало самолетов...

Однако редко в ту пору случался день, когда бы из метрополии, буквально на последних каплях бензина, на какой-нибудь североафриканский аэродром не приземлялся самолет-беглец. Впрочем, понять здесь что-либо было так же трудно, как и в самой Франции. В колонию уже посыпались приказы от правительства Петена, отдавал приказы из Лондона генерал де Голль. Одни открыто исповедовали коллаборационизм¹, другие решительно его отвергали. В эти дни голлизм и стал символом борьбы «всех свободных французов» против фашизма. В решающей степени этому способствовало его политическое признание союзниками по антигитлеровской коалиции.

Как могло случиться, что именно Сент-Экзюпери остался голлизму чужд? «Франция, — заявил 18 июня 1940 года генерал де Голль, — проиграла сражение, но не проиграла войну». — «Скажите правду, генерал, — немедленно возразил Сент-Экзюпери, — Франция проиграла войну. Но ее союзники войну выиграют».

И все? И из-за такой-то малости, скорее даже словесной, чем смысловой размолвки, впасть в разногласие, которого они уже не смогут преодолеть? Учтем при этом важную подробность, уже не видную потомкам, но современникам, естественно, бросавшуюся в глаза: ведь когда де Голль обратился

¹ Коллаборационизм — доктрина сотрудничества оккупированной Франции с фашистской Германией. Официально провозглашена в октябре 1940 г. Гитлером и Петеном на встрече в г. Монтуар.

к нации с призывом оказать отпор врагу, большинство французов услышало его имя в первый раз. Имя же Сент-Экзюпери не понадобилось в пояснениях.

Сороковой год. Уже слетаются на северо-африканские аэродромы те, кто через два — два с половиной года отправятся в Россию, на Восточный фронт. Сент-Экзюпери разошелся с «Нормандией», увы, прежде всего во времени. Но не только во времени... Весь сценарий дальнейшей войны рисовался ему совершенно иначе, чем он выйдет наяву, и он искал себя в этом сценарии там, где надеялся принести родине наибольшую пользу.

Вдруг он сделал невозможное, невероятное. В августе снял с себя военную форму, сел на старую средиземноморскую посудину «Ламорисьер» и сошел на берег страны, носившей теперь название «свободная зона Франции», или, по названию ее столицы, Виши. От зоны оккупированной эту страну отделял барьер, невысокий, в человеческий рост, на всем протяжении своем охраняемый немецкими патрулями с овчарками. Родительский дом, к счастью, оставался в «свободной зоне». Сент-Экзюпери сел за роман «Цитадель». Теперь его самое сильное оружие против затаившегося врага — перо. Пером он примирит и сплотит французов, возбудит их отвагу и дух. Увы! Не пишется. Он нервно крутит радио, с треском разворачивает каждый день газеты — ничего! Никаких признаков, что США намерены вступить в войну. Закрадывается мысль: нет, сидя в

Виши, союзников не дожидаться... Но теперь он заложник Виши, без визы отсюда не вырваться.

В октябре он отшвырнул перо и поехал в этот засыпанный каштанами городок, где раньше никогда не бывал. Новая столица кишела людьми. Матроны со стаканчиками пили из источников воду. Сент-Экзюпери встретил старого сослуживца из «Аэропосталь», страшно ему обрадовался, и то, что произошло дальше, мы знаем благодаря оставленному Роже Бокером воспоминанию.

Они пошли обедать в ресторан гостиницы «Отель дю Пари». На третьем этаже этой гостиницы, у углового окна, сидел румяный белоусый старик, готовясь к выступлению перед матерями отечества. Не забыть бы им сказать, чтобы учили детей поплотнее запахивать кашне, рано ложиться и рано вставать. Да, еще про сырые ноги: плох тот солдат, который ходит с сырыми ногами, далеко не ушагаешь, насморк и все такое прочее!.. Маршальша жила в отеле рядом и строго по часам приходила уводить маршала на завтрак, обед, ужин. Кстати, вот и обед, скоро она уже придет, а Лаваль уже, должно быть, пришел...

Сент-Экзюпери и Роже Бокер увидели, как вошел Пьер Лаваль. Нельзя было не узнать это одутловатое лицо с моржовыми усами, этот неизменный белый галстук на шее и целлулоидный воротничок, чубчик на лбу. Кровь бросилась в голову Сент-Экзюпери:

— Так вот он, человек, продающий Францию!

Бывший премьер и бровью не повел. На того, кто прилюдно нанес ему эту вторую за войну пощечину, только что заведено досье. Он назначается на официальный пост в секретариате по народному просвещению. Этот пилотишка, пописывающий романы, может оказаться очень полезен в деле воспитания юношества Виши. Про кашне и сырые ноги все, что надо, скажет маршал, но ведь юношам необходимо сказать и еще кое-что, душам их сказать, сердцам.

Виши пока сохраняет видимость самостоятельного государства, но зоркому глазу видно: нет, это уже Франкрейх! «Здесь удушьящая атмосфера... нечем дышать...» Посольство Испании в Виши отказало Сент-Экзюпери в визе, припомнив ему репортажи о гражданской войне. К счастью, еще можно уехать в Алжир — Виши все еще считает его своей колонией. Оттуда Сент-Экзюпери вырывается в Португалию и ждет корабль в США.

30 декабря 1940 года он увидел статую Свободы в Нью-Йоркском порту, подарок Франции к столетнему юбилею США.

Он сошел на берег страны, в которой царил мир, хотя все только и говорили о войне.

Война, это было так далеко отсюда! Но ни на минуту гость Америки не забудет, что в Европе, которую он оставил, бушевал пожар.

Он мучительно думал: как это произошло? Нельзя ли было избежать? И как теперь потушить?

4. Адольфы и Михаэли

Я держу в руках книгу-пуд, читаю аннотацию на задней обложке, диву даюсь: что за чушь? Ах, это военно-политическая фантастика... Очень модный нынче на Западе жанр. Добрых 90 процентов такой лжели-тературы в разных видах разрабатывают один и тот же сюжет: на мирную, невинную, безмятежную Европу — и почему-то обязательно в воскресенье — вдруг набрасываются войска сверхвооруженного Варшавского пакта. Бельгийский генерал Клоз, английский генерал Хеккет, французский генерал Франсуа хоть пишут свои романы, кажется, поврозь, однако схожи до такой степени, что прочесть достаточно один, дальше можешь ограничиться аннотациями на обложках. Однако печатный кирпич, который я держу в руках, нечто непривычное.

Что ж, читаю внимательно от начала до конца.

Так вот оно что! Андре Коста, автор романа «Призыв 17 июня», поместил свой фантастический сюжет не в будущее, как отставные генералы-футуристы, а... в прошлое. Туда, где уже все произошло и ничего не изменишь, откуда только и остается, что черпать уроки для будущей истории. Может быть, произвольно переписывая историю, именно эти уроки автор и старается извлечь?

Значит, так: де Голль в Англию не поехал. Он остался, наоборот, во Франции и убедил Петена никакого перемирия с Гитлером не подписывать. Но ломит Гитлер, и делать

нечего — маршал Петен и генерал де Голль спасаются бегством в Алжир и оттуда вдвоем поднимают патриотов на Соппротивление. Торжествует идея национального согласия. Хотя Франция и оккупирована врагом, однако надвое — на коллаборационистов и антифашистов — не разделилась. Американцы остаются за своими океанами, правда, обильно шлют оружие воюющим французам и англичанам. В одно прекрасное утро Петен и де Голль, оба в чудном настроении, дарят алжирцам конституцию, а те в порыве благодарности избирают маршала алжирским и уж заодно... французским президентом.

Вспомним: 18 июня 1940 года Шарль де Голль призвал французов к борьбе с оккупантами («Франция проиграла сражение, но не проиграла войну...»). Почему же в заголовке романа дата призыва смещена на один день? Почему 17 июня вместо 18-го?

А вот почему.

Реальный вариант: 17 июня растерянное французское правительство добежало до Бордо. В этот день Поль Рейно сложил с себя полномочия премьер-министра и передал власть Петену. «Спаситель родины» немедленно запросил у Гитлера мира.

Фантастический вариант: 17 июня в Бордо, на свидание к Петену, который только что взял в свои руки власть, срочно приезжает генерал де Голль. За обедом они договариваются вместе руководить Соппротивлением и обращаются к нации — отсюда и «призыв 17 июня».

Так, дескать, могло случиться... и если бы так произошло, то как же было бы хорошо! Фашистский сапог подмял Францию, но Франция — изнутри и извне — сопротивляется. О коллаборационизме и речи нет.

Но вдруг фантастический этот сюжет делает такой кульбит, что реальные драмы прошлого превращаются прямо-таки в водевили. В общую алжирскую резиденцию Петена и де Голля звонит их окаянный враг, пол-Европы подмявший под себя. Звонит им фюрер и сообщает, что, мол, утром на рассвете, в четыре часа, границы Румынии (а рядом же Австрия, а она уже пережила аншлюс) и границы великого рейха (Германии с Польшей вместе) взломали красные войска. Они могут захватить Германию, потом Францию, то есть, считай, всю Западную Европу. Переполох! Ефрейтор, маршал и генерал решают забыть свои разногласия и встретить вместе «общего врага»...

Какое чудовищное осмеяние истории собственной родины!

При всем том Андре Коста обнаруживает знание документов совещания трех военных миссий: советской, французской и английской — в Москве, но к переписанному им сценарию второй мировой войны прилагает это знание ради чисто антисоветского выверта.

О чем в действительности шла речь в Москве в августе 1939 года и по чьей вине военная конвенция трех стран, которая могла бы остановить агрессора, осталась неподписанной?

Маршал К. Е. Ворошилов, открыв это совещание, сразу предъявил мандат советской делегации на ведение переговоров и подписание военной конвенции. Предъявляет свой мандат и глава французской делегации генерал Ж. Думенк. Глава английской делегации Дракс заявляет, что он уполномочен вести только переговоры, но никакого мандата на подписание конвенции ему не дано.

Первое замешательство. Зачем же вести переговоры, ничего не подписывая? Война в Европе разразится не сегодня завтра, последняя возможность предотвратить ее или максимально локализовать — это трехсторонний англо-франко-советский пакт против потенциального агрессора. Маршал Ворошилов: «Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи. Мы можем вести переговоры по вопросам организации обороны Англии, Франции и СССР от агрессивных стран Европы, и мы можем подписать военную конвенцию. Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны».

Вскакивает адмирал Дракс. Он наговорит множество слов: пока будем заседать, я попрошу полномочия из Форин офис, мандат мой придет, пока важно договориться, а когда договоримся, право подписи мне наверняка дадут... Он скажет все, кроме правды. Ибо вот какую инструкцию для британской делегации заучил наизусть адмирал Дракс перед отъездом из Лондона — инструкция была так

строго засекречена, что ее не рискнули даже взять с собой в Москву:

«Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками...»

Кое-как преодолев первое затруднение, переходят к изложению планов взаимной помощи на случай войны. Тут оказывается, что ни у французской, ни у английской делегации этих планов попросту... нет! Или есть только в самых общих чертах. У советской стороны складывается впечатление, что и Париж и Лондон намеренно сформировали делегации из узких армейских специалистов с целью побольше разузнать о состоянии советской обороны, о планах Советского Союза, зато поменьше открыть «секретов» своему предполагаемому союзнику. Тем не менее мы излагаем свои планы. Впечатление? Судите по телеграмме Ж. Думенка в военное министерство Франции, ставшей нам известной, разумеется, только после войны:

«...Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения; маршал Ворошилов утверждал, что все эти вопросы о помощи, тылах, коммуникациях и т. п... (многоточие оригинала. — А. С.) могут быть обсуждены без каких-либо труд-

ностей, как только вопрос, который они называют «кардинальным вопросом», будет разрешен...»

«Кардинальный вопрос». Что же это за вопрос, на который будто коса на камень нашли переговоры? СССР отдавал себе отчет в том, что первыми жертвами гитлеровской агрессии наверняка станут Франция и Англия. Чтобы прийти им на помощь, наши войска должны были получить право прохода на западные границы Польши или — в зависимости от обстановки — Румынии.

Никак иначе и нельзя было представлять себе коллективный отпор агрессору. Прекрасно это сознавали и в Париже и в Лондоне, ведь они были связаны с Румынией и Польшей политическими и военными союзами.

Это, как многократно предупреждал СССР, явилось бы единственной гарантией, что Гитлер не посмел бы напасть ни на одну из названных стран, либо сразу должен был бы принять войну на два фронта.

Какими инструкциями снабдил Форин офис адмирала Дракса при отъезде в Москву, мы уже видели. Посмотрим теперь на те же переговоры, так сказать, из окошка парижской дипломатии. Директор кабинета Эдуарда Даладье, ближайший его советник Роже Женебрие недавно выпустил книжку «Франция вступает в войну»:

«Франция обязалась, Великобритания тоже, обеспечить свободный проход советских войск, притом были даны не только словесные обязательства: мы заверили СССР в том, что у нас есть достаточно способов и средств

получить на это согласие польского правительства...»

И вот уже Драксу, а с ним и Думенку не терпится подписать конвенцию — скорей! скорей! Что же так сильно изменилось в позиции Форин офис, вчера еще наставлявшей адмирала-дипломата максимально затягивать переговоры и ничего не подписывать? Почему так круто изменилась и позиция Парижа? А дело вот в чем: именно в ходе переговоров стало совершенно ясно, что при отсутствии четко сформулированных польских и румынских обязательств о пропуске советских войск для защиты Франции и Англии от гитлеровской агрессии конвенция превращается в пустую бумажку. Эту пустую бумажку Париж и Лондон не просто готовы, они очень хотят ее подписать.

Они, конечно, сознают, что такая пустая бумажка опасна прежде всего для судьбы Польши: она рискует подвергнуться агрессии первой и, увы, не сможет рассчитывать на помощь со стороны СССР. Правда, это вынудит Францию и Англию в силу союзнических отношений с Польшей вступить в войну, что они, продумав два дня, и сделают... Вот они, истоки «странной войны», войны без сражений! Зато фельдфебельский сапог уже на Немане...

Мы прекрасно видели эту двойную игру европейской дипломатии. Лондон, Париж, Варшава лихорадочно искали какую-то такую формулу польского участия в конвенции, которую мы сочли бы достаточной гарантией ее действенности. Из Варшавы уже прямо-

таки потоком лились заверения... в Париж и Лондон! Но только не в Москву. У нас не осталось выбора. Гроном грянуло это известие: СССР и Германия подписали пакт о ненападении.

О ненападении... На дипломатической шкале это куда более скромный разряд, нежели то, что так настойчиво предлагалось нами ведущим странам Европы, — договор о политическом союзе и взаимной помощи, обеспеченный многосторонней военной конвенцией. Договор с Германией о ненападении давал СССР лишь передышку, временно отодвигая опасность от наших границ.

Лишь после войны станут доступны чтению архивы рейхсканцелярии. «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе...» Это та самая речь Гитлера, на совещании 23 ноября 1939 года, когда, уже проглотив Польшу, он вместе с другими главарями вермахта уточняет дальнейший план мировой войны. Куда теперь шагнет сапог, на запад или на восток? Уж будто бы он нацелился на восток (поправ, кстати, имевшийся с Польшей пакт о ненападении), отчего ж не идти дальше? Но абсолютно подтвердится наш анализ: Гитлер сначала захочет обезопасить свой тыл, захватить всю Европу, обрядить ее в серо-зеленые шинели, потом уж повернуть снова на восток. Отсутствие системы коллективной безопасности европейских стран даст волю сапогу ступать так, как повелевает ему заключенный в железную каску мозг.

Творец французской дипломатии тех лет

Роже Женеврие «Майн кампф» не читать не мог. Там много раз — и про Францию, и про Англию, и про Польшу, и про Россию: стереть с лица земли! ни названий не оставить, ни границ! А роман хромоногого студента Иозефа Геббельса, допивавшего из чужих кружек в пивных? Ведь когда Геббельс станет министром пропаганды рейха, роман «Михаэль» станут читать так же внимательно, как «Майн кампф», — хотя, кстати, авторы сотворили эту классику политического бреда, еще не будучи знакомы друг с другом.

«Я вижу дымящиеся развалины домов и деревень в свете вечерней зари. Я вижу угасающие взгляды и слышу мучительные стенания умирающих. Руки мои черны от порохового дыма, одежда моя красна от крови... Я уже не человек. Меня охватывает бешеная ярость! Я чую кровь!

Давно ли я шагал по обширной русской равнине или по разгромленной французской земле...»

Теперь эти люди в рейхсканцелярии планировали мировую войну, раскраивая Европу по фашистскому образцу.

Об этом мы предупреждали, это предвидели, этого старались избежать. Нет! — в ослеплении антисоветизмом Запад рискнул открыть себя для удара, оставшись с Адольфами и Михаэлями один на один, фронт на фронт.

Но ведь это же ждало (или могло ждать) и нас: война на один фронт, против соединенных армий Европы, послушных полувменяемым Адольфам и Михаэлям. Когда

Гитлер напал на Польшу, мы предприняли то единственное, что могли и должны были предпринять: отодвинули от себя опасность как можно дальше. Не «благодаря», а вопреки пакту с Германией СССР смело пришел на помощь жившим на чужбине землякам, которым грозила теперь фашистская неволя.

И тем не менее этот вздор — «Германия и СССР поделили Польшу!» — на Западе сделали уже чуть ли не исторической аксиомой. Меж тем достаточно взглянуть на европейскую карту 1939 года, чтобы увидеть: СССР отодвинул свои границы на запад до городов... Брест-Литовск и Львов!

Это были Западная Белоруссия и Западная Украина. Земли, аннексированные у СССР в 1918—1921 годах.

Я и теперь могу показать вам в Карпатах поле — а мне отец показал, — которое делилось когда-то на три клина. Здесь после мюнхенского передела Европы три границы сошлись: румынская, венгерская, польская.

А окрест лежит и всегда лежала украинская земля.

* * *

«Капитуляция Парижа, которой, впрочем, следовало ожидать, повергла нас в неописуемое состояние!.. Франция так низко пала, так обесчещена, что лучше бы ей сгинуть... Я снял свой орден Почетного легиона, ибо слово «почет» изъято из французского языка, и я настолько перестал считать себя французом, что собираюсь спросить у Тургенева... как сделаться русским».

Гюстав Флобер написал эти слова в 1871 году, когда с помощью прусских штыков Луи Адольф Тьер в крови потопил Парижскую коммуну. И это был поворотный для Франции год, с которого медленно, трудно, преодолевая тысячи барьеров и предрассудков, она стала добиваться франко-русского союза. Это осуществилось 20 лет спустя. Союз был подкреплён военной конвенцией. Когда в Кронштадт прибыла французская эскадра и император Александр III, обнажив голову, «смирно» выстоял запрещенную в России «Марсельезу», на этом параде генерал фон Швейниц, германский посол в России, чувствовал себя «живым пережитком прошлого». «...Моя тридцатилетняя политическая деятельность завершается крушением всех принципов, ради которых я трудился...» Надо ли уточнять, что это были за принципы? — пангерманизм, политика разъединения России и Франции. Заключенный на склоне прошлого века, русско-французский союз в начале нового века ляжет в основу Антанты, оформление которой завершится как раз ко времени созревания Тройственного блока, — пангерманизм снова распырало войной.

Однако после Великой Октябрьской революции оба блока повернут штыки против молодой Республики Советов...

Франция, Англия, Россия снова потянулись к союзу накануне второй мировой войны, однако инстинктивный рефлекс — ненависть к социализму — у правителей европейских стран оказался сильнее и чувства

безопасности, и чувства самозащиты. Не оттого ли так странно 1940-й похож на 1871-й? Немцы снова маршируют по Елисейским полям. Они не смогли дойти сюда лишь в 1914-м, когда у Франции и России был надежный военно-политический союз, когда знаменитый Брусиловский прорыв в Галиции и героическая оборона крепости Верден стали символами этого союза, показав, как через всю Европу можно подставить друг другу плечо.

В 1940 году наши плечи не соприкоснулись.

И потому человек в начищенных сапогах, с усиками, уже знакомыми всему миру, со свисающим на лоб чубчиком (фотографы долго подбирали ему этот «портрет» и в конце концов чубчик скопировали с Наполеона) остановился перед Эйфелевой башней и встал в историческую позу.

— Фотографируй, Гофман, — сказал он своему фотографу, — потом сфотографируешь меня в Букингемском дворце, а там дальше — и перед небоскребами.

Гитлер демонстративно выберет для нападения на СССР такое же июньское воскресенье, почти день в день. И так же не объявит России войны.

Только поэтому он промолчал перед Гофманом о своем самом большом желании — сфотографироваться на фоне Кремля.

5. История: память и архивы

С испанской войны комиссар 14-й Интернациональной бригады носит под лопаткой немецкую пулю. Там, в Испании, погиб его лучший друг, командир батальона «Парижская коммуна» — Роль. В следующий раз коммунист Анри Танги встретил того же врага у себя на родине. Он ушел в подполье, взяв на себя как партийную кличку имя погибшего друга. 17 августа 1944 года на стенах парижских домов появился «Приказ о мобилизации», впервые подписанный этим именем:

«Полковник, командующий французскими внутренними силами Сопротивления в районе Иль-де-Франс — Роль».

А на следующий день полковник Роль выслал своего связного навстречу наступающим армиям союзников с просьбой идти на Париж, где поднято вооруженное восстание. Первоначально в планы союзников входило обойти город с востока и севера, чтобы запереть фашистский гарнизон в «мешке». Но генерал Дуайт Эйзенхауэр откликнулся на горячее послание полковника Роля и направил на помощь Парижу 2-ю бронетанковую дивизию генерала Леклерка.

Ровно через неделю, 25 августа 1944 года, в 14 часов дня, на вокзале Монпарнас в Париже командующий фашистским гарнизоном генерал фон Хольтиц подписал акт о капитуляции, который приняли у него полковник Анри Роль-Танги и генерал Леклерк.

Так впервые Париж узнал полное имя человека, руководившего восстанием.

Промчалось без малого 40 лет. Однажды среди ночи недалеко от того дома, где я жил в Париже, раздался взрыв. Утром радио передало, что агрессии подвергся памятник генералу Леклерку и что одна из фашистских группировок дала знать: этим она выразила свой протест против попыток «принизить роль третьего рейха в истории». Я хорошо знал, где стоял монумент, и поспешил к Дворцу Инвалидов. О, чудо! Каменный воин лишь упал с пьедестала ниц и лежал головой в траве, в полном смысле слова цел и невредим: ни царапинки, ни единого отбитого осколка! Уже к вечеру его поставили на место. Тогда-то я и позвонил полковнику Анри Ролю-Танги с просьбой о встрече.

— Скажите, полковник, — спросил я, — сейчас иные историки пишут чуть ли не о милосердии Дитриха фон Хольтица, который будто бы вопреки приказу Гитлера пощадил Париж. Это верно?

— Это ложь! — вспыхнул седой человек. — Фон Хольтиц командовал оккупационными войсками Большого Парижа всего 15 дней. Гитлер в последний момент назначил сюда одного из самых преданных своих служаек. Достаточно ли вам сказать, что фон Хольтиц — бывший палач Севастополя? Что Гитлер обещал ему и «самую большую в мире пушку» — миномет «Карл» — специально для разрушения Парижа? Что на помощь ему прибыли «четыре специалиста по выжженной земле»? Пройдитесь по Парижу — он усеян

мемориальными табличками, на большинстве из которых вы прочтете именно эту дату: август 1944 года. Вот почему Французская коммунистическая партия, зная, какая смертельная угроза нависла над Парижем, настояла на необходимости всенародного восстания и получила поддержку всех организаций, входивших в Национальный совет Сопротивления. Полностью поддержал идею восстания и де Голль. Он, кстати, прекрасно сознавал, что освобождение столицы Франции самими французами — единственная верная порука будущей независимости нашей страны. Иначе мы рисковали не только судьбой Парижа. Иначе мы рискнули бы оказаться под опекой англо-американской оккупационной администрации...

— А когда в 1940 году... вы помните, полковник? — бежавшим французским правительством Париж оказался брошен на произвол судьбы, пресса ведь как самую большую опасность преподносила тогда, что столица на несколько дней окажется «в руках коммунистов». Они, дескать, разгромят город, спровоцируют в нем беспорядки и таким образом облегчат взятие Парижа врагом...

— Помню, такое разве забудешь?.. Постыдные, заклеянные историей измышления! Национальное предательство буржуазии свершилось так быстро, что рабочие, народ попросту не успели подготовить организованный отпор врагу. Коммунистическая партия лишь успела уйти в подполье, создать структуру Сопротивления. Кстати, Сопротивление в северной и южной зонах Франции сильно

различалось уже тем, что первая намного раньше оказалась оккупирована врагом. Здесь объективно на роль организатора антифашистских сил выдвинулась наша партия. На юге Сопротивление было разрозненно, труднее поддавалось объединению. Именно исходя из национальных интересов Франции, компартия приложила усилия к объединению всех сил Сопротивления... Франция во всяком случае может именно коммунистам сказать спасибо за то, что они сохранили Париж от фашистского уничтожения и внесли решающий вклад в то, что имя нашей страны, на которое буржуазия навлекла позор, оказалось покрыто славой антифашистской борьбы.

...Лишь к 40-й годовщине Победы над фашизмом во Франции наконец открылся музей Сопротивления. Идею его много лет отстаивали французские коммунисты. Они собрали для него тысячи бесценных экспонатов. Когда наконец решение оказалось принято, они же бросили клич ко всей стране коллективно воссоздать эти героические страницы истории. Стоит ли удивляться, что во главе всей этой колоссальной работы — через столько лет вернуть истории память! — оказались именно коммунисты, а бывший председатель Парижского Комитета освобождения коммунист Андре Толле стал теперь директором музея? Пройдитесь вдоль его экспозиций — вы узнаете, как произошло освобождение во Францию и в Париж, как воевал в небе России полк «Нормандия—Неман», как военнопленный русский солдат

Василий Порик, воспетый его собратом по Сопротивлению, писателем-коммунистом Андре Пьерраром в книге «С алым цветком в петлице», стал посмертно Героем Советского Союза, как сражались во Франции партизанские отряды имени Котовского, Ковпака, Чапаева, «Родина», «Свобода», «Ленинград», «Сталинград», «За Родину», «Донбасс», а первый советский партизанский полк, укомплектованный полностью из бывших военнопленных солдат, удостоился ордена Боевого Креста с серебряной звездой и боевого знамени временного правительства Французской республики... Вы узнаете, что коммунисты Франции заплатили за свободу своей родины самую дорогую цену, дороже всех других политических партий, — 75 тысяч ее сыновей сложили головы в этой борьбе. Но...

Но нет им памятников в Париже. И никогда не ставили. И это, может быть, не такая уж странность или, напротив, очень большая странность, если заглянуть в историю далеко назад, до самого предела Великой французской революции, с которой мир начал свое новое летосчисление. Есть в Париже памятник Дантону — а вот Робеспьеру и не было никогда. Есть генералу Леклерку — но будет ли полковнику Ролю-Танги? Если духовные наследники фон Хольтица уже подкладывают бомбы под камни отечества, свергая с пьедесталов его солдат, то что же им те, кто, подобно Анри Роль-Танги, на гестаповской карточке значился «опасным коммунистическим функционером»?

За последние годы и пресса Франции почти открыто стала вести кампанию против участников Сопротивления, имея в виду прежде всего коммунистов, отдавших жизнь за освобождение родины, когда трусливый буржуа спешил стать коллаборационистом. Оскорбляя память патриотов в год 40-летия Победы, они, по сути, пытались переосмыслить историю.

Так разве это не короткая память буржуа разряжается взрывами, пытаясь повергнуть ниц саму историю?

* * *

«По моему мнению, проект нанести удар по Батуми с моря с целью лишить Россию ее нефтяных ресурсов весьма похвален, но ему противится британское адмиралтейство. Черчилль не хотел бы портить отношения с Москвой.

...Спектр большевизма, сотрясающего Европу, наконец заменен надеждой, что Европа избавится от большевизма».

Такие телеграммы отправлял в Вашингтон посол США во Франции Уильям Кристиан Буллит. Только что процитированный документ фигурирует под № 127 в секретном досье 74000111556 архивов госдепартамента Соединенных Штатов Америки. Под ним дата — 25 января 1945 года. Самый разгар «странной войны»...

«Лучше Гитлер, чем Народный фронт!» Этот предательский лозунг крупная французская буржуазия уже в сентябре 1939 года довела до логического завершения, специаль-

ным парламентским декретом запретив ФКП. Архивы госдепартамента США позволяют во всей полноте представить разнузданную антикоммунистическую истерию в стране, которую уже топтала фашистская орда.

«Французская армия наводнена коммунистической Пятой колонной, — телеграфировал Буллит из Парижа. — Почти все французские танки управляются рабочими-коммунистами с «Рено»; этот завод буквально гнездо саботажников и коммунистов... Когда им отдают приказ атаковать немцев, они его попросту не выполняют... Ради будущего США необходимо обнаружить и завести досье на всех коммунистов и сочувствующих им в американской армии» (май 1940 г.).

«Даладьё только что сообщил мне, что он уверен, что немцы не сразу войдут в Париж, они хотят дать коммунистам сначала все разгромить и разрушить. Красные получили приказ взорвать наше посольство... Коммунисты собираются меня убить... А у меня, чтобы защищаться, всего только два пистолета... Пришлите мне немедленно дюжину пулеметов «томпсон», я оплачу их из собственного кармана» (июль 1940 г.).

И послу прислали пулеметы... разумеется, когда в Париже уже распоряжались фашисты.

Еще Франклин Рузвельт, обеспокоенный слишком компрометировавшими США дипломатическими отношениями с Виши, решил «обелить» архивы для истории, — задача эта тогда же была поручена «историку из госдепартамента». Но даже то, что историк

счел возможным оставить для потомков, свидетельствует о потакании вишистам и коллаборационистам, их открытом науськивании на борцов Сопротивления, в первую очередь коммунистов и голлистов. Сэр Буллит, так и не воспользовавшись своими пулеметами, отбыл из Франции, его сменил Джефферсон Каффери. Вот одна из первых депеш нового посла:

«Процесс над Петеном — это скандал. Подавляющее большинство улик, предъявленных обвинением, американский суд даже не принял бы к рассмотрению. Нет никаких доказательств, что Петен состоял в заговоре против республиканского режима. Передача полномочий маршалу была произведена совершенно легально... Франция страдает от того, что вынуждена на виду у всех полоскать свое белье...» (30 июля 1945 г.).

«Уход де Голля застал нас врасплох. Но мы о нем не сожалеем. Мы не желаем его возвращения. Его друзья озадачены, его противники посмеиваются. Почему он ушел? Потому что его темперамент не подходит к демократическому режиму, тут сказалась и потеря престижа, растущая оппозиция социалистов и коммунистов, огорчения в ходе подготовки конституционных текстов. Но он ушел, убежденный, что его скоро позовут назад. Консерваторы никогда не простят ему, что он допустил к власти коммунистическую партию» (январь 1946 г.).

Когда тот же де Голль позже займет явно правые позиции, изменится и тон посольских депеш. Госдепартамент сделает на их осно-

вании следующий вывод: «В случае прихода коммунистов к власти может создаться ситуация, когда против них выступят антикоммунистические элементы, возможно, под командованием генерала Шарля де Голля. Гражданская война будет иметь целью вырвать Францию из-под контроля красных. Но еще и еще раз нам следует подумать, должны ли мы будем оказать помощь, когда и какую. Наше решение будет зависеть от обстоятельств конфликта, от силы антикоммунистического движения и от настроений населения...» (1947 г.).

Мы увидели лишь самый кончик дипломатической правды — и сколько еще остается сокрыто от глаз? Но вывод неопровержим: партия французских коммунистов, уже летом 1940 года организовавшая вооруженное сопротивление агрессору, партия, в рядах которой пало за свободу Франции 75 тысяч членов, — эта партия пугала буржуазию и реакцию больше, чем старые или новые оккупанты. Против нее сплывались все черные силы, плелись нити заговора. Посольство США в Париже раздобыло однажды странный документ, подписанный полковником Ги Тами:

«Мы располагаем в Париже силами в 15 тысяч человек, и еще 60 тысяч человек находятся в резерве. У нас установлена прямая связь с армией и полицией: в случае беспорядков, спровоцированных коммунистами, армия предоставит нам оружие... Нужно быть начеку... с этой целью из полиции уволено 4 тысячи коммунистов».

Полковник Ги Тами командовал одним из таких отрядов, готовых в любую минуту учинить варфоломеевскую ночь. Штаб его находился рядом с посольством США. Уж не попал ли в посольский архив доклад, который в свое время полковник представил дипломатам?

6. У истоков «Нормандии»

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 мая 1978 года о награждении орденом Дружбы народов «...за активную работу по укреплению дружественных связей между народами Франции и Советского Союза и в связи с 80-летием...» явился для меня поводом попросить аудиенцию у генерала авиации Марсиаля Валена. Мы встретились в генштабе военно-воздушных сил Франции: генерал оставался на действительной службе без ограничения возраста. Шел уже шестьдесят первый год его воинской службы, из них первый десяток он отдал кавалерии. Советский орден Дружбы народов стал его пятьдесят второй наградой.

— Вам принадлежит заслуга создания эскадрильи «Нормандия». Как родилась эта идея?

— Долгий рассказ... Когда Францию растоптали фашисты, меня на родине не было. Я находился во французской военной миссии в Бразилии. Правительство Петена телеграфировало мне оставаться на своем посту, так как, мол, этого требуют интересы Франции.

Генерал ВВС Франции Марсиаль Вален

Я отстучал в ответ: «Предложения принять не могу. Я направляюсь туда, где велит мне быть мой долг».

— За это правительство Виши и приговорило вас к смерти?

— Нет. Позже, в 1941 году, когда французские воздушные силы уже наносили ощутимый урон врагу. А в начале войны перед нами стояла задача возродить свою воздушную армию. Лишь в феврале я дождался первого корабля из Бразилии в Англию, но, когда прибыл туда, к сожалению, не застал де Голля. Меня ожидало его письмо, возлагавшее на меня функции начальника главного штаба военно-воздушных сил.

Командование союзнических войск, в отличие от генерала де Голля, не слишком торопилось начать активные боевые действия, что вызывало у него сильное недовольство. Как командующий воздушными силами «Свободной Франции», я договаривался о создании в рамках английских королевских воздушных сил, действующих на Ближнем Востоке, двух французских авиационных соединений — бомбардировочного и истребительного. Вот тогда-то мне и пришла в голову мысль присвоить новым эскадрильям не порядковые номера, под которыми они раставлялись бы в составе английских ВВС, а дать им имена французских областей. Для француза это должно было звучать символом борьбы, символом свободы. Хорошо помню, что, разволновавшись, я схватил карандаш и написал на бумаге: «Лотарингия». Эта бомбардировочная эскадрилья уже существовала. На очереди была истребительная — я назвал ее «Эльзас». Ведь эти районы Гитлер насильно отнял у Франции. Следующие — «Иль-де-Франс», «Бретань», и, наконец, пятой в моем списке значилась «Нормандия».

Откуда было знать в ту пору, что именно она отправится в СССР?..

— С чьей стороны последовало такое предложение? Когда?

— Летом 1941 года военно-воздушный атташе полковник Шарль Люге, влюбленный в Россию и хорошо ее знавший, решил примкнуть к движению «Свободная Франция». Ему-то по праву и можно отдать должное в том, что истребительная эскадрилья «Нормандия», родившаяся пока только на листочке бумаги, обрела крылья не где-нибудь, а именно в России. Приехав в Лондон, он связался с работниками советской военной миссии полковником Пугачевым и майором Швецовым. 19 февраля 1942 года мы завтракали вместе. Вот тогда и стала конкретно обсуждаться идея отправки эскадрильи на русский фронт. Уже привыкнув к длинным и трудным переговорам с англичанами, мы опасались, что и русские не скоро дадут свой ответ. И каким-то он еще будет? Не забыть мне радостного потрясения, которое я испытал 27 марта: в тот день мы получили согласие советской стороны на формирование эскадрильи «Нормандия» из французских пилотов и русской техники. Так было положено начало. К сожалению, вскоре в авиационной катастрофе погибли оба наши товарища, энтузиасты создания «Нормандии»: полковник Пугачев и майор Швецов. Полковника Люге тоже сменил другой человек, прохладно относившийся к нашей идее. Все это вызвало немало новых проволочек, но и им наступил

конец. В том, что «Нормандия» наконец вылетела из бумаг в небо, особая заслуга принадлежит де Голлю и послу СССР при союзнических правительствах в Лондоне А. Е. Богомолу. В ноябре 1942 года в Иванове собрались первые летчики «Нормандии» и начали тренировочные полеты на боевых самолетах «ЯК-1».

Так что, видите, авторов было много... Шарль Люге предложил идею. Я принял участие в ее реализации. Де Голль не переставал интересоваться, как идут дела. Но все мы, если угодно, расписались на бумаге, а в небе расписались сами летчики. Это ведь они сражались, рисковали, гибли, они сформировали эскадрилью «Нормандия» символом советско-французского боевого братства.

* * *

В сентябре 1980 года ассоциация ветеранов полка «Нормандия—Неман» проводила генерала авиации Марсиаля Валена в усыпальницу Собора Инвалидов. Рядом с Наполеоном удостоиваются покоя самые заслуженные военные деятели страны.

Праха Филиппа Петена здесь нет. Однако уже четвертый десяток лет существует «ассоциация в защиту памяти маршала Петена», настойчиво ходатайствующая о реабилитации его имени и переносе праха... куда бы вы думали? В форт Дуомон, на братское кладбище защитников Вердена. Легенда о «герое войны 1914—1918 гг.», чуть ли не «отцеспасителе» нации, и ныне жива. Коллаборационисты даже нисколько не маскируются:

президент этой ассоциации Жорж Ламиран — бывший министр по делам молодежи правительства Виши; адвокат Жак Изорни, защищавший маршала на процессе, осуществляет «связи с общественностью»... Уже восемь ходатайств в защиту Петена были предметом специальных рассмотрений у министров юстиции при разных правительствах после войны. Основанием для них служит найденное в столе маршала письмо, в котором он запоздало, уже из ссылки, изъявил свою готовность к «примирению» с генералом де Голлем.

Вся демагогия коллаборационизма выросла на догмате национального согласия, ловко подменившем триединство священных прав человека и гражданина: свобода, равенство и братство — кодексом для мещанина, для буржуа: труд, семья и родина. Вишистский «парламент», проголосовав за этот кодекс и начертав его на своем знамени, под «трудом» подразумевал классовую и социальную гармонию. «Семья» — ну, значит, глава всему Я, мое Эго. «Родине» же был уготован точный перевод: Франкрейх. Петен приказал армии разоружиться, и миллион шестьсот тысяч человек сняли ружье с плеча. За это даже давалась премия в тысячу франков. Старую армию разоружали, чтобы не оставалось никакой угрозы Германии; зато усердно призывали к созданию новой армии — против России! «Пятая колонна» формировала «Легион французских добровольцев против большевизма». Коротко: ЛФД. В легион записалось 6,5 тысячи чело-

век. Они надели насунившиеся немецкие каски и серо-зеленые мундиры. Через два года вслед за ЛФД на Восточный фронт отправят бригаду «Франкрейх». Легион едва унесет ноги из-под Москвы, бригада почти полностью поляжет в Карпатах, из остатков их образуют дивизию «Шарлемань». Ее командир Эдгар Пюо числился одновременно французским генералом и немецким полковником. Как среднее из этих двух величин выводилось: оберфюрер.

Даже в той части Франкрейха, что некоторое время именovala себя «свободной зоной Франции» и управлялась из Виши, первым делом умертвили республику. Запрещены партии, профсоюзы, собрания — это все во имя «родины». Запрещены разводы, аборт — это во имя «семьи»... Парламент, в котором интерес «200 семей» не встречают больше ни одного голоса возражения, утверждает любой угодный режиму закон. Бюст Марианны повсюду заменяют на бюст Петена, в газетах недоумевают, как вообще символом нации могла стать эта анонимная и безродная девица. Имя маршала уже вставляется в молитвы, в походные песни скаутов, его белые, как иней, усы вышивают на кашне для детей и матрон... Царившая среди молодежи мода военного времени «зазу», чем-то напоминающая нынешних панков, вдруг начинает смотреться вызовом режиму, и аккуратно стриженные новобранцы ЛФД в кровь квасят носы ровесникам хиллякам.

Все это преподносится как «национальная революция»...

Сент-Экзюпери в те октябрьские дни 1940 года оказался в Виши как раз тогда, когда Гитлер и Петен встретились в городке Монтуар и огласили доктрину этой «революции»: коллаборационизм. «Фюрер и я... мы призываем граждан наших стран к сотрудничеству... До сих пор я говорил с вами языком отца, теперь я скажу вам языком повелителя: следуйте за мной!..» «Политика коллаборационизма — единственное, что может спасти нашу страну и позволит ей с честью занять в новой Европе подобающее ей место...» Эта тема, оказывается, прекрасно связывается с наставлениями матерям, с нравоучениями детям. Но уже определяются и ее новые возможности. Доносчику за выдачу еврея положена премия в тысячу франков; за голову голлиста или коммуниста — 3 тысячи франков; тому, кто укажет на склад оружия, в зависимости от его запасов — от 5 до 30 тысяч франков. Эти ставки действительно и для оккупированной зоны...

Нацию разлагали духовно и нравственно, патриотическое чувство подменялось реакцией на хруст ассигнации, размышление — подозрительностью.

Профессор из Тулона просит арестовать Артура С., как «еврея, коммуниста и любовника жены»; из трех грехов два не нуждаются в аргументации, третий же обосновывается так: «...иначе нам не спасти французскую семью». Полковник колониальной инфантерии сигнализирует, что ему попался по дороге отряд скаутов, повязавший

на шею красные платки с серпом и молотом(!). Спешно учиняется расследование. Напутал полковник! — голову буйвола принял за скрещенные рабоче-крестьянские орудия труда...

«Все государства имеют послов в чужих странах, — писал непримиримый к предателям французский писатель Жан-Ришар Блок. — Впервые за тысячелетнюю историю Франции правительство, считающее себя французским, назначило посла в... собственную столицу, в Париж!»

Нет, не на «зоны» поделилась Франция.

Она поделилась на Франкрейх коллаборационистов, пораженцев с призрачным правительством во главе, и на Францию, проигравшую сражение, но не проигравшую войну. Эта Франция собирала силы для Сопротивления на оккупированной родине (по зову прогрессивных сил с коммунистами во главе) и за ее пределами.

7. Переупряжка... памяти

Сент-Экзюпери был прав, сказав, что для Альберта Литтольфа было бы катастрофой умереть дома, в постели. В майских и июньских боях над Францией он сбил шесть вражеских самолетов. 18 июня по радио услышал обращение генерала де Голля к французам, призвавшего мобилизоваться на борьбу с врагом. Прошло несколько дней. 22 июня, узнав о перемирии в Компьенском лесу и приказе Петена сложить оружие, немедленно

завел свой «Девуатин-520» и на последних каплях бензина дотянул — от Тулузы! — до английского берега. В октябре он случайно услышал по радио интереснейшую новость о себе. Таким счастливым своего друга капитан де Панж не видел ни до, ни после:

— А?! Ты слышал?! Вот это да! Меня! Литтольфа! К смертной казни! Ура-а-а!

Потом помчался бить гитлеровцев в Грецию, потом полетел в Ливию и сбил еще четыре самолета. Позже он узнал, что формируется эскадрилья «Нормандия» специально для отправки на Восточный фронт, в Россию. Капитан был тут как тут, а вместе с ним и верный де Панж, будущий летописец «Нормандии», пилот связи.

ЛФД отправят туда же, на Восточный фронт, с обычным напутствием: война против СССР — священная война всей Европы; вам надлежит внести свой вклад в борьбу с угрозой большевизма. Гитлеру на глаза попадетсся «какая-то бесстыдная газета из Виши», внушающая такой вот взгляд на войну, и он взорвется: «Этим высказыванием газета из Виши, очевидно, хочет добиться того, чтобы пользу из этой войны могли извлечь не только немцы, но и все европейские государства». Щелчок придется прямо по носу, упрямому в иней белых усов. Легион окажется под Москвой и из первых же боев выйдет уполовиненным. Некий майор Константины бросит клич сформировать также эскадрилью в составе легиона французских добровольцев. Однако летчиков для нее так никогда и не найдется.

Рене и Морис Шалль

А летчики были во Франции, одни в «свободной», другие в оккупированной зоне. Их уход из Франкрейха — это истории, одна драматичней другой. Сбитый в майских боях на франко-бельгийской границе, майор Пьер Матра, едва оправившись, расцеловал жену и детей и попрощался, оставив им самый общий адрес: Англия, де Голль. Поди знай, что малолетка Филипп, проводивший отца взглядом из-под стола, через много лет станет моим другом и мы вдвоем будем разговаривать об истории. Но не станем забежать вперед. Еще и отцу его, летчику, в то время присниться не могло, что он окажется

в России. Он перешел ночами Пиренеи, попал в Барселону, в Малагу, познакомился здесь с братьями Морисом и Рене Шалль, вместе выбрались в Англию, в Алжир и тут узнали, что требуются пилоты в уже воюющую в русском небе «Нормандию».

Жак де Сен-Фалль «разоружился» и устроился в какой-то парижский гараж. Уже полтора года на востоке шла война. Москва не сдалась, теперь немцы стояли под Сталинградом. Если раньше фашисты не очень-то стремились сделать поход против СССР «войной всей Европы», веря в блицкриг по плану «Барбаросса», то теперь что-то вдруг изменилось. Началась агитация за надевание серо-зеленых шинелей. Призыв майора Константины — создать эскадрилью в составе ЛФД — Жак де Сен-Фалль расценил уже как прямую угрозу себе. Он направился на юг и дошел до того знаменитого барьера, что делил Францию пополам.

Позади — «оккупированная зона».

Впереди — «свободная».

Ночью он переплыл ледяную Сону. «Свободная зона». Здесь, однако, приходилось сохранять все те же предосторожности, что и во Франкрейхе. К утру он обсушился, пожевал размокших сухарей и, обходя городки и села, продолжил путь на юг.

И вдруг что-то произошло. С севера на юг полетели, как гуси в теплые края, стаи самолетов. Скоро он услышал на дорогах лязг гусениц, шум моторов. Да неужто за ним

такая погоня? За ним за одним? Он и летчик-то зеленый, только начал летать, как разразилась война. Однако де Сен-Фалль упрямо шел на юг, дошел до самой Тулузы и тут только узнал, что произошло. На африканском берегу высадились англо-американские войска. Гитлер моментально оккупировал всю Францию.

Де Сен-Фалль вернулся в Париж и нащупал уже организовавшуюся сеть Сопротивления. Останься, сказали ему, за родину лучше всего воевать на родине. Я летчик, возразил он, полезнее буду в небе. Ему обещали изготовить «настоящие документы», чтобы добраться до испанской границы, но, когда он за ними пришел, оказалось: накануне немцы поменяли печать. Этому летчику не везло. Ладно, сказал он, тогда я пойду так.

Он потратил несколько месяцев, чтобы перейти Пиренеи, Испанию и оказаться в Лиссабоне, где годом раньше сел на корабль Сент-Экзюпери. Он тоже сел на корабль — но в Англию. Еще во Франции он слышал про «Нормандию», которую в газетах клеймили «сбродом изменников», про приказ маршала Петена и фельдмаршала Кейтеля на месте расстреливать захваченных в плен летчиков, а их семьи отправлять в концлагеря. Когда наконец он ухватил нить, ведущую в Россию, его спросили:

— Сколько у вас налетано часов?

— Четыреста, — соврал де Сен-Фалль. А налетал он, может, сто.

Почти по его пятам шел майор Пьер Матра.

С 11 по 16 августа 1943 года никаких особых событий в полку «Нормандия» не происходило. Полк стоял в Хатенках, между Тулой и Орлом. Шли тренировочные полеты. Единственное примечательное событие этих дней капитан де Панж изложил так: «В полк прибыли лейтенант Жаннель и сержант де Сен-Фалль. Оба недавно бежали из Франции...» Через два дня полку предстоял перелет на аэродром ближе к фронту. Майор Пуйяд знакомится с новичками — их много прибыло за эти дни. Двое представляются ему перед де Сен-Фаллем, каждый из них налетал по 300 часов.

— Сожалею, — говорит майор. — Отправитесь в Тулу. Следующий?

— Сержант де Сен-Фалль. Четыреста часов.

— Хорошо, — сказал Пуйяд. — На фронт. Но сейчас же пройдете инспекторский полет. Вашим инструктором будет лейтенант Дюран.

«Все, — сказал себе де Сен-Фалль, — теперь ты заплатишься за свою ложь». Он знал, что Альбер Дюран — ветеран полка, общепризнанный ас.

— На каких самолетах летал во Франции? — спросил его Дюран, когда шли к «якам».

— «Моран-406», «Девуатин-520»...

— О, хорошо. Ты увидишь, «Як» — простой и легкий самолет. Заводится так, смотри... Все понял? Давай, пробуй.

И сам сел сзади.

«Як» завелся легко, но только де Сен-Фалль тронул с места, как его и сидящего

сзади Дюрана затрясло, будто они оказались на стволе стреляющей пушки. Никакой полосы и в помине здесь не было, одна трава, взлетать полагалось вон там, где нарисован белый крест, но он его сразу пробежал, кое-как застопорил, чуть не перекинув самолет через голову, развернулся, порулил назад и вдруг увидел, что русский солдат-регулирующий с зеленым и белым флажками в руках бросился от его самолета наутек. А сзади будто никого и нет, молчит Дюран. Он наконец рванул вверх, это было светопрестваление, невольно вышло акро — какая-то акробатическая фигура, и тогда Дюран наклонился к уху и закричал, что это он делает. «Ви-раж!» — крикнул де Сен-Фалль. — «Ви-раж?!»

Посадка была еще страшней, регулировщика он загнал совсем в поле, а Дюран... молчит Дюран. Все же сели.

— Так ты налетал четырехста часов?

— Н-н... да-а...

— Я и вижу. Будем переучиваться.

1 сентября 1943 года Дюран не вернулся из боя. Инструктором к де Сен-Фаллю назначили лейтенанта Жеральда Леона. Успехи были нисколько не лучше. 4 сентября Леон не вернулся из боя. Инструктором к де Сен-Фаллю назначили младшего лейтенанта Лефевра. Когда сели, де Сен-Фалль сказал:

— Мне очень стыдно, мой лейтенант...

— Нужно было начинать с Тулы, с тренировок. Здесь — бои. Неужели ты не понимаешь? Ты же рискуешь не только собой,

ты не сумеешь прикрыть ведущего. Учти, Пуйяд уже все заметил.

И вот Пуйяд, среди своих командирских забот и полетов в бои, выкроил время для инспекции. Возьмите, де Сен-Фалль, самолет и покажите мне немножко акро. Хорошо еще, удалось оторваться от него на минутку, найти Анри Фуко, единственного пилота, знавшего тайну де Сен-Фалля: они прибыли в полк в одно время. Огрызком карандаша де Сен-Фалль лихорадочно записывал на бумаге, с какой высоты лучше всего начать «мертвую петлю», как выходить из «штопора» — «як» тебе не «моран», — но уже зовут: уже в поле Пуйяд.

Вечером все было в столовой как всегда, де Панж прочитал дневную хронику, дошли до разбитого де Сен-Фаллем самолета.

— Мнения? — спросил полковник.

Молчание.

И вдруг Фуко:

— Я думаю, мой полковник, тут выбора нет. Де Сен-Фаллю нужно вернуться в Райак.

В Райак! Даже не в Тулу, а назад, в Алжир, откуда начинал! Стоило бежать из Парижа, переплывать ледяную Сону, пересечь пол-Европы! Де Сен-Фаллю было 24 года. Горе его было так безутешно, что он не надеялся уснуть, однако утром проснулся оттого, что Пуйяд его тянул за ногу: полковник так будил своих летчиков.

— Возьмите самолет, де Сен-Фалль, и покажите мне еще акро. Но учтите, русские нам дают машины не для того, чтобы их бить.

В первый бой его взяли... ведомым ведомого, то есть тройкой: Альбер—Фуко—де Сен-Фалль. Ну конечно, де Сен-Фалль сразу же потерялся. Только что небо было полно самолетов, и вдруг пусто, никого, и радио молчит. Он решил вернуться, но начисто забыл путь к аэродрому. Полетел наугад и все-таки увидел самолеты. Бой! Он ринулся в гущу клекочущих, пикирующих, кувыркающихся птиц, но не то промахнулся, не то сама эта взъерошенная стая вдруг переместилась в сторону. И тогда он увидел перед собой «мессершмитт», и это было настоящее чудо: «мессершмитт» оказался у него в прицеле. Де Сен-Фалль не успел нажать на гашетку, как фашистский ястреб вдруг взорвался и с ревом пошел к земле. Он осмотрелся по сторонам: никого! Да кто же его подбил? И тут он почувствовал удар в свой самолет, один, другой, но «як» не потерял управления, слушался руля. Опять никого нигде не было. Где же аэродром, как запоминают асы дорогу? Вон та деревенька, была она раньше или нет? А этот лесок, откуда он взялся? Хорошо еще, в России обсаживают деревьями дороги — зимой и летом по этим стрелкам виден сверху путь. Но развилки дорог сбивали де Сен-Фалля с маршрута. И тут «як» забарахлил, он с ужасом увидел — стрелка бензобака села, значит, пробило бак. Ну, полковник, вот теперь бы я показал вам ваше любимое акро! Уж как я боялся крохотных аэродромов размером с носовой платочек, зато теперь у меня вон сколько простора — хоть на лес садись, хоть на деревню,

хоть вон в тот овраг. Картофельное поле было еще не самое худшее из всех возможных сюрпризов земли. Самолет его рыл фюзеляжем землю, пыль поднялась столбом; он больно ударился обо что-то лицом, но все же самолет остановил и даже, кажется, спас его. Только открыть капот уже не мог. Пыль медленно рассеялась, и тогда он увидел, как если бы в размутняющемся проявителе проступило изображение, крестьян, терпеливо ждущих, когда в этом содоме хоть что-то станет видно. По лицу текла кровь, губы были разбиты, раскалывалась голова, но счастливым ударом екнуло сердце от мысли: а все-таки летел-то он правильно, летел домой... На память о первом бое остался ему снимок, не с неба, а с земли: крестьянская семья в 15 душ усадила французского летчика, хозяин встал рядом и положил ему руку на плечо, ребенок забрался на колени, рядом села хозяйская дочка, и у де Сен-Фалля прямо раздваивается зрение, куда же глядеть — на дочку или в аппарат? Так и запечатлелось для истории.

Когда вернулся в часть, Марсель Альбер ему сказал:

— Поздравляю, де Сен-Фалль, первый «мессер» на вашем счету.

Разбитыми губами он возразил:

— Я не выстрелил. Я даже не выстрелил. Вот привезут мой самолет, и вы увидите: все патроны целы.

Потом он собьет не один вражеский самолет. Наступит день, когда он налетает свои 400 часов, а потом еще много раз по 400. На-

ступит даже такой день, когда Пуйяд готов будет лететь с ним в паре — ведущим или ведомым, как угодно.

Каждый народ чужие имена и понятия переводит на свой язык. Поле, на котором акробатически сел де Сен-Фалль, в деревне поныне зовут: поле Якова. Ну, то самое, которое в войну французский летчик Яков на своем «яке» вспахал. Хорошо вспахал, спасибо ему. И еще в деревне остались навсегда уверены, что это их Яков сбил немецкий самолет, там вам поныне покажут ямку, где он упал.

Пока Пьер Матра, шедший вслед за ним по Европе, добрался в «Нормандию», де Сен-Фалль успел уже главное: незнакомое небо связалось с незнакомой землей. Хуторок под взгорком говорил ему об излюбленных здесь направлениях ветров, кладбище показывало, где какая сторона света, одиноко мерцающий внизу светлячок, лишь потому, что сделался привычным, давал ему в темных просторах чувство опоры и помогал сверять курс.

В 19 часов 30 минут чья-то патрульная пара по тревоге поднялась в воздух. Через полчаса она вернулась в Дубровку. «Никаких происшествий», — записал капитан де Панж.

И вдруг спохватился: «Ну надо же! Чуть вообще не забыл сообщить о событии, которое наложило такой важный отпечаток на нынешний день. 6 июня 1944 года: открыт второй фронт». Открыт на северном французском побережье, в Нормандии, чье имя носит полк.

Крестьянская семья,
приютившая Жака де Сен-Фалли

Полк стоял на аэродроме в Дубровке. Таким пополнениям, как Матра, как братья Шалль, в полку несказанно бывали рады, потому что если и видно летчика по документам, то еще лучше его видно в небе. Птица или птенец — об этом ведь судят по их полету. Пьер Матра был, конечно, ас. Но не успел ас разлетаться, как командир третьей эскадрильи лейтенант Марсель Лефевр, имевший уже 11 побед, вернулся на землю огненным вихрем. Обгоревшего, полуживого, летчики отбили его у пламени. Срочным транспортом Лефевра отправили в госпиталь, в Москву. Полковник Пуйяд вызвал Пьера Матра:

— Принимайте, майор, третью эскадрилью!

Они построились для знакомства с новым командиром. Роже Панверн. Шарль Микель. Морис Шалль. Шарль Монье. Франсуа де Жоффри. Фернан Пьерро. Жан Лемартело. Габриель Мертцизен... Каждый, называя себя, опускал глаза. Только Шалль был, как он, новичок.

Когда ты, человек, еще никому не известный, сменяешь выбывшего из строя, прославленного и любимого командира, и не сказать, как это тяжело. За год, что останется воевать Матра, его эскадрилья добудет больше всего побед. Увы, скажет мне Матра, и цена потерь выйдет немалая... Роже Панверн. Шарль Микель. Морис Шалль. Он проглотит комок и добавит: Марсель Лефевр.

«Вечером, в девять часов, в Дубровке сел самолет, прилетевший из Москвы. Весть, которую привезли товарищи, поразила нас как громом. Наш прекрасный друг и брат по оружию, лейтенант Лефевр, так высоко поднявший славу французской трехцветной кокарды, прославленный летчик и командир, столько раз выходивший победителем в боях, так любимый нами за беззаветную преданность небу, умер от ожогов на руках капитана Дельфино. Франция, ты потеряла выдающегося летчика и сына». Это запись в походном дневнике полка от 7 июня 1977 года. Капитан Жан де Панж не подыскивал слов, чтобы выразить общее горе, — они сами стучались к нему в сердце.

Лейтенант Марсель Лефевр

Вернувшиеся из Москвы летчики, когда был сказан горький тост в память павшего, поведали, как на кладбище за их спинами взвод советских бойцов дал в небо прощальный салют. Кто прислал этот взвод? «Не знаю», — сказал капитан Дельфино. Тогда еще не могли они знать и другого: что маршал авиации А. А. Новиков распорядился подготовить документы о представлении

Марсея Лефевра к званию Героя Советского Союза.

Потери и обретения, им нет на войне конца. «Старшина де Жоффри вернулся в полк, — продолжал де Панж записи того же июньского дня. — Подбитый над Витебском зенитным огнем врага, он вынужден был сесть на брюхо среди поля».

Летчики никогда не теряют надежды на возвращение пропавших без вести друзей. Переводчик полка Игорь Эйхенбаум — в просторечии Бум — однажды по делам службы отлучился в какую-то советскую часть на передовой. И вдруг ему скажут: «Там один ваш летчик в землянке спит». — «Кто?» — быстро спросит он, потому что накануне пропали без вести трое: Пинон, Фельдзер, Монье. «Не упомянули мы имени, товарищ капитан, но точно француз».

С бьющимся сердцем он войдет в землянку и первое, что увидит, — унты пилота. На лежанке спиной к нему спал человек. Бум еще не знал, кого разбудит: Пинона, Фельдзера, Монье? И ведь невозможно в такую минуту ни решить, ни пожелать, кого бы ты больше хотел разбудить. Вот если бы всех троих... Он потрянул спавшего, зная, что через секунду радость одного обретения ударит его болью двух потерь.

Тот порывисто сел — и бросился другу на шею.

— Бонжур, бонжур, Обмани-смерть! — в груди Эйхенбаума стеснились и радость и неизъяснимое горе. — Ты жив! Ты все-таки настоящий Обмани-смерть!

Так звали в полку Шарля Монье.

Не раз он пропадал в небе без вести и все же каждый раз подавал о себе на землю весть.

Так ждали вестей от каждого невернувшегося товарища, но не всех отдадут облака назад. Надо долго и терпеливо смотреть в их бегущую по озерной глади череду, чтобы увидеть объятые пламенем крылатые точки, уносимые ввысь, навсегда.

Не будите их, они больше не ведают сна. Часовые сменяются на земле, но никогда не сменяются часовые неба.

Не разбудить уже было Лефевра, уходившего сторожить небо, хотя сотни дружеских рук готовы были из всех сил тряхнуть его за плечо. Но в тот же самый день облака отдали Франсуа де Жоффра. Он, казалось, расстался с Лефевром на самой границе жизни и смерти, меж небом и землей, — одному было в вечность, другому назад, в тревожные будни земли. Через полтора года старшина Франсуа де Жоффр окажется снова на той же черте. Это будет уже над Балтикой; он всю ночь проведет в ледяной воде, под перекрестным огнем своих и чужих, не зная, чья пуля слепая найдет его голову, — ведь только голова и оставалась над водой, только упрямо думавшая голова. Что спасет ему жизнь? Случайно подвернувшийся обломок, может быть, даже от его самолета, который послужит ему и спасительной опорой, и гребным веслом? Человек-ледышка, он уже ничего не чувствовал, но, за исключением редких минут, когда так близко кружившая

смерть увлекала его в забытие, он — размышлял! И эту способность человека даже из самых критических минут жизни вынести не столько воспоминание о жестокой боли, физических страданиях, сколько о том, что прошло перед мысленным взором, в чем был смысл его жизни до этой ночи и чем оправдана будет смерть к утру; Франсуа де Жоффр взволнованно, с истинно писательским и философским даром передаст в книге, которую напишет после войны. Он много раз спросит себя в ту ночь и еще раз вернется к тому же, заканчивая книгу: если все, что мы пережили, забудется, забудут, значит, все это было напрасно...

И тогда какая разница, узнал Лефевр или нет, что в его Нормандии союзники открыли наконец второй фронт?

Забыть — что не знать. Одно и то же.

Напрасны ли были все эти подвиги-будни, обретения и потери, кто станет глядеть в озерную гладь, дожидаясь, пока в веренице облаков мелькнет объятый пламенем, неугасимый, но и несгорающий часовой неба, которому так трудно вернули мир? Вопрос, вслед за де Жоффром, нужно поставить так: неужто забылось? Неужто забыли?

* * *

Кромешную тьму вспороли самолетный гул, нити прожекторов, залпы зениток, тут и там на землю высыпали парашютные конфетти, а с моря к берегу потянулись баркасы и лодчонки. «Потрясающе, а? — сквозь пулеметные тра-та-та крикнул мне в ухо

Андріє Дюпон. — Макет в точности воспроизводит бой в английском секторе высадки ночью 6 июня!» Да, в этом музее впечатляло все: и действующие макеты (крошечные корабли, понтоны, боевая техника), и имитация морского прибоя, и разыгранный средствами электроники «настоящий бой», и документальные съемки об открытии второго фронта в Европе. Из широких окон музея видна, будто на ладони, вся бухта Арроманша: там навеки застыли, окаймив ее полукругом, мощные бетонные дебаркадеры, за которыми в ночь высадки прятались корабли союзников. В Нормандии 14 таких музеев. «И знаете, что меня когда-то поразило? — кричит оглохший от «боя» Дюпон. — Их открыли немедленно после войны. Этот, в Арроманше, принимает туристов с сорок шестого года. Когда у вас в России не успели даже разобрать руин!»

«Типичного француза» непременно зовут Дюпон, и Андріє Дюпон вполне соответствовал бы этому классическому определению, не будь в его судьбе совершенно исключительного эпизода. Пленный французский офицер часто вглядывался сквозь проволоочные заграждения в сторону соседнего концлагеря, откуда ему отвечало улыбкой измученное и прекрасное женское лицо. Когда пришло освобождение, он стремглав помчался туда и взял незнакомку за руку. «Вот так мы с ней и обручились». Украинка Зина пошла с ним в его родную Нормандию. «Нас освободили советские солдаты, — говорит Дюпон, — и никогда не следует за-

бывать этого: своим освобождением от фашизма Франция обязана прежде всего Советскому Союзу. Не зря при де Голле невозможно было даже вообразить каких бы то ни было юбилейных торжеств в честь второго фронта, да еще без русских. Кому не известно, что он открылся, когда Советская Армия уже освобождала Западную Европу?»

Приглашенный из Алжира в Лондон срочной телеграммой Уинстона Черчилля, Шарль де Голль узнал об операции «Оверлорд» («Властелин») лишь 4 июня — за два дня до ее начала. Так французское участие в высадке свели к чистой символике: два крейсера, несколько мелких судов, сотня самолетов, крохотные отряды морских десантников и парашютистов. США и Англия открыто продемонстрировали, что рассматривают Францию как страну без правительства и, значит, ее «освобождение» как оккупацию. По «примеру» Италии и здесь полнота власти должна была перейти к Союзной военной администрации оккупированных территорий, — хотя ордонансом от 2 июня Комитет национального освобождения «Сражающейся Франции» уже принял статус Временного правительства Французской республики.

Черчилль изложил де Голлю свой план: Англия готова обсудить с ним проект будущего политического устройства во Франции, но при одном условии: если он немедленно отправится за инструкциями в США. Ответ де Голля полон твердости и достоинства:

— Французское правительство существует. Мне нечего спрашивать на этот счет указаний ни у США, ни тем более у Великобритании.

«Генерал буквально встал на дыбы», — замечает английский премьер в своих мемуарах. Он, впрочем, тоже был тверд:

— Знайте же! Всякий раз, когда мне придется выбирать между Европой и широким проливом, я выберу широкий пролив!

Высадка свершалась через «узкий пролив», через Ла-Манш, и в том-то смысл выражения Черчилля: дескать, на самом-то деле свобода в Европу грядет через «широкий пролив» — Атлантику. Не забудем, однако, что к моменту открытия второго фронта в Нормандии на советско-германском фронте были скованы три четверти всех дивизий вермахта и стран гитлеровской коалиции. Так кто же протянул Франции, Европе руку помощи?

Но вот спустя 40 лет на берегах Нормандии устраивается невиданное пропагандистское шоу, которое пресса тут же назвала высадкой на «бис».

Прежде чем грянула юбилейная премьера, на многочисленных репетициях уже выяснилась цель и направленность задуманного: 40 лет назад на берегах Нормандии, оказывается, сошлись в рукопашной повздорившие западные братья. Одни — был грех! — впали случайно в фашизм, другие явились с великой освободительной миссией через «широкий» и «узкий» проливы и положили конец войне.

Первое «великое примирение» произошло после второй мировой войны, когда бывшие противники — цитирую президента США — «основали большой альянс, который служит сегодня щитом свободы, процветания и мира...». Ну что же: почти через полвека лицедейство с блеском доведено до конца. Сражение в Нормандии представляют теперь как решительный, поворотный момент в ходе второй мировой войны, как «заключительный эпизод последней гражданской войны на Западе», как «зарю» европейского единства и атлантического союза против СССР и стран социализма, от которых будто бы и исходит угроза «западной демократии»...

Правда истории подменена шоу-рождками да шоу-ножками...

Тряхните же сильней Лефевра за плечо, друзья-однополчане, не дайте, не дайте ему умереть, не узнав всей правды про столь долгожданный, открытый в Нормандии второй фронт! Гляньте, Марсель, из вашего высока на свою родину. Вот городок Лез-Андели. Ваш отчий дом. Сколько народу пришло в этот день! Родные. Соседи. Со всей Франции съехавшиеся фронтовые друзья, надевшие парадные формы. Звучат гимны двух стран — в вашу честь. Марсель. Отныне на доме вашего детства и юности навеки установлена мемориальная табличка: здесь родился и вырос Герой Советского Союза, павший в России за свободу Франции пилот полка «Нормандия—Неман» лейтенант Марсель Лефевр...

Лез-Андели чествует своего сына. На лицах — светлая грусть.

— О нет, — говорит мне Герой Советского Союза пилот Жак Андре, — это лишь случайное совпадение дат... Сорок лет назад, в этот же день, 6 июня, мы уже так и не смогли докричаться Марселю Лефевру, что в его Нормандии союзники открыли второй фронт. Он уже уходил от нас навсегда... О, как бы он обрадовался тогда!

«Американцы намерены увековечить свое собственное видение современной истории. Где-то в огромном квартале штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, пригороде Вашингтона, группа университетских профессоров, закрывшись от мира, засела за редактирование истории нашей эпохи. Судя по всему, написанные тома уже могли бы составить многотомное издание. Нам с вами оно станет доступно лишь спустя много десятилетий. Пока же единственный читатель этого увлекательного детектива — сам Уильям Кейси, шеф ЦРУ, кстати, большой любитель истории. Новость о существовании исторического бюро в недрах ЦРУ только что обнародовала газета «Вашингтон пост»...»

Как скромную тризну нормандцев в Лез-Андели затмил пышный церемониал юбилейной высадки, так и эта крохотная информация утонула в разливанном море газетных репортажей. А жаль, связь-то тут прямая. Лицедейство на берегах Нормандии — явная проба «ведомственной истории», ее публичный дебют!

Трудно судить, в каком порядке следуют тома исторического детектива ЦРУ, но генеральной ревизии подвергают двадцатый век с самого начала. В один прекрасный день той же весны жители Вердена не поверили собственным глазам, увидев красно-черно-желтый штандарт над фортом Дуомон. Здесь увековечена память 700 тысяч защитников крепости, павших в первой мировой войне. И сюда-то при полном параде пожаловал консул ФРГ с крестом «За заслуги», чтобы вручить его гиду форта Генриху Стюржу — бывшему артиллеристу вермахта, плененному в Нормандии и офранцузившему немцу.

Нет, не затем, конечно, дана человеку память, чтобы держать в ней зло. И не затем она дана человечеству, чтобы зло копить. Но память выветривающаяся что сосуд без дна: он не способен удержать ни опыт войны, ни опыт мира. Такое беспамятство — разве не самая страшная месть памяти?

* * *

После войны капитан де Панж разыскал Андре Бизьена. Это был брат летчика Ива Бизьена, не вернувшегося в полк из боя 13 апреля 1943 года. Вместе с ним погибли тогда Андре Познанский и Раймон Дервилль. Тремя этими именами открылись потери полка. Сбитые в тылу врага, все они по полковому журналу числились пропавшими без вести.

Братья были очень похожи — капитану казалось, что он видит перед собой Ива.

— Его документы были сильно обгоревшими, но фашисты, выходит, все же смогли разобрать на них имя... Итак, за вами пришло гестапо. Когда именно?

— В сентябре сорок третьего, — сказал Андре Бизьен. — Все мы: отец, мать, старший брат и я — были отправлены в концлагерь. Правда, поезд очень долго, почти месяц, стоял в Компьене. Вы знаете, что значил в войну Компьен?

— Знаю... — сказал де Панж.

В Компьене, местечке, расположенном на север от Парижа километрах в ста, начиналась... Германия. В 1871 году немцы расквартировали здесь главную администрацию своих оккупационных войск. В 1918 году, чтобы стереть из памяти французов этот и тогда уже роковой символ, маршал Фош выбрал Компьен местом, где Германия подписала условия капитуляции. В 1940 году саног опять был здесь, заново подкован и начищен. Даже сам вагончик Фоша фюрер увез и сжег, так что там теперь стоит его тщательно восстановленная копия.

Но лишь злого гения могла осенить мысль сделать это место символом дружбы двух стран. «Переупряжка» — так назвал это свое изобретение Пьер Лаваль. Гитлер требовал от Франции рабочих рук. Несмотря на бешеную пропаганду, добровольцев не находилось. Тогда в ход был пущен коварный план обмена: каждые три добровольца, уезжающие на работу в Германию, обменивались на одного военнопленного француза.

Гитлер держал в плену треть бывшей французской армии, более полутора миллионов солдат. Он не решался отпустить эту армию домой, даже без оружия и со срезанными лычками, не без основания полагая, что большинство из них окажется в Сопротивлении.

Французских солдат в плену, конечно, заставляли работать на рейх. Но заманчиво было обменять их на специалистов, умельцев — 350 тысяч квалифицированных работников требовал Гитлер от Франции. «Немецкая кровь — французский труд!» — так представляла «переупряжку» пресса Франк-рейха и Дойчланда. «Французские рабочие руки — это наше мирное участие в победе Европы над большевизмом», — твердил посол Виши в Париже Фернан де Бринон. «Юманите» отвечала из подполья: «Французский рабочий, отправившийся на завод рейха, не поможет освобождению пленных; зато он сменит немецкого рабочего, которого фашисты погонят на восточный фронт, где гитлеровские армии терпят сокрушительный крах...»

Началась вакханалия работоторговли. Уверяли, что эта акция вдвойне патриотическая, потому что три француза, добровольно поехавшие трудиться в Германию, способствуют возвращению «к родине, к труду, к семье» одного соотечественника, по вине прежних руководителей Франции поднявших оружие на рейх.

Первая «переупряжка» удалась. Три состава стояли на путях в Компьене, готовые

Морис де Сейн

направиться в Германию, а один подъехал с германской стороны. Грянул туш. Корреспонденты бросились делать пропагандистские снимки, запечатлевая эту стыдобу

для истории. А на запасных путях, оцепленные автоматчиками, невидимые за лесными завесами, стояли сотни, порой тысячи вагонов, стояли неделями и месяцами. В них были битком набиты люди. Одних увозили на каторгу, других — в крематории концлагерей. Здесь не играли туш и не делали снимков.

Вторая «переупряжка» и уже все следующие провалились. Напрасно неистовствовал Лаваль. Впустую маршал призывал спасти сыновей Франции, отправляясь вместо них в плен. Все больше составов копилось на скрытых от глаз путях, а «переупряжка» — хотя по-прежнему играл туш и вспыхивали блицы — везла в Германию не добровольцев, а арестантов. Так увезут на подневольные работы в рейх 250 тысяч человек. Лозунг Виши «родина, труд, семья» обрел окончательный смысл: родина — оккупирована, труд — в Германии, семья — разбита...

Бизьенам-мужчинам фашисты дадут одну секунду попрощаться с матерью, потом грубо растолкают их — мать в одну сторону, их — в другую. Они больше никогда не увидят мать. У Бизьенов-сыновей не будет и секунды попрощаться с отцом, им не разрешат даже подойти друг к другу. Они больше никогда не увидят отца. Бизьенов-братьев разлучат на перекрестке между Равенсбрюком и Бухенвальдом, и они тоже больше никогда друг друга не увидят. Выживет только Андре, а точнее, скелет Андре, в котором все же удержится душа, пройдя пытку самой душегубкой: ведь изо дня в день он де-

лал отравляющие вещества, которыми в лагерях вволю потравили людей.

В бараке рядом содержались советские военнопленные. Всякий раз, когда оттуда лилась протяжная русская песня и если не начинали топтать сапоги, требуя прекратить, — всякий раз в такие вечера его подбравшаяся к самой грудной клетке душа еще находила в себе силы по-человечески замереть и дать боль. Можно человека пнуть сапогом в самое сердце, можно вместо воздуха заставить его дышать ОВ, может даже верхом усесться на него кованая гадина, но пока в человеке живет мысль, значит, жив человек. Песня из русского барака стала тем, что его связало с Россией. Он никогда там не был, он и представить себе не мог, что же это за страна такая — с большевиками, со снегом, с хороводами. Так все это он себе представлял, болея мыслью, что не увидит никогда больше и не сможет спросить об этом брата Ива, растаявшего там, в русском небе, в пламени вспыхнувшей свечи. Там осталось вписано имя пяти Бизьенов, лягте на траву, мальчики из Орла, из Тулы, из Смоленска, взгляните — и прочтете. Не один Бизьен, а пять. Весь семейный клин, с папой, мамой и тремя братьями. Летят они не на юг, в теплые края, а на запад, в сторону Франции, и летят вслед за ними грозным боевым клином сто «яков» — флотилия с красными звездами на крыльях, с сине-бело-красными фюзеляжами. От самого Сталинграда все ближе и ближе фронт, с которым они идут. И вот они наконец, ну вот

же они! Человеческие скелеты, опрокидывая друг друга, бросаются к воротам, отшвыривают охранников, так, что мелькают лишь кованные сапоги, а кадыки, кадыки у них ходят от рвущихся из сердца слез! Но это слезы счастья.

Один Бизьен отделился от полка, спустился на землю и сказал брату:

— Здравствуй. Заждался нас? Но я торопился как мог. А папа, мама, брат Альбер, они где?

И тогда вы, Андре, показали рукой в небо и ответили:

— Там. С тобой. Летите во Францию! Я туда приду пешком. Ключ мама положила под коврик у входа, но она, конечно, помнит об этом.

Андре Бизьен вернулся в Нормандию, в город Дьепп, и под ковриком у входной двери нашел положенный туда мамой ключ. Папу, маму и брата Альбера гестаповцы увели отсюда, из дома, а его больного, с температурой, взяли в больницу. Вот почему мама целый месяц тогда, в Компьене, все говорила и внушала:

— Вы помните, мальчики, вы хорошо это запомнили, куда я положила ключ? Под ковриком у двери. А то вернетесь и не найдете и не войдете в дом.

Он вошел в дом и увидел фотографию брата Ива, которую полтора года назад гестаповцы зло швырнули на пол. Поднял с пола и, глянув брату в глаза, сказал:

— Здравствуй, Ив. Всю войну я был с тобой там, в России, ты разве не знал? И папа, и мама, и брат Альбер...

Вот почему Бизьенов в нашем небе — пять.

8. «Наполеонова подкова»

Странно! Внимательнейшим образом читаю полковой журнал за июнь сорок четвертого, однако даже намек нет на то, что летчики знали, кто противостоит им в эти дни на Березине.

Той самой Березине...

Бригада «Франкрейх»! Генерал-полковник-оберфюрер мечтал, и сам не раз об этом говорил перед строем, «умереть на поле брани, на глазах у своих солдат». Но на войне как на войне. Оберфюрер, оказалось, умеет хорошо хорониться от пуль. Когда от бригады останется всего 700 человек — а произойдет это как раз в ходе начатой советскими войсками Белорусской операции, — оберфюрера разжалуют в нижние чины, а часть отдадут под начало немецкого генерал-майора Крюкенберга. Все это будет ближе к Берлину, к логову.

Но вот пока они под Борисовом, на Березине. Советские бомбардировщики налетают в сопровождении легкокрылых «Як-3». На крыльях у них звезды, а винтовые конусы раскрашены в сине-бело-красные цвета. Цвета французского флага.

«26 июня. Хорошая погода... В 20 часов вылет для прикрытия бомбардировщиков на правой стороне Березины, у Борисова».

В этот день французские летчики впервые увидели Березину и как раз в тех местах, где когда-то переправлялся Наполеон. И впервые узнали, что их полк стоит лицом к лицу с соотечественниками, обрядившимися в серо-зеленую форму.

Сто французских летчиков вместе с советскими войсками прошли брянские, смоленские, белорусские бои, схоронили немало товарищей и добыли немало побед, пообвыклись с морозами и самоварами, понемногу заговорили, нескладно склоняя глаголы, по-русски, влюбились в здешнюю суматошную весну, а летчик связи капитан де Панж, знавший наперечет могилы однополчан, никогда не упускал случая посадить свой «У-2» у холмика с крестом — и положить букетик васильков. В некоторых селах капитана уже хорошо знали, детвора, заведя знакомый самолет-мушку, бросалась в поле встречать, но всегда и на каждой могиле он находил свежие васильки, ромашки, маки — сине-бело-красное. Как фюзеляжи самолетов. Как флаг их родины. Еще по долгу службы у капитана была тяжкая обязанность разбирать вещи погибших. Личный архив он при случае должен был отвозить в Москву, в посольство «Сражающейся Франции», для передачи когда-нибудь потом на родину, семье. Признаться, были среди павших парни, которых он едва помнил в лицо, так быстро они «спускались». Так нашел он однажды письмо, написанное командиру полка Пьеру Пуйяду. Летчик винился, что скрыл от командира правду, что

у него совсем не столько налетано часов, как он сказал, что чувствует он себя совершенно неготовым к этим страшным боям в русском небе. Дата на письме была, однако, давняя. Так и не решился летчик письмо отдать, предпочел погибнуть, но не покинуть строй. Но у Пуйяда глаз зоркий, он по одному взлету определял истинную квалификацию новичка. Это не раз и мучило его: отослать на многомесячные тренировки в Тулу или пусть уж набирается опыта в боях? Страх перед отправкой на «тыловой трениаж» был у новичков столь велик — Пуйяд читал этот страх в их глазах, — что не раз отважиться на эту жестокость было выше его сил. А потом корил себя... за Жана де Сибура... за Жана Рея... Хотя — ведь война же! А на войне как на войне.

Капитану де Панжу в самую лютую распутицу первой весны пришлось отправиться на поиски пропавшего где-то между Ельней и Орлом младшего лейтенанта Александра Лорана. Уже пахали. У него перевернулось сердце: впрягшись в плуги, пахали женщины и дети. С высоты в полсотни метров он мог разглядеть даже лица: люди оставались, не зная, бросаться в кусты или приветственно взмахнуть рукой. Свой, свой, вон звездочки на крыльях! — хотя и странно крашен нос. Капитан часами летал, высматривая «як», наконец заметил, сел посреди деревни и тут же был зван к чаю. Номер рациона-угощения определить бы он затруднился, но одно ему было ясно: на стол несли последнее. Лоран прожил тут четыре

дня, сажал картошку, сеял хлеб. Вот бы еще «як» приспособить под сев или пахоту, да тут разве бензин найдешь?

— Я из-за бензина сел, — повинулся он. — Кончился, понимаешь?

— Мы тебя пропавшим без вести числим! — отчитывал его де Панж. — А он тут, видите ли, пашет да сеет. А если б сельсовет не сообщил про тебя в полк? Так ты бы и остался тут навсегда?

— Во-первых, в сельсовет я о себе сообщил сам. Во-вторых, если уж оставаться, так в Туле.

Капитан знал, почему в Туле, знал это и весь полк: Лоран влюбился. Тулячка Рита уедет с ним после победы в Париж и станет мадам Лоран. Впрочем, какая же война без пахоты и жнивья, без любви и дома, без разлук и встреч, когда все это-то мы от врага и защищали?

Полк патрулировал над Березиной. Сто с лишним лет назад здесь кончилась слава великой армии Наполеона. Зачем он пошел сюда, что надо было ему в таких далях? Майора Леона Кюффо, прогулявшегося как-то в деревню Любавичи, местный поп, сообразив угощение с самоваром, повел показать избы-музей. В селе были и мужчины, уже правившие крестьянский труд, хотя вчера только из лесов, из партизан. Сто пятьдесят французских нашествеников положили предки этих людей вилами и топорами. Избу немцы сожгли, но оружие наполеоново, и обгорев,

осталось цело: сабли, мушкеты. К ним теперь добавляли немецкие автоматы и каски, разбитый пулемет...

Пилот Ив Фору, после того как «приземлился» и попал в госпиталь, почувствовал себя здесь вроде как музейный экспонат. «На меня ходили смотреть... Но «звездой» я был недолго, потому что в лазарет привезли русскую летчицу Соню». Он сбил лишь один фашистский самолет, а она уже три, «и я испытал что-то вроде комплекса, когда общий интерес переключился с меня на нее...». Постигнуть душу незнакомого народа, среди которого назначила оказаться судьба, помогают разные обстоятельства; госпиталь на войне в этом смысле — школа незаменимая. Легкораненые ставят спектакль для тяжелораненых, хотя сами вчера были на их месте; а спектакль патристический, «Давным-давно», времен нашествия Наполеона на Россию; Фору смотрит спектакль в пятый, десятый, двадцатый раз, прогрессирует в языке, но одна деталь упрямо ускользает от его понимания. На сцену, то есть в избу, к раненым русским офицерам входит казак, докладывает, что принес им показать французскую подкову. Все начинают без удержу хохотать: раненые-актеры, раненые-зрители. Ив Фору в конце концов умоляет объяснить. Хохоот еще больше. Приносят «наполеонову подкову» и, для сравнения, «кутузовскую». В то время как подкова русская с шипами — на таких подковах лошадь поскачет хоть по льду, хоть по стеклу, — французская... совершенно лысая.

— Боже мой, — шепчет Фору, — и что, маршал Мюрат этого не знал? И его лошади скользили и падали?

— Да знал он, знал! Ну как ты не поймешь? Это шутка в пьесе такая, но шутка, брат, серьезная. Ну лысая подкова... понимаешь?.. Не может она зацепиться за чужую землю — связи у нее с этой землей нет. Понятно?

— Боже мой, — шепчет Фору, — ну конечно, понятно!

* * *

Не только не маскировалась Москва, а, наоборот, освещала себя огнями до неба. Когда 14 сентября 1812 года в полдень капитан Жан Брео де Марло увидел наконец эту «столицу мира» — так в его письме, — две мысли его одолели. Печальная: «Ох, до чего же это далеко от моей родины!» И вместе с тем радостная: «Мы подумали также, что здесь наступит конец нашим мучениям, но недолго же нам пришлось в это верить...» Конница Мюрата первой вошла в Москву и потратила, чтобы пересечь ее из конца в конец, пять часов — «это достаточно показывает, сколь велик этот город». Император расположился в Кремле. Нашему капитану вышло везение — он попал на постой в дом, где дамы говорили по-французски. Это сократило ему знакомство с нравами чужой страны. Темой бесед со следующего же дня сделались пожары, капитан де Марло, может, быстрее других разобрался, что они вовсе не случайны и беспорядочны — город

наступательно и упрямо выкуривал захватчиков вон. Не раз посетует капитан на «этих русских, навязывающих бой безо всякого предупреждения». Случалось поэтому принимать сражения и на расседланном коне, и даже попросту в чем мать родила. С врагом воевала не просто армия — воевал весь народ. Бравый капитан, судя по его же свидетельствам, уже через неделю-вторую вполне освоился в Москве. Пахло, кроме пожара, еще близкой зимой и скорым отступлением. Подвалы сгоревших домов сделались приманкой для налетов. Капитан де Марло посылал свой эскадрон тащить оттуда вина, сахар, кофе, чай и всякую прочую снедь и чудо своего выживания из дальнейших передраг свяжет именно с этими припасами. Капитановы дроги, правда, оказались доверху забиты также драпами и кашемирами, но он даже обрадуется, когда эту обузу придется бросить где-то под Смоленском, уже на обратной дороге, после того как дроги разворотит ядро, — все равно добро это было, увы, не утащить! Не дождавшись предложения мира в Москве, Наполеон предписал маршалу Мортье выделить артиллерийский батальон для взрыва Кремля и отдал наконец приказ об отступлении. «Это было настоящее землетрясение, и посуди сама, — продолжал капитан письмо своей сестре Маннетт, — сколько в нем погибло народу!»

Если верить Жану Брио де Марло, эскадрон его имел лучших в армии лошадей. Он единственный добрался до Смоленска верхом. Здесь задержаться удалось лишь на

два дня: к городу подступала русская армия.

«Мы взорвали город с помощью пороха. В нем оставалось много больных и раненых французских офицеров: что поделаешь, это было неизбежно. Увы! Я оплакиваю тысячи этих несчастных жертв. Как ни горько, но такова война. Больше ничего нового не было до самой Березины. Там-то мой эскадрон растерял то, что стоило мне таких усилий сберечь, — лошадей, за исключением одной, оставшейся для меня, но и ее у меня украли в Вильно...»

На этом оборвалось капитаново письмо. Он, похоже, так и не отправил его сестрице, а пешком, избегая глядеть Европе в глаза, сам донес его домой, в городок Бутри департамента Ньевр. Там-то, уже под старость, перечитав его с грустью — ведь вышло, что написал самому себе, — он ничего не стал досказывать, лишь поставил под ним подпись. Благодаря этому и сохранилось его имя для истории. В 1885 году письмо попало на глаза издателю и было напечатано. Не без умысла напечатано: тогда уже отшумели над Францией новые революции и войны, и она, сумев извлечь из опыта прошлого века немало горьких уроков, упрямо добивалась франко-русского союза, видя в нем опору и гарантию своей безопасности.

За капитана кампанию 1812—1813 годов досказал автор примечаний к письму историк М.-Ж.-А. Лейнер. Только за Неманом разбитая французская армия перевела дух и оторвалась от преследователей. Бежавший

в Париж Наполеон оставил за себя командовать маршала Мюрата, но удержать дисциплину в армии тот не смог.

Даже лучший эскадрон, лучшие кони на всю наполеоновскую армию не смогли зацепиться за чужую землю — лысой была подкова, не было у нее связи с землей.

9. Василек, ромашка, мак

В один из этих дней — кончался июнь 1944 года — командир 18-го гвардейского авиаполка полковник Анатолий Голубов, сбив «мессершмитт», однако и сам подожженный зениткой, снизился и уменьшил скорость, но до посадочной полосы уже не дотянул... Поздно! Самолет объят пламенем. Голубов сделал последнее, что оставалось: выбросился без парашюта. Переломанного, но живого, его на носилках проносят мимо строя летчиков 18-го полка и «Нормандии», — это два из пяти полков 303-й истребительной авиадивизии, которой командовал генерал-майор авиации Г. Н. Захаров. Редкий случай, когда журнал де Панжа позволяет себе явно возвышенные слова да еще с восклицательными интонациями:

«Какая сила в этом человеке! С такими командирами Красная Армия побеждала и победит!»

Через полгода полковник вернется и снова взлетит в небо.

Пройдут два месяца, и почти так же, с разорвавшимся парашютом, из горящего

самолета прыгнет Пьер Жаннель. Он упадет в самую гущу наступающих советских танков. Его, как Голубова, «по частям» соберут в Москве, и, едва встав, он пойдет стучаться во все двери и все-таки докажет, что должен вернуться в полк. «Наш Голубов» — мог бы смело написать в журнале де Панж.

В июне—августе сорок четвертого три Белорусских и 1-й Прибалтийский фронты пробили в фашистской линии обороны четырехсоткилометровую брешь, устремились в нее и, не давая фашистам вкопаться в землю, развив мощное наступление, молниеносным броском вышли к западным границам СССР.

Два дня в июле запечатлелись в полковой памяти особенно отчетливо. Один был облачен и хмур, другой солнечен и ясен. В первый день произошла нелепая и страшная трагедия, во второй же день вроде бы ничего не произошло. Однако эти два дня разделяет нечто большее, чем событийная хроника.

«15 июля 1944 года. Погода пасмурная.

В 9 часов взлет 1-й эскадрильи, в 9 часов 20 минут взлет 2-й. Через несколько минут патрульная пара де Сейна—Лебра возвращается на аэродром. В самолете де Сейна происходит утечка горючего, он безуспешно пробует приземлиться, дважды нацеливается на посадочную полосу, но, явно отравленный парами бензина, вдруг прибавляет газ, самолет идет дыбом, опрокидывается на спину, пикирует и разбивается о землю. Вместе с ним в самолете находился механик Белозуб, которого де Сейн звал

Фотограф Марк Рибу свой снимок
назвал прекрасно и точно:
«Художник Эйфелевой башни»

«философом» и который прибыл в группу год назад. Какого прекрасного товарища потеряли мы, жизнерадостного и неистощимого на выдумки, простого, искреннего, честного! Вторая эскадрилья понесла тяжелые утраты: две недели назад пропал без вести де Фалетан; сегодня погиб де Сейн. Лейтенанты Соваж, Шик и Лебра хоронят своего товарища в Дубровке, тогда как в Микутани мы, построившись в каре, по приказу полковника Пуйяда отдаем ему последние почести минутой молчания...»

«16 июля. Изнурительная жара.

Мы расположились на большой ферме, крытой черепицей. Это часть огромной частной усадьбы. Посреди фермы — выложенный камнями колодец, с водокачкой, «как во Франции»... Окрестности холмистые, перелески и поля; горизонт ограничен 500 метрами. Живут здесь поляки, среди них много молодых людей. Мы им очень симпатичны. А от них то и дело слышим вопрос: «Будут ли у нас колхозы?»

Мы снова вступаем в контакт с миром индивидуализма...»

Россия умывалась водой льющейся, зорко подметил один историк, потому здесь в ходу рукомойники и кружки для слива воды; Запад умывался водой стоячей и придумал поэтому таз... Впрочем, все это детали и элементы быта, уходящего чуть ли не в ландшафт и уж во всяком случае — в уклад жизни. Но, перебираясь с Березины на Неман, летчики уловили не столько смену ландшафта, быта, сколько атмосферы, духа.

Гибель ли де Сейна на самой кромке советской земли так их поразила? Но ведь все летчики привыкли смотреть смерти в лицо и встречать ее, как подобает воинам: даже самый глубокий траур никогда не размягчал их воли. Дело, скорее, в том, как погиб де Сейн.

Де Сейн погиб, как за две недели до него погиб де Фалетан.

Читаем запись в журнале: «Де Фалетан на «Як-7» отправляется вместе со своим механиком на место, где он оставил неисправный самолет, взлетает и берет обратный курс. Но не возвращается...» Из донесений наземных частей стало ясно, какая трагедия разыгралась в воздухе. Самолет явно подыскивал площадку, чтобы сесть, но в районе передовой земля всегда изрыта и перепажана. А самолет уже заваливался, падал... Почему же летчик не прыгнул с парашютом? Бруно де Фалетан до конца боролся за жизнь механика Сергея Астахова и свою жизнь. Но, катапультировавшись, он мог бы спасти только одну жизнь — свою...

Эта трагедия разыгралась, когда никого из товарищей не было рядом, — следующая, повторившись точь-в-точь, произошла у них на глазах, с той, однако, разницей, что де Сейну приказал прыгать сначала его командир майор Дельфино, но когда выяснилось, что на борту самолета и русский механик, притом без парашюта, значит, решение принадлежит русским и немедленно переходит к ним; майор Дельфино передает микрофон старшему инженеру дивизии капитану Сер-

гею Агавельяну. После двух неудачных попыток самолет рванул вверх, метров на .восемьсот. Лишь потом до Агавельяна дойдет смысл коротких реплик, которыми обменялись сгрудившиеся вокруг него французские летчики:

«— Я бы не смог оставить самолет, бросив механика...

— Я тоже нет.

— И я тоже...»

Но микрофон уже у Агавельяна в руках. Он думал: вот-вот одуванчиком возникнет рядом с самолетом парашют, и приказа отдавать не придется, не придется потом мучительно разбираться в правомочности таких вот чудовищных приказов, по которым одна жизнь как бы признается дороже другой. Самолет снова ринулся вниз, Агавельян понял, что теперь летчик пробует последнее: слепую посадку. Это — гибель вдвоем.

— Морис! — закричал он. — Это приказ! Немедленно прыгай! Другого решения нет!

Уже у самой земли «Як», еле-еле управляемый, клюнул носом, перевернулся на спину, надрывный вой мотора как бы срезало взрывом. Все произошло так быстро, что, казалось, самолет сам влетел в пламя, свечой поднявшееся навстречу ему с земли.

Жизнью на войне рисковать приходится постоянно, и шанс здесь всегда один: или — или. Лейтенант де Фалетан и капитан де Сейн действовали в экстремальных условиях, когда на размышление оставались секунды; поступили бы они иначе, имея возможность спокойно взвесить и решить? Вспомним раз-

говор французских летчиков на земле, услышанный Агавельяном и переданный им в воспоминаниях. Да, оба раза выбор вставал такой: или вдвоем спастись, или погибнуть вдвоем. Наверняка спасти можно было только одну жизнь. И этот выбор сбрасывался со счетов де Сейном в небе, а его друзьями на земле, именно потому, что не оставлял шанса другому.

Мужская дружба, фронтовое братство, подвиг самопожертвования... Все эти слова справедливы! Но не передают они, быть может, самого существенного. Отношения этих людей, как и отношения всех французских пилотов с русскими пилотами и механиками, возвысились в атмосфере полного согласия личных интересов с коллективными устремлениями и задачами. Коллективными в самом широком значении.

Это было открытие, которым их пронизала Россия.

Но вот они на западной стороне мира, которая, в общем, им и знакомей и привычней. Перемена оглушительная! Как всегда в тех случаях, когда походные кухни отставали — а происходило это чаще всего в наступлениях, — полк моментально переходил на домоводство и делал это, надо признать, довольно расторопно. Капитан де Панж с малой высоты никогда не забывал заметить, где картофельное поле, где еще растет какой полезный овощ или фрукт. Если сильно припекало, полк, чего греха таить, выбрасывал «зеленый десант», ну, а уж поохотиться на дичь считалось занятием и благородным, и

для желудка полезным. Они прошли и пролетели по России тысячи километров и ни разу, среди разрухи, голода, мужественно сносимых народом страданий, ни разу не навлекли на себя ничьей немилости или гнева — ни хутора, ни колхоза, ни охотничьего хозяйства, ни крестьянского двора. За каждую воздушную победу французским летчикам полагалась денежная премия. Они не знали, что делать с деньгами, потому что их никогда не удавалось употребить в знакомых ли, незнакомых ли селах и дворах. Им делалась какая-то поблажка, скидка, исключение? Ничего подобного! Точно такое же отношение они видели и к летчикам побратимов-полков, ко всей армии. В конце концов они перестали даже интересоваться своей зарплатой и вознаграждениями, забыв, где и на каких счетах копят эти деньги.

Капитан Марк Шаррас и лейтенант Робер Кастен как-то раз, взяв армейский «джип», решили совершить прогулку в Лиепая, уже, казалось, оставленную врагом. Попав под обстрел, забаррикадировались в каком-то здании — оказалось, банк. «Ну вот, Марк, — сказал Робер, — перед нами все золото мира. Давай покурим».

С револьверами и сигарками в руках они заняли оборону и держали ее до прихода советских частей.

Сто с лишним лет назад в тех же местах другая армия отступала так спешно, что «бросила пять миллионов золотых и серебряных луидоров его величества императорской казны». «Имущество наших пленных

или погибших офицеров распродавалось меж нами,— писал капитан де Марло сестрице Манетт,— я за очень сходную цену купил себе то, в чем нуждался...»

Нравы — не что-то само по себе существующее, они неотделимы от человека, как человек от общества и от эпохи.

Французские летчики шли на запад с армией, чьи дисциплина, дух, мораль прямо вытекали из политической и социальной природы создавшего эту армию народного государства. Не понадобились им деньги и при пересечении границы. Да и не имели они при себе ни марок, ни франков, ни долларов. Однако кухня отстала, и пришлось прибегнуть к испытанному приему — пойти по дворам. Пожалуйста! За авиационную рубашку — пяток цыплят. За пару свитеров можно было получить даже молочного поросенка. Все это они отражали в своем походном дневнике, продвигаясь по бывшей Восточной Польше и бывшей Восточной Пруссии. Диктовались эти записи желанием уловить, зафиксировать так резко изменившиеся — после России — обычаи и нравы.

«Мы снова вступаем в контакт с миром индивидуализма...» Но сам-то полк нес с собой, в себе, как несла и вся освободительная армия, ту нравственную силу, что происходила и вытекала из коллективно принятых жертв, лишений, коллективной воли к их преодолению. А путь к этому преодолению лежал через победу.

Соорудить такой торт из армейского рациона! Посреди него высилась Эйфелева башня с трехцветным французским флагом. Большее потрясение они испытали бы, если б перед ними наяву предстала Эйфелева башня, с которой, уж к слову будь сказано, в начале века был проведен первый сеанс радиосвязи между Францией и Россией. Но и это было еще не все. Капитан де Панж, обозначив дату и метеосводку дня: «23 августа 1944 года, погода хорошая...» — дальше поведал: к превеликому удивлению французов, летчики 18-го полка хором грянули втайне от них разученную «Марсельезу». Был фейерверк. Все, что могло палить, палило. С немецкой стороны ответили артналетом, к счастью, никто не пострадал, и веселье продолжалось до утра. Поздней ночью вернулись из дальней поездки доктор Жорж Лебедински и пилот Пьер Жаннель, «наш Голубов». Они последними и узнали новость: **ПАРИЖ ОСВОБОЖДЕН!**

А где-то невдалеке от них, через линию фронта, стоял потрепанный в боях, погруженный в уныние и траур легион французских добровольцев... Освобождение Парижа для этих людей означало крушение последних ставок. Четыре года назад они сами оставили свою родину. Теперь лишились ее вовсе. Они догадались, почему на русской стороне фейерверк и поют «Марсельезу». Все, чем смогли они ответить, так это шальным, бесильным в злобе артобстрелом.

Освобождение Парижа

У заключенного № 2332, сидевшего в это время в концлагере для советских военнопленных в Лодзи, был день рождения. Втайне от охраны плененные, как и он, русские летчики приготовили ему из хлебных корок «торт»; связанные тайной задуманного побега, сумевшие даже наладить связь с польскими партизанами, они тем не менее отщипнули от своих пайков еще по десятинке. Заключенный № 2332 был тронут до глубины души и все-таки посетовал, что «торт» теперь придется съесть, а лучше б и эту пайку засушить на побег.

Когда он попал в плен, гитлеровский офицер начал допрос так:

— Когда вы покинули Францию?

— Когда вы туда пришли.

— Почему вы ее покинули?

— Потому что вы туда пришли.

— Вам известно, что решением правительства Виши летчики «Нормандии», воюющие против рейха, подлежат расстрелу?

— Конечно. Но всю Францию вам не расстрелять. Вы уже пробовали расстрелять Россию.

— Вы ведете себя вызывающе. Но сейчас я вам кое-что покажу.

Ему показали документы трех летчиков, сбитых почти месяц назад. Это были первые потери полка: Раймон Дервилль, Андре Познанский, Ив Бизьен.

— Их мы уже расстреляли, не дожидаясь вас, — сказал офицер.

Заключенный № 2332 спросил:

— В таком случае прошу вас ответить мне

на вопрос: почему документы обуглены и окровавлены?

Офицер промолчал.

— Тогда отвечу я. 13 апреля я тоже участвовал в бою над Спас-Деменском. Нас атаковало восемь «фокке-вульфов». Три были сбиты: один Дервиллем, второй Бизьеном, третий Познанским. Однако сбили и их. Это были наши первые бои и первые потери.

— А теперь вы, похоже, начали отрабатывать русскую тактику, бой парами: ведущий и ведомый, так?

— Увидите в бою.

— Начали-то вы, как во Франции: каждый летал сам по себе и дрался сам. Хорошо, знайте же: вы первый летчик «Нормандии», попавший в наши руки. Прежде чем расстрелять, мы сделаем из вас пропагандистский номер. Будем возить и показывать, как предателя, который служит большевикам.

— Прекрасно. Я сгложусь и в этом качестве моей Франции. Но с этой минуты я не отвечу больше ни на один ваш вопрос.

Ив Майе — так звали этого заключенного — много раз бежал, но никогда ему не удавалось пересечь линию фронта. Он сделался немым, и на установление его личности уходили месяцы. Вторично приговоренный к расстрелу — за очередной побег, — он в день, назначенный для казни, бежал из лагеря... в лагерь. Подпольный комитет советских заключенных неузнаваемо загримировал его. Фронт гремел уже рядом. Продержаться оставалось последние дни, часы...

В другом концлагере, где-то в глубинке рейха, сидели Жан Бейсад и Константин Фельдзер. Они доверились соотечественнику, который в лагере пек булки — то же самое он делал до войны в Пуатье. Летчики попросили у него хлеба на дорогу. Ночью эсэсовцы их подняли с нар: «Большевики! Бежать?..» Все-таки они выживут, вернутся после войны, разыщут булочника из Пуатье и начнут против него судебный процесс. Синдикат булочников Пуатье пригрозит им встречным обвинением — «за диффамацию, за оскорбление чести узника гитлеровских концлагерей». Подумав, летчики заберут свой иск назад.

Нация была глубоко поранена и разъединена...

* * *

«В одном маленьком местечке нашли мы великое стечение народа. «Что у вас делается?» — спросил я. «Сосед наш Андрей, — отвечала мне молодая женщина, — содержатель трактира под вывескою «Креста», сказал вчера в пьянстве, *перед целым светом*, что он плюет на *нацию*. Все патриоты взволновались и хотели его повесить, однако ж наконец умилоstinивились, дали ему проспать и принудили его ныне публично в церкви на коленях просить прощения у милосердного господа. Жаль мне бедного Андрея!»

Наш наблюдательный соотечественник Николай Михайлович Карамзин был свидетелем этой сцены 6 марта 1790 года. Шла

Великая французская революция, с которой мир поведет свое новое летосчисление. Почувствовал ли это Карамзин, увидя революцию так близко, вступив в нее — буквально — ногой? Да!

«Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел».

Сам он не принял революционно-просветительской идеи социального равенства людей, больше уповая на их будущее «братание». Не забудем и другого: он ведь помнил постоянно, что первым читателем его «Писем русского путешественника» там, дома, будет цензор. Но и сквозь недоумение («Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных французов, которые славились своей любезностью...»), и сквозь явное неприятие («С 14 июля все твердят во Франции об аристократах и демократах, хвалят и бранят друг друга сими именами, по большей части не зная их смысла»), и сквозь юмор («Нет, постой: изъясни нам прежде, что такое... нация?») идет у него эта точная и главная констатация: осознав свое величие, народ пробудился к национальной жизни. Именно это своими «Письмами» и сумел Карамзин первым сказать просвещенной русской публике. Послушные календарям, мы все относим начало Великой французской революции ко дню 14 июля, дате штурма Бастилии. Но не прологом ли к ней явился парламентский акт 17 июня, когда третье сословие — сам народ — принудил аристократов и духовенство принять в Генеральных Штатах его волю? Впервые в мире родились

эти понятия — Национальное собрание, нация, конституция, гражданин...

Закипевшая в самых толщах народных, очистительная эта буря в едином порыве слила волю граждан и нации.

Не раз потом удавалось эту бурю приручить, утихомирить, унять. То конституционным монархиям. То буржуазным республикам. Но лишь только национальные интересы грубо приносились в жертву сословным, узкоклассовым, как снова буря вырывалась на простор. Революциями. Народным фронтом. Сопровождаемым...

Освобождение сразу сотрет само имя Франкрейх, но потребуются годы и годы, чтобы вытравить коллаборационизм духа. Парадокс в том, что он был многолик. Одни служили и возвышались, другие стали даже страдающей стороной, но при этом и те и другие принимали идею сотрудничества с врагом. Дальше шли лишь оттенки: кто более пылко, кто менее... В годы преодоления коллаборационизма, всячески скрывая от метины на совести, выставляли зато напоказ анкетные шрамы и шрамчики.

* * *

Кто возлагает цветы к мемориальной табличке 42 пилотов «Нормандии—Неман» в Москве? Анатолий Коро, бывший переводчик полка, был уверен: специальная служба. Если так, это прекрасно. В один из своих приездов в Москву Коро решил подкараулить

момент возложения. Выбрал утро, ждет. Довольно долго никого. И вдруг: идет! Средних лет мужчина. Положил свои цветы, поправил прежние, пошел назад. Коро подскочил — знакомиться. Оказалось: инженер из Киева. Раз, два раза в месяц по делам службы бывает в Москве и обязательно приходит сюда с букетом. «Но почему, — не унимался Коро, — что вас связывает?»

Киевлянин развел руками, не в силах это объяснить:

— Да как вам сказать? Ну, нравится мне «Нормандия». Поэтому и прихожу.

Так просто оказалось — «нравится...».

Но сильней всего их поразило, когда увидели в первый раз самолет в своей дивизии с надписью на борту: подарок от завода. Потом уж привыкли: от театра... от колхоза... от русской православной церкви... Так сама собою однажды явилась мысль, что же делать с теми деньгами, с которыми сами они не знали, что делать, за их полной ненужностью в отношениях с тылом.

Письмо главы французской военной миссии в СССР Э. Пети Верховному главнокомандующему Вооруженными Силами СССР И. В. Сталину.

«10 декабря 1943 года

С того момента, как французский истребительный полк «Нормандия» был передислоцирован, наши пилоты получили от советского командования сумму в 75 тысяч рублей в качестве премии за сбитые самолеты.

С целью принять участие в производстве военных материалов, желательно в построй-

ке самолета, командир полка майор Пуйяд от имени пилотов своего соединения передал мне эту сумму с просьбой предоставить ее в ваше распоряжение...»

Эти деньги еще и добраться не успеют до счета № 14001 Госбанка СССР, как полк «Нормандия» вдогонку им пошлет 7 тысяч своих премиальных рублей — сбито еще семь самолетов противника. Ближе к концу войны Советское правительство, однако, отклонит их очередное ходатайство о передаче своих премий в фонд обороны, более того, прощаясь с летчиками, настаит на выплате им денег, которые они отказывались брать. Выплатили их в долларах. Лишь потом, когда уже многие из летчиков распростились с военной службой, когда начнется новая война — «холодная», они оценят, как это было прозорливо и заботливо сделано.

Что же сплавляло волю миллионов людей в несокрушимый порыв нации, с которым так счастливо сочеталась и воля ста крылатых французских послов? Из раций № 1, 2, 3, 4, 5, не по приказу свыше, а по движению бьющихся в ритм сердец, умудрялись еще отложить на самолеты и танки, понимая, что они должны пройти впереди плуга и отогнать тех, кто нес нам ярмо. Человек, конечно, не лошадиная сила, но если и ее потребуется выжать из себя, если надо впрячься и тянуть, то он и это сделает, потому что есть у него с землей связь прочная и непорывная. Мир коллективизма не только не гасит человеческую индивидуальность, он помогает ей ярче раскрыться и крепче стоять.

Они не стали в России «большевиками», как того очень страшился, например, командующий французскими воздушными силами в Алжире генерал Рене Буска, от которого зависело формирование будущей дивизии. Но никогда больше не смогли они стать и антикоммунистами.

В октябре 1944 года Пуйяд собрался сам в освобожденный уже Париж, чтобы сформировать дивизию. Двенадцать летчиков вместе с ним получили — на правах ветеранов — отпуск, еще восемь человек по разным причинам улетали домой совсем. Упаковали чемоданы, раздарили механикам часы и устроили прощальный обед. День вышел томительно длинный. Сначала объявили, что из-за каких-то «административных вопросов» отлет откладывается на завтра, — следовало ждать, что воцарится уныние, однако воцарилась радость. Потом Игорь Эйхенбаум извлек из угла чемодан, распаковал и молча стал укладывать в тумбочку свои вещи. Майор Дельфино бросился его обнимать: «Бум остается!» Минут час обеда — полковника нет. Задержался Пуйяд по вызову командира дивизии. Но вот наконец и он. Сел. Говори, полковник, тост прощания! Встал. Не может начать, волнуется, проглотил комок...

— Завтра, камарады, начинается новое большое наступление на запад... Но каждый может решить сам... Я лично остаюсь, но я ведь командир...

Жан де Панж в Козельске.
Май 1943 г.

Тихо. Как бывает на свете тихо!

Это же не сверхурочно поработать. Это сверхурочная встреча со смертью.

А в углу 20 чемоданов, по 25 килограммов.

Тихо. В Париже, конечно, уже каштаны жарят на улицах...

— Мой полковник, — сказал в этой тишине Роллан де ля Пуап, — если мы еще не-

много вот так посидим, то в наших фужерах тост за наступление совсем выдохнется...

— «В фужерах!..» В русских граненых стаканах, черт возьми! Вы, де ля Пуап, еще не в «Кафе де ля Пэ» на Больших бульварах и даже не в ресторане «Москва», а на фронте! — Полковник всегда находил ответ, достойный хорошей шутки, его надо было сверх всякой меры рассердить, чтобы он мог лишить пилота, например, права играть в покер. — «В фужерах!..»

Снова бои. Только за один из этих октябрьских дней полк сбил 29 самолетов. Капитан де Панж, тоже распаковавший чемодан, продолжал свои хроники. Не вернулся Жак Казанёв... Не вернулся Жан Монсо... Они сложили головы в чужих полях, уже на западной стороне мира.

Сколько могил с маками! У них цвет крови, цвет советского знамени. Но, пролетая на бреющем полете там, где пали два новых товарища, капитан де Панж увидел на их холмиках знакомое трехцветье: василек, ромашка, мак.

Кто? Русские ли пехотинцы? Местные ли жители? Этого никогда не узнает капитан...

10. Город чужих людей

По правде говоря, у повести «Военный летчик» есть пролог, который еще ни разу не был предпослан ни одному из ее изданий. 23 мая 1940 года, на следующий день после столь опасного полета на Аррас, Сент-Экзю-

пери пришел к друзьям из истребительной эскадрильи 1/3 и в их «Золотой книге» написал эти несколько строк:

«Со всем чувством и признательностью на память группе 1/3 и ее командиру Тибодэ, ибо, не прикрой меня товарищи из этой группы, я бы сейчас лихо резался в покер, в раю, вместе с Прекрасной Еленой, Хлодвигом и проч. — а я все еще предпочитаю пожить на этой планете, несмотря на все ее неудобства... Антуан де Сент-Экзюпери».

Позади были Виши—Франкрейх, Северная Африка, Португалия и даже статуя Свободы уже была за спиной. Он поставил чемодан в номере 240 отеля-небоскреба «Сэнтрал парк суут» и глянул вниз с 21-го этажа.

Не так ли четыре с лишним века назад, забравшись на мачту парусной шхуны «Дофин», обозревал окрестности матрос Ги де Вераццано? (Флорентиец служил французскому королю, поэтому и произносил и писал свое имя на «галльский» лад — без заключительной «о».) Он слезет с мачты и засядет за доклад Франциску I: залив он наречет именем сестры его величества — Святая Маргарита, побережье — Новая Франция, индейское поселение на мысу — герцогским титулом короля, д'Ангулём... О, благословенная эпоха, когда сама честь открытия уже приравнивалась завоеванию, росчерк пера — праву на вечное владение! Если же еще доводилось пролить каплю крови — каплю своей крови, ибо чужая и реками не в счет, — то право сильного возводилось в абсолют, без которого сам отсчет

ценностей казался немыслим. Не потому ли отцы-демократы Нового Света само собой разумеющимся сочли соседство демократии и рабства — одно для белых, другое для цветных? Город лачуг и небоскребов, город опавших и воздетых рук — не отразились ли в самой архитектуре Нью-Йорка и молчаливая мольба униженных, и молитвенные возношения пресыщенных? Стал ли ты таким же, город Ангулем, если бы всего через 37 лет после «открытия» не переименовали тебя в Нью-Йорк? Впрочем, второе «открытие» Нью-Йорка — а именно, что он звался поначалу Ангулем, — состоялось только в 1949 году и было торжественно увековечено на памятнике Ги де Вераццано. Так что Сент-Экзюпери, скорей всего, просто не мог этого знать. И все же в своем восприятии города он ничуть не ошибется. Не зря его сердцу всегда милей были застывшие аплодисменты черепичных крыш, будь то во Франции, Аргентине, Гватемале, Испании или среди прерий США.

Стук в дверь: журналист из «Нью-Йорк таймс».

1 января 1941 года газета напечатала о нем:

«А. де Сент-Экзюпери... вчера, прибыв из Франции, заявил, что его страна проиграла войну, поскольку люди, поставленные во главе армий, были совершенно неспособны постигнуть характер современной войны и поскольку страна оказалась плачевно неспособной к самоорганизации... Так как он развивал мысль о том, что Франция наверняка преодолеет этот склон своей истории и вновь

окажется среди великих наций, ему был поставлен вопрос: как же она это сделает? Моментальный ответ: «Это я и хочу спросить у вас».

Город воздетых рук, однако, встретил его аплодисментами. Через две недели в отеле «Астор» в его честь был накрыт стол на 1500 приборов — первый из длинной череды обедов. Ассоциация американских книжных издательств и магазинов преподнесла ему премию «за лучшую книгу по общей (не фантастической) литературе за 1939 год». Он держал в руках «Планету людей», обратившуюся в раскрытую бронзовую книгу с золотой чеканкой благодарностей, а с лица его не сходила краска. Эту книгу он привез в США в августе тридцать девятого, за месяц до начала войны, — теперь ею были уставлены все книжные витрины Нью-Йорка. Америка зачитывалась французским «пилотом-поэтом-писателем», гадали: что привез он на этот раз? «Хотя он носит прическу «а-ля концентрационный лагерь», ему не пришлось быть военнопленным...» («Нью-Йорк таймс» от 19 января). Рейнал и Хичкок, его издатели, и Максимилиан Беккер, его литературный агент, попробуют удержать его здесь, по опыту зная: «Чтобы заставить Сент-Экзюпери писать, лучше всего закрыть его в комнате на ключ...»

Но в этот раз он ехал не за премией и тем более не за новым литературным успехом.

Увы! — его принимали за кого угодно, но только не за посланца его растерзанной, нуждающейся в помощи родины.

Самозваному дипломату официально эту миссию изложить было некому. Говорить о ней он мог только с друзьями.

В Америке Сент-Экзюпери подружился с четой Линдбергов. Чарлз Линдберг стал знаменитостью с тех пор, как в мае 1927 года впервые перелетел Атлантику, а Энн Линдберг, сопровождавшая мужа во всех его полетах, написала книгу «Подымается ветер». Еще два года назад, в августе тридцать девятого, когда Сент-Экзюпери плыл в Америку со своей «Планетой людей», мир, казалось, был устойчив и прекрасен, он без скрипа вращался на своих осях, люди жили буднично и спокойно: «День отдается семейным ссорам, ночью же к человеку возвращается Любовь. Потому что Любовь сильнее этого словесного ветра...» Он плыл тогда в Америку, а один из его самых близких друзей, Анри Гийоме, догнав корабль в Атлантике, помахал Антуану крыльями своего гидроплана. Так когда-то и Сент-Экзюпери, когда Гийоме разбился в Кордильерах, пять дней подряд летал — низко, с опасностью для жизни, — над горами, выглядывая шагающего друга или его труп, потому что жена летчика получила бы пенсию только по предъявлении трупа. И в мирной жизни хватало риска, обвалов, катастроф, но все уравнивалось самым миром — он дарил людям ссоры и любовь, давал покой тем, кто предпочитал покой, и беспокойство тем, кто выбирал беспокойство. С Линдбергами, ставшими в Америке его лучшими друзьями, они много говорили о фашизме — тогда не верилось,

что сапог шагнет дальше Австрии и Чехословакии, что он осмелится пнуть мир и привести его в наклонное состояние. Но теперь это произошло...

Чарлз Линдберг создал и возглавил комитет «Америка прежде всего!».

Еще в январе сорок первого Линдберг выступал в конгрессе как «частное лицо» — пройдет немного месяцев, и он окажется лидером одного из самых массовых общественных движений в США. Сент-Экзюпери хорошо помнил, что и у него на родине было немало пацифистов, людей, искренно отвергавших войну и боровшихся против нее. О, злая гримаса истории! — большинство из них неуправляемой волной стихии прибило к вишизму. Теперь, когда война уже шла, он воспринимал пацифизм как предательство самого мира...

С родины ему пришлют ласковую, теплую, увесистую пощечину: не потрудившись даже спросить согласия, Виши назначило его членом Национального совета — института, призванного заменить собой разом все политические партии Франции. Он запечатывает пощечину в конверт с обратным адресом, даст гневные разъяснения в газетах. Но отныне и уже до конца войны немало «героев Сопротивления», отсиживавшихся за океаном и проводших войну в спорах о судьбах Франции, будут вслух клеймить его «агентом вишизма»: «Сент-Экзюпери? Он здесь для того, чтобы купить для Виши самолеты». Этой ложью еще больше отдаляют его от «Сражающейся Франции».

Ноябрь 1942 года: союзники наконец высаживаются в Северной Африке (операция «Торч»), даже не поставив об этом в известность генерала де Голля. В ответ Гитлер немедленно перечеркивает условия перемирия 1940 года и оккупирует всю «свободную зону».

30 ноября Сент-Экзюпери выступает по радио и тогда-то впервые произносит слова: «Франция прежде всего!»

В этом лозунге не было, однако, ни грана национального чванства, которое как раз и ужаснуло его в насквозь реакционной программе Линдберга: «Америка прежде всего!» В устах Сент-Экзюпери сходное выражение имело принципиально иной смысл: сначала — Франция, сначала — сплочение всех прогрессивных сил на борьбу против фашизма.

«...Хотим ли мы, французы, примириться между собой? Ведь не осталось уже ни малейшего повода для распрей... Уже не приходится спорить о местах и наградах. Единственное достойное нас место — это место солдата...»

Он предлагал манифест:

«Мы, французы, отвергая дух вражды между собой, должны сплотиться вне всякой политики...»

Но война-то как раз была кровавым следствием причин, уходивших в политику насилия, захватов, расизма, антикоммунизма! Да, среди французской эмиграции времен войны существовало множество разных течений и группировок, и поминутно возникав-

Антуан де Сент-Экзюпери:
«Война и ненависть ничего
не прибавляют к радости
общего стремительного движения»

шие между ними междоусобицы мешали объединению сил для борьбы с фашизмом. Желая подняться над политическими разногласиями, Сент-Экзюпери оказывался в самой их гуще...

Его собственная свобода сузилась до последнего, единственного выбора. Уступив настоянию издателей, он заперся в небоскре-

бе «Сэнтрал парк соут» и лихорадочно писал «Военного летчика», ночи напролет диктуя на диктофон, в восемь ложился, в девять приходила секретарша расшифровывать наговоренный текст, который потом он правил с листа. Декабрь сорок первого. Грянула весть про Пирл-Харбор: японцы напали на тихоокеанский флот США. Сент-Экзюпери вне себя от возбуждения: «Теперь американцы втянуты в войну, это начало освобождения Франции!»

Однако он быстро почувствовал, что обманулся очередной раз. «Если мы умираем за Демократию, значит, мы солидарны с демократическими странами. Пусть же они сражаются вместе с нами! Но самая могущественная из них, единственная, которая могла бы нас спасти, вчера уклонилась от этого и уклоняется еще сегодня».

«Примирился друг с другом, французы! Когда мы окажемся на борту бомбардировщика против пяти или шести «мессершмиттов», наши старые разногласия заставят нас лишь улыбнуться».

Приняв «примирительные» лозунги Сент-Экзюпери за готовность «сотрудничать», жестоко ошиблись и коллаборационисты. Имя Жака Израэля, одного из героев повести, его друга, летчика эскадрильи 2/33, послужило поводом для травли, которую начали против писателя в Виши:

«Военный летчик» изымается из продажи вплоть до того, как слух о переходе Сент-Экзюпери в оппозицию к Виши окончательно подтвердится... Шульц. Управление

пропаганды. Франкрейх. 11 января 1943 года».

А в Америке книга сделалась бестселлером. «Лучший ответ, который западные демократии смогли до сего дня дать «Майн кампфу»!» — воскликнул рецензент журнала «Атлантик» Эдвард Уикс. Попались ли эти строки на глаза автору повести? Конечно, он писал ответ «Майн кампфу», но... от имени какой демократии? Каких демократий?

«Американцы хотели, — такое свидетельство оставил нам Льюис Галантир, американский переводчик Сент-Экзюпери, — чтобы он написал об их Демократии с большой буквы Д; а он написал о человеке. Они хотели, чтобы он воспел их Билль о нравах; он же пел гимн милосердию...»

Ему рукоплескали, но его даже не старались понять.

Вернемся — всего лишь на минуту! — в историю, отстоящую от нас теперь уже на два столетия назад. Великая французская революция и война за независимость в Северной Америке — исторически эти события — ровесники. Почти одногодками рядом в истории стоят конституции первых в мире республик — французской и американской, рожденные ими Декларация прав человека и Билль о правах. Монумент Свободы, который Франция пошлет в подарок Соединенным Штатам Америки, спустя сто лет в честь их первого круглого юбилея, фундаментом имеет именно эту историческую подоснову. Маленькая копия монумента, остав-

шаяся на Сене, — это ответный подарок от американской общины во Франции...

Отчего же Сент-Экзюпери не смог заставить себя писать об американской демократии с заглавной буквы Д? Что ему претило? Его «Франция прежде всего!» — это был лозунг свободы, равенства, братства — и для французов между собой, и для французов в отношениях с другими нациями. Демократия, желавшая схорониться за океанами, демократия, впавшая в пацифистское самосохранение, когда уже рухнула вавилонская башня и в грохоте пушек смешались языки, демократия, продолжавшая в этот час грозы открытые и тайные сношения с Виши, — она не могла не внушать ему тревоги. Тогда он приложил к этой демократии единственное мерило, в которое верил: Свобода, Равенство, Братство. Еще резче, чем в книгах и публицистических выступлениях, эту тревогу Сент-Экзюпери излил в письме Льюису Галлантиру:

«Я совершенно не знаю, как вы определяете для себя свободу... Подлинная свобода состоит только в созидательном действии... Но если я колеблюсь, какой из четырех типов автомобиля «Дженерал моторс» мне выбрать или какой из трех фильмов Занука посмотреть, это не что иное, как карикатура на свободу!.. Я предоставляю осужденному выбор, посадить ли его на кол или повесить, и при этом я еще радуюсь: как же он свободен!..

Равенство?.. В конце концов вы откроете сами, поглубже вдумавшись... в смысл этих

слов, что ваше равенство находится в глубочайшем противоречии с вашей свободой... Равенство есть лишь критерий для сравнимых вещей.

И, наконец, братство — вот понятие, которое ставит наиболее запутанные проблемы. Вы зовете братством ваше добродушное безразличие, когда никто по-настоящему не интересуется никем...»

Эти размышления привели Сент-Экзюпери к выводу:

«Нацизм овладеет вашей молодежью, как огонь гумном. Она открыта для этого огня... Вашим молодым людям не дано быть ни сыновьями, ни братьями, ни любовниками, ни жить скрытой жизнью души, ни познать любовь родины (Америка скорее континент, чем родина), им не остается ничего другого, кроме как быть демократами, — иначе говоря, следуя вашим же определениям, любить себя такими, каковы они есть. Потому что ничего другого демократия для них не означает...»

Гуманист, вы, право, утомили Америку! Вам лучше всего запереться на ключ и писать. Ваши книги так прекрасны! Это не всякая там военная фантастика, которую строчат литераторы мотылькового полета. Вы видели войну, а они ее только воображают. Вы умеете рассказать о ней правдиво, а нам очень хочется узнать, за что и как там воюют, в Европе. Пишете ли вы еще что-нибудь после «Военного летчика» и «Писем к заложнику»? Сказку? Про маленького принца? Ну давайте сказку, Сент-Экзюпери!

Он оставил Америке сказку и в марте сорок третьего сел на пароход, плывущий в Северную Африку. Нью-Йорк проводил его молча, да он больше и не хотел его рукоплесканий. Сердцебиение шло не от оглядки назад, а от взгляда вперед. Жене Консуэло он напишет с пути:

«Я еду не затем, чтобы умереть. Я еду, чтобы страдать и таким образом причаститься к тем, кто мне близок...»

В письмах и рапортах он снова умоляет: сначала — принять его в эскадрилью 2/33: приняли. Потом — допустить к разведывательному самолету «Лайтнинг» — «Локхид П-38». Ему 43 года, он нездоров, но не унижается, пока не допустили. Потом разрешили и боевые вылеты...

«Я напишу нового «Военного летчика»... Но я могу писать только в том случае, если я вместе с моими товарищами могу ради наших идей рискнуть головой...»

Сент-Экзюпери снова поднялся в небо.

11. «Ялтинская» печать

Фронты шли на запад, а беженцы, беженцы шли на восток. В том же городе Вильно, где капитан де Марло — лучший эскадрон в кавалерии Мюрата — лишился последнего коня, спустя 131 год очутился француз Поль Луазо.

Он шел и шел в сторону встававшего солнца, хотя оттуда-то и летели пули, пусть так

было опасней для жизни — но так было короче к свободе.

Дома, во Франкрейхе, Поль Луазо угодил в облаву, из облавы в «переупряжку» и с нею в Компьен, а по «переупряжке» из Компьена в Восточную Пруссию, на подневольные работы.

Раб! Хотя и считалось, что в гражданском звании раб...

Когда капитан де Панж увидел этого человека, он записал в походном журнале полка: «Ему 33 года, а выглядит он на 50. Для нас это первый свободный француз, пришедший с Запада и не облаченный в нацистскую униформу. Какая радость для всех нас увидеть в своем соотечественнике столько упорства и мужества! Русские разрешили, чтобы он остался в полку».

В тот июльский день у капитана Гастона де Сен-Марсо, новичка эскадрильи, был день рождения, стол готовили на 24 персоны. Были жареные куры, фаршированная баранина, салат, картошка, черника и шоколад. Тост за вчерашнего раба подняли как за представителя свободной Франции. Само собой торжество расширилось на все четыре эскадрильи, на 18-й гвардейский полк, потому что событие заслуживало войти в историю.

Поворачивай, Поль Луазо, назад, уж до дома-то теперь рукой подать, только и осталось, что Польшу и Германию пройти!

— Назад?! — переспросил француз, который держал путь на восток. — То есть да, назад, конечно, назад, только... Только дайте оружие и мне! Я воевать должен! Мстить!

«Воевать!» «Мстить!» А взгляни на него, в чем душа держится? Расчувствовался так, что полотенце пришлось принести.

— Вы... не понимаете вы... товарищи, мсье... Я, может, первый пришел, но там ведь, сзади, там еще идут и идут! Нам на восток короче и вернее, чтобы получить свой ангажемент на войну. Я у вас оружие прошу, а не аэродром подметать!

И точно, сзади еще шли. В разворошенном сапогами европейском муравейнике нескончаемые человеческие струйки, пересекаясь, текли в направлениях, которые подсказывала им память или инстинкт. Летчикам сверху могло показаться, будто свою разодранную землю черными нитками-веревками зашивают упрямые муравьи. И среди них едва кому заметная ниточка, тянувшаяся в мои Карпаты. Оголодавшие и обносившиеся ватаги рабов-пленников-дезертиров, смешавшиеся языками и судьбами, угоревшие в войне и неволе, забывшие ласки подруг и отечеств, но верившие в них теперь еще больше, чем в мирный час. Будто водоворот щепки, так и их центробежные силы истории сбивали в эти потоки и несли навстречу фронту, пулям, через минные поля и заградительные огневые завесы — да, страшно рискнуть жизнью, но свободой куда страшней!

Капитан де Панж, в котором привычка к перу выработала неожиданную сочувственность к человеку, подсел к утиравшемуся полотенцем Полю Луазо и стал расспрашивать, как же он сквозь неметчину-то про-

шел. Земля тут уже и не поймешь какая — была литовская, потом стала польская, потом немец ее взял. Надо сказать про «Нормандию» правду: она могла неожиданно убить вечер в рассуждении о пользе или бесполезности ношения усов. Ребятам было, в общем, по двадцать пять, вопрос был жизненно важный: усы пробились, и пора было решать. Они же, усатые и безусые, умели до самозабвения спорить о мире и войне, о делении человечества на земли и нации, о фашизме, чью угрозу Европа проспала. Стали слушать, что же отвечает Поль Луазо капитану де Панжу. «А я, — говорит шагавший на восток француз, — быстро понял: как попадется дом, обнесенный укреплениями...» Словом, вот как это отразил в дневнике де Панж:

«На дорогах многие дома окружены бастионами; там-то и отсиживаются фашисты, постоянно опасаящиеся партизанских атак. От самой Орши сплошь дома, забаррикадированные таким вот образом».

Беженцы шли на восток, далеко обходя дома-баррикады...

Два летчика, Робер Кастен и Марк Шаррас, взявшие нечаянно банк в Лиепаве, сдав его советской части, вложили револьверы в кобуры, сели в «джип» и поехали обратно в часть. По дороге они догнали колонну пленных. Поехали тише, как позволяла сторонившаяся к обочине колонна. И тут вдруг услышали французскую речь. Кастен аж присвистнул. Шаррас, уже привычный к некоторым русским междометиям, только и ска-

зал: ба! Он спрыгнул с сиденья и подбежал к конвоировавшим колонну двум красноармейцам, что-то им сказал. Те махнули рукой: встать!

Колонна равнодушно встала.

А был январь. Синие уши, красные носы, серо-зеленая форма. Кое-кто без сапог, в одних обмотках, навернутых из чего попало. Франция, моя Франция, ну куда же ты отпустила, куда погнала своих детей, что блуждают они по широким, но чужим меридианам, спотыкаясь о порог там, где дом стоял, о бугорок там, где человек жил?

— Nous sommes Français, tous les deux pilotes du régiment de chasse «Normandie». Qui êtes-vous? ¹

Так что была и такая встреча на Немане. Тридцать военнопленных французов в мундирах вермахта, два француза — офицеры Советской Армии.

— Они сами притопали в плен, вон, листовки у каждого, — сказал Шаррасу русский конвоир. — Их и караулить не надо, идут, как овцы.

— Êtes-vous de la brigade «Frankreich»? ²

О, что тут случилось! На чужом меридиане плакали сыновья Франции, да что плакали! — ревели навзрыд. В «газик» пустили самых обмороженных и всю колонну завернули на базовый аэродром «Нормандии».

¹ — Мы французы, пилоты из истребительного полка «Нормандия». Вы кто такие? (*франц.*).

² — Вы не из бригады «Франкрейх»? (*франц.*).

Майор Дельфино стал вызванивать разрешение приютить соотечественников на одну хотя бы ночь. Летописец наш отметил в дневнике: «Перед ужином был приятный концерт, который поставила группа художественной самодеятельности».

Распрощались же они так: летчики отдали пленным и для самих-то не лишние обувь, рукавицы, шарфы, свитера.

* * *

Никому не доводится столько мерить землю ногами, как хлебопашцу да пехотинцу. Мала деревня Лестр, совсем крохотен арендуемый отцом клин, а ходить по ним не приходится — и дед ходил, и отец ходил, и тебе, Пьер, всю жизнь ходить за плугом, за бороной, за скотом. Но не в круговерти ли извечных крестьянских забот и состоит секрет привязанности человека к земле — он дарит ей труд, она отдаривает его плодами?

Связь эту, случалось, разрывало повелительное пение труб или барабанная дробь. Тогда сходил крестьянин с круга и, переобутый, переодетый, пронумерованный, от зари до зари шагал, куда скажут-прикажут. Не смейтесь над солдатом, что так плохо печатает шаг, так неумело тянет носок, так неуклюже машет руками в строю, — разве знаете вы, а может, он и есть лучший на всю армию солдат? Ведь наступает час, когда слитность с землей ценится больше вытянутого носка. Вот тут-то хлебопашца-солдата никакая сила и не сковырнет с земли. Любая пядь отечества для него что собственное поле,

которое ему назначено и возделывать и защищать.

Не успел Пьер оглянуться, как уже и его сорвало с векового дедовского круга, уже и он — лихо заломленная каскетка, горящий отвагою взгляд — примостился в той же горнице в фамильном фоторяду. Но на самом деле аэродромный механик в армии томился и тосковал, хотя время начиналось героическое. И точно: занялась «странная» война, потом разбушевалась и настоящая. Под Седаном Пьер Годфруа угодил в плен.

Однажды ворота лагеря открылись, он услышал свое имя среди тех, кому велено было идти по домам. Котомку на плечо — и марш! Через много лет книгу о своих мытарствах он начнет так:

«Война кончилась, мы жили только одной мыслью: скорей по домам. Самый глубокий инстинкт подсказывал нам, что наше место теперь там. Перемирие создало вокруг атмосферу невыразимой пустоты. Разруха еще сильнее обостряла наше влечение к земле — так, наверно, бродягу зовет дорога... К тому же начинался сенокос, приходилось поторапливаться. Стоило мне закрыть глаза, и я опять видел наши пшеничные, овсяные, ячменные поля, пасущийся в высокой траве скот, крышу фермы на берегу моря, наполовину спрятанную верхушками вязов. О, бывая спокойная жизнь...»

Его в любом случае ждало только подобие «былой спокойной жизни». Все поколения Годфруа арендовали чужую землю, выплачивая оброк; теперь им пришлось кормить

еще и оккупантов, задумавших превратить Францию в свой огород. Вот зачем отпускали по домам солдат, снявших ружья с плеч, а других заставляли в плену трудиться на рейх. В Нормандии пахло свежескошенным сеном и гарью промчавшейся войны. По ее пыльным дорогам, растекаясь на перекрестках и развилках, тащилась колонна безоружных солдат. Уже близко был дом, как вдруг на плечо Пьера легла рука — он обернулся: патруль.

Колонна продолжала свой марш.

Немец листал документы, вглядывался, морщился.

Колонна исчезла с глаз. Даже котомки, которую он повесил на торчавшую из повозки жердь, с ним больше нет! «Впервые за всю войну я оказался один, впервые меня отделили от товарищей...»

Он тогда и представить себе не мог, что это был поворотный момент всей его жизни.

Военнопленный крестьянин Пьер Годфруа оказался на каторжных работах в Германии и в мае 1942 года бежал. Его свобода — свобода загнанного зайца — продолжалась один день. Вместе с прочими беглецами он был направлен в концлагерь в Раву-Русскую. Само имя страшило неизвестностью. Где это? В России? На Украине? В Польше? В щелку вагона перед ним мелькнуло пол-Европы, и уже на месте он узнал, что концлагерь стоял на самом пограничье между Польшей и Украиной.

О, если б у него была карта Европы! Крестьянин из нормандской деревни Лестр по-

стигал политическую географию мира чуть-ем, опытом и... ногами. Чем дальше его увозили, тем упрямей он возвращался назад. Годфруа совершит еще три побега, ногами измерит еще пять европейских стран, научившись в лагерях и побегах той причудливой смеси слов, на которой объясниться можно, вероятно, только в Карпатах.

«...Мы стали подниматься на гребень. Я еще издали заметил отесанный камень сантиметров сорок высотой, похожий на межевой столб. Подхожу. С моей стороны литера «Р», с другой — «CS».

— Люсьен, да это пограничный столб!

— Почему ты так думаешь?

— Потому что «Р» — это Польша, а «CS» — Чехословакия».

Так Пьер Годфруа пришел в ту самую Рутению, в Подкарпатскую Русь, куда с другого конца Европы упрямо добирался мой отец. Между ними была существенная разница: в этой части Европы отец легко изъяснялся на всех языках и наречиях, а Пьер Годфруа был обречен либо молчать, либо прибегать к языку жестов, либо, если угадывал дружеское расположение крестьян, излагать намеченный для себя маршрут так:

— Долина, Станислав, Коломыя, Снятин, Черновцы, далее — де Голль.

— Де Голль! — отвечали ему крестьяне. — Это добре.

В Карпатах стоит межевой столб, куда ездят тысячи туристов. Центр Европы. Она простирается отсюда на равные расстояния на запад и на восток.

Освобожденный Париж
с триумфом встречал
генерала Шарля де Голля

Лишь с третьей попытки удалось Пьеру Годфруа осуществить намеченный маршрут: он дошел-таки пешком от центра Европы до ее западного побережья, до нормандской деревни Лестр. Через Украину, Польшу, Венгрию, Румынию, Италию, Францию пролег его путь. Из письма: «Часто, вспоминая свою одиссею, я думаю о том, что родина моя — не просто Франция, а вся Европа. Я в равной степени чувствую себя уроженцем Нормандии и уроженцем Карпат, где хлебнул я столько горя и отведал столько гостеприимства и дружбы...»

Кончилась война, он снова взялся за крестьянский труд, но, переполненный впечатлениями, написал книгу воспоминаний. Это толкнуло его к журналистике, а затем к политической карьере. С 1958 года он неизменно избирается депутатом Национальной Ассамблеи Франции от департамента Ла-Манш. Почти 30 лет непрерывного депутатства, особым доверием он пользуется у крестьян. Еще в молодости, с утра до ночи работая на ферме, он учился в школе заочно и самостоятельно овладел тремя языками — английским, греческим, латынью. Война добавила ему отличное знание немецкого, приличную основу украинского, польского, венгерского языков. Однажды из Львова ему прислали приглашение на празднование 25-й годовщины Великой Победы — год, выходит, был 1970-й. Он побывал в местах всех трех концлагерей, откуда бежал: Равен-Русской, Городке и «Шталлаге 328» — львовской цитадели. Встретился с Данилой

Дутко, с которым вместе бежал из лагеря в Городке и в семье которого дважды за войну нашел приют. Они молча постояли на кладбище в Раве-Русской. Там, под холмиками, лежали их друзья.

Пьер Годфруа вернулся домой, обложился книгами древними и новейшими, «западными» и «восточными», пытаюсь теперь мыслью измерить то, что измерил когда-то ногами. Ни слова о личном, о пережитом. И в то же время это пережито и перечувствовано глубоко лично, выстрадано на грани жизни и смерти. Свою книжку он назвал «Наша европейская родина». Что такое Европа, почему в этой колыбели цивилизации столько раз вспыхивали войны, как избежать их впредь? Но это не синтез бесстрастного изложения — наоборот, в нем чувствуешь пахаря, не понаслышке знающего, как возделывают землю в Европе, пехотинца, прошедшего ее из края в край, то с ружьем на плече, то под дулом чужого ружья.

«Гитлер объясняет в «Майн кампф», что он не собирается, на манер Великобритании или Франции, расширять жизненное пространство за счет заморских территорий: «Единственная надежда, с которой связана успешная для Германии территориальная политика, сводится к захвату новых земель непосредственно в Европе». Иными словами, на пространствах восточных стран. В том самом направлении, куда ходили еще тевтонские рыцари. Это была целая программа уничтожения цивилизованных государств на востоке Европы...

Гитлер просчитался. Он не учел, что именно «вторая Европа» с незапамятных времен была героическим бастионом, спасавшим Запад от нашествий...»

«...Прежде всего следовало бы нам разобраться в том, где начинается и где кончается западная семья. Эрнст Ренан (французский писатель и философ XIX века.— А. С.), как и многие другие авторы, считал, что «человеческая группа, на которую мы, французы, похожи более всего и которая нас понимает лучше всех, это славяне». И уж если рассуждать о защите Запада, то кто же в первую очередь и защищал нас много раз?»

«...Да, Европу нужно строить. Но строить — это не значит одну половину континента восстановить против другой. Это снова завело бы нас в трясину, откуда нет выхода, в столь знакомую ситуацию коалиций. Европа должна быть европейской. Следовательно, нельзя допустить, чтобы наш суверенитет зависел от посторонней, находящейся вне континента силы. Это могло бы скомпрометировать успех разрядки и кооперации между 600 миллионами людей, которые живут на просторах от Атлантики до Урала».

— Ялта и Хельсинки, по вашей книге, предстают вершинными часами, которые пережила Европа на последнем отрезке своей истории, единственными эффективными гарантиями мира на континенте. Скажите, вы признавали значение Крымской конференции трех союзных держав и в момент окончания войны?

— Не до конца. Скажу честно: всю важность ее решений я постиг только с годами. В Ялте были зафиксированы послевоенные реальности в Европе, ее современный облик, ее территориально-политическая карта. И если кому-то захотелось бы сломать равновесие сил в Европе, подорвать политическое сотрудничество стран с противоположными политическими системами — это было бы опаснейшей политической авантюрой. И только ли политической? Чтобы оценить все ее безрассудство, следует видеть, что параллельно подрываются и основы военного равновесия сил. Необузданная гонка вооружений поднимается сегодня уже на космическую высоту. Отказ от принципов, выработанных союзными державами накануне победы над фашизмом, означал бы, что Европа снова может стать ареной войны...

Со смотровой площадки Национальной Ассамблеи открывался чудный вид на все четыре стороны Парижа. Заплетенный сербристой ленточкой Сены, с изящной заколкой Эйфелевой башни, этот город был прекрасен. Я впервые видел его отсюда. Пьер Годфруа, полагаю, уже тысячи раз. Но в эту минуту мы подумали об одном и том же. Он закончил:

— Я видел столько смертей, столько разрушенных городов на той войне... И упаси нас бог от новой, ведь ничего же не останется: ни холмиков, ни руин.

12. Сто крылатых послов

— ...Вы же знаете,— вдруг отклонился Пьер Пуйяд от темы,— есть только одно золото на свете, золото человеческого общения.

— Сент-Экзюпери?

— Да. У него, правда, чуть по-другому: роскошь человеческого общения... Думаете, случайно эти слова написал летчик? Даже когда ты не один в небе, не один в бою, все равно в самолете ты — один. И если вернешься на землю, выйдешь из переделки живым, то встреча с друзьями... словом, другого золота на свете нет.

Разговор наш уже принял этот неожиданный поворот:

— Скажите, генерал, а Сент-Экзюпери никогда не просился в «Нормандию»? Ведь сколько людей к вам рвалось... К тому же вы и сами поехали во Францию за пополнением.

— Да, но я поехал в декабре сорок четвертого, а Сент-Экзюпери в июле погиб. Точней, пропал без вести. У летчиков это всегда различается, потому что «пропал без вести» еще дает надежду на возвращение. Но Сент-Экзюпери больше не вернулся. Мечтал ли он про «Нормандию»? Уверенно не скажу. Ведь он был летчик авиаразведки, а «Нормандии» требовались истребители. Кроме того, когда война началась, ему было сорок лет. Поздно уже было в истребительную авиацию, мы с Жан-Луи Тюляном и то были почти «дедушками» полка: ведь когда попали в Россию, обоим было уже за тридцать...

Пьер Пуйяд и советские механики
Сергей Николаи и Михаил Астахов у Як-9

— Вы знали Сент-Экзюпери лично?

— Да. Оказаться с нами в России было бы вполне в логике его характера, не будь тех помех, о которых я сказал. Но была и еще одна, сложнее всех других. От нас потребовалось прежде всего мужество выбора. Война застала кого в метрополии, кого в дальних колониях, а кого, как меня, тут же после

мира с Гитлером послали в Индокитай. Но где бы ты ни находился, решить прежде всего надо было этот вопрос: с какой ты Францией? С Францией Петена и Виши? Или с «Францией Сражающейся», Францией Сопротивления? Учтите, что и выбор этот перед нами далеко не сразу встал с такой ясностью. В стране царил хаос, а в душах смятение. Вы думаете, так уж много людей 18 июня услышали призыв де Голля «Франция проиграла сражение, но не проиграла войну»? Один француз из тысячи, страна ведь была уже оккупирована... Это известная статистика. Я, например, потратил добрых полтора года, пока принял решение и добрался в Лондон, к де Голлю.

В сентябре 1979 года лишилась «Нормандия—Неман» своего боевого командира Пьера Пуйяда. Вдобавок к «перевесу наград», которыми увенчали его и его полковых спутников два правительства в декабре 1944 года, Пуйяд стал перед смертью лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Ее справедливо приравнять к самым дорогим боевым наградам полка. Он навсегда остался верен союзу Франции и СССР, много работал для этого в обществе дружбы наших стран.

Наш случайно «отклонившийся» разговор послужил мне как бы ключом к «нормандиане». Миссия полка была военной, это прежде всего. Она в этом смысле была частью Сопротивления, вернувшего народу Франции уважение и достоинство. Она оказалась и дипломатической миссией, причем не толь-

ко в течение войны, но и долго потом, вплоть до нынешнего дня. А как она по-человечески прекрасна и поэтична! Ничего нельзя вынуть из этого золотого слитка, ни один компонент. Остается понять секрет сплава. Он держался на дружбе людей, на их верности долгу, на постижении совсем простых и совсем не простых истин нашего времени... Но разве это все? Нет, что-то еще.

* * *

— Разве вы считаете столь важным устранение генерала де Голля от всякого участия в командовании французскими войсками в Северной Африке? — спросил Ф. Бодэ, представитель Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в США.

— Английское и американское правительства считают, что никакое сотрудничество, в какой бы то ни было области, невозможно с человеком, антианглийские и антиамериканские чувства которого так явно выражены, — в открыто резкой форме ответил ему чиновник, ведавший делами Франции в госдепартаменте США.

Под записью этой беседы стоит дата: июнь 1943 года, Вашингтон.

«Отношение к освобожденной территории Французской метрополии будет дружественным. Вместе с тем главнокомандующий союзными силами будет обладать всеми правами военной оккупации, вытекающими из состояния войны» (из меморандума правительства США Французскому комитету национального освобождения, сентябрь 1943 года).

— Американцы изготовили в Америке большое количество французских франков для использования их при вторжении, — сказал представитель ФКНО в Москве Р. Гарро в ходе беседы, состоявшейся в Наркоминделе СССР. — Французский комитет национального освобождения ни в коем случае не может согласиться с этой беспрецедентной попыткой нарушения французского суверенитета. Это вытекает из основных принципов политики Соединенных Штатов в отношении Французского комитета национального освобождения и Франции в целом. Американцы опасаются, что французский народ займет крайне левую... позицию после освобождения и Америка лишится базы для проведения во Франции и в ее колониях политики, обеспечивающей американские интересы. Этой боязнью объясняется то обстоятельство, что США поддерживали реакционные круги Франции, пораженцев и вишистов...

Под записью беседы стоит дата: май 1944 года, Москва.

2 июня 1944 года ФКНО объявил себя временным правительством Французской республики — за четыре дня до того, как в Нормандии был открыт второй фронт...

* * *

Скоротечно время истории, война же убыстряет его во сто крат. Еще дважды обледел Каспий, и вот, по маршруту первых летчиков «Нормандии», в такой же точно ноябрьский день, в СССР прибыли главы

Ролану де ля Пуану и Марселю Альберу
присвоено звание
Героев Советского Союза

временного правительства Франции Шарль де Голль и министр иностранных дел Жорж Бидо. «Нормандия» в тот же день, улучив просвет в небе, перебралась на новую базу, уже в Восточной Пруссии,— она стала, таким образом, первой французской частью, вступившей на территорию врага. И тут уже

догнала ее телеграмма о присвоении полку второго имени — «Неман», а лейтенантам Роллану де ля Пуану и Марселю Альберу — звания Героев Советского Союза. Ветераны, однако, отложили праздник в честь своей русской двухлетки, чувствуя, что еще не такие события грядут. И точно: полным составом вызывают полк в Москву. Те, кто в октябре отложили отпуск, собирали чемоданы основательно — в Париж.

Перед отъездом французской правительственной делегации в Москву на заседании Временной консультативной ассамблеи Жорж Бидо говорил:

«...Разум, мудрость и здравый смысл говорят нам, что нельзя построить Европу без участия Советского Союза, без признания большого значения усилий его народов и тех жертв, которые они принесли... (*Аплодисменты.*)

Союз с Западом? Конечно да. Как могли бы мы поступить иначе? Но также и союз с Востоком. Нас также интересуют вопросы, которые выходят за пределы Запада. Никогда Франция не согласится быть связанной только с Западом. (*Возгласы: «Правильно! Правильно!»*) »

Пройдет время, и этот человек станет говорить прямо противоположное тому, что он только что сказал. Он яростно воспротивится деголлевской идее деколонизации Алжира, выходу Франции из интегрированной военной организации НАТО, станет лидером крайне правых, завзято антисоветских сил. Но пока что — вернемся в декабрь сорок чет-

вертого — нет никаких оснований подвергать сомнению искренность его слов. Сейчас он думает именно то, что говорит. Ибо таков сам момент истории, это он повелевает так видеть события, текущие и грядущие. Более того, даже прошлые.

Полистаем же стенограмму декабрьских переговоров в Москве сорок четвертого года.

Наша ремарка: «Если бы позиция французского правительства в 1939 году была более уступчивой в польском вопросе, то немцы не были бы во Франции, а Советский Союз не был бы вынужден вести четвертый год эту войну...» Бидо в ответ: «Французы знают, какое значение имеет Польша, так как именно позиция Польши помешала прохождению советских войск, когда рассматривался вопрос о предотвращении войны в 1939 году».

Наше предложение: «...исконные польские земли... Силезия, Померания, Восточная Пруссия должны быть возвращены Польше». В ответ: «Де Голль говорит, что если советская сторона согласна на расширение Польши в западном направлении, то тем самым разрешается вопрос о восточной границе между Польшей и Советским Союзом».

Полное совпадение взглядов, не так ли? Тем более что речь идет о восстановлении именно той линии восточной границы Польши, которую утвердили по так называемой «линии Керзона», и возврате ей именно тех западных земель, которые были аннексированы Германией. Почему же сегодня это снова забыто?

Уступая желанию английской стороны, мы предложили гостям заключить тройственный англо-франко-советский союз, как более надежную гарантию будущей безопасности в Европе. Нет, де Голль на этот счет скептичен. Он опасается, как бы это не привело к тому, что «в будущем необходимые и срочные меры не будут приняты своевременно». Что ж, принимается французское предложение: отдельный франко-советский договор, тем более что с 1942 года был введен в действие англо-советский договор.

Мы ставим гостей в известность: «...Советское правительство высказалось за то, чтобы в числе постоянных членов Совета организации безопасности была и Франция», — ведь как раз обсуждался проект ООН, который в феврале 1945-го и утвердит Ялтинская конференция. Это значит, что Советский Союз поддержал желание Франции восстановить свой статус великой державы. Отвечает Бидо: «...французы знают об этом и благодарны Советскому правительству». Через несколько месяцев Франция выразит и полное удовлетворение решениями Ялтинской конференции.

Ну а что же «Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в СССР» — полк «Нормандия—Неман»? Роль его в ведущихся переговорах отнюдь не иллюстративна. Из беседы И. В. Сталина с Ш. де Голлем 2 декабря 1944 года:

— На нашем фронте хорошо сражался авиационный полк «Нормандия», укомплектованный французскими летчиками.

— Мне это известно, и французы гордятся своими летчиками, сражающимися в России против немцев,— ответил де Голль.

— Если бы было достаточно кадров, то мы развернули бы дивизию.

— Я могу дать для этого людей...

Так, уже при подписании договора, суждено было Пьеру Пуийяду стать командиром дивизии, формировать которую он и поедет во Францию. Он один из полка оказался участником этого исторического события в Кремле.

Несколько лет назад вышла во Франции книга Ива Куррьера «Нормандия—Неман». Ни разу еще на родине летчиков не создавали о них столь увесистого букена. Только что рассказанный мною вершинный час франко-советских отношений в букене Куррьера представлен чуть ли не как событие... одной ночи. Все выглядит так, словно бы советские руководители жестко продиктовали свои условия, а французские гости до головной боли думают, как же быть: и договор бы в карман положить, и не уступить бы ни по одному пункту.

Уже в истории дипломатических отношений наших стран эпохи войны можно найти разъяснения тому, откуда возьмутся в будущем, такие вот букены. Сопоставим:

«Все европейские государства — это государства единого континента, и любое явление, которое затрагивает одно государство, затрагивает, хотя бы косвенным образом, и интересы всех других государств. Нельзя разделить Европу на куски. Французам это

хорошо известно. История показала, что невозможно создать ни западного, ни восточного, ни южного, ни северного блоков...» Это сказал де Голль в декабре сорок четвертого в Москве. Таков один план послевоенного европейского устройства: без блоков, гарантированный союзами о сотрудничестве и взаимопомощи.

Но уже полугодом раньше — 25 февраля 1944 года — от посла СССР в США А. А. Громыко в Наркоминдел СССР поступило сообщение: «Говорят также, что в Госдепартаменте вынашивается план создания после войны блока стран Западной Европы: Франции, Бельгии, Голландии, Испании, Италии...»

Зловещий контур НАТО лег на европейские карты еще раньше, чем был открыт второй фронт! И теперь-то у союзников есть все резоны с ним поторопиться, потому что расчет на максимальное ослабление Советской России в битве с Гитлером — как ни велики были наши жертвы — дал обратный результат: поработенной Европе несла освобождение Советская Армия, ее уже ничто не могло остановить.

Авторы натовских букенов теперь крайне тщательно скрывают от западноевропейцев эту истину.

13. В Париж, на побывку, — и скорей назад, на фронт!

В Париже они были нарасхват. Друзья, гости, расспросы. «Ну, что там в России, как вы там? Хлебнули небось несолоно, да? Нам и то бывало не до смеха, а уж вам-то, а?..» Поразительно, но объяснить — «что там, в России» — они почти не могли. Им как бы не хватало слов, а если находились слова, то у собеседников или округлялись («Да ну!»), или узко щурились, а у кого-то даже темнели глаза.

— Странное это было состояние, — писал Пьер Пуйяд. — Нас как бы связывала какая-то тайна, приобщить к которой других мы были почти не в силах. В конце концов я сказал себе: дело, может быть, в том, что мы только что из пекла войны, а они уже тут полгода как ее пережили. Борьба, энтузиазм, триумф... уже позади. Потекла нелегкая будничная жизнь, в которой комбатанты и коллаборационисты должны были, так или иначе, ужиться вместе... Словом, для нас война продолжалась, люди мы были военные, и все мы собрались назад. Новичков набралось достаточно, чтобы родилась наконец дивизия «Франция», как это было договорено в Москве. Однако вдруг...

«Вдруг!» Пуля его не брала. Ни одному «мессеру» не удалось никогда зайти ему в «хвост». Среди зенитных вспышек полковник лавировал, как бы играя судьбой. А тут на парижском бульваре тяжелый грузовик врывается в такси, на котором полковник спе-

шит в театр «Комеди Франсэз». Там ждет его «большая публика»: военные, журналисты, правительственные чиновники. Он как будто специально лишь для того и вырвался из беспамятства, чтобы попросить врачей позвонить в театр, объяснить, что с ним стряслось.

Новички поехали в Россию без него. Ветераны остались: они промышляли апельсины у известного сорта лиц и днями высиживали у полковника, дожидаясь, чтобы встал. Встал. Дали костыли — пошел! Отняли костыли — держится полковник! Однако уже апрель... Все пополнения полка тренировались перед отправкой на фронт в Туле, где всем пришлось пожить подолгу, ближе узнать русских людей. Пожилой железнодорожник как-то вечером, в застолье, рассказал своим гостям, французам, сказку про золотую рыбку. Значит, так: бедный тульский рыбак изловил золотую рыбку... пропускаем известные факты... ну, и зажил богато и счастливо. Ан нет, налетели фашистские стервятники, стали город бомбить, порушилась жизнь, не стало никому покоя. Зовет рыбак золотую рыбку и просит: слушай, сделай так, чтобы был мир! Богатство, счастье, что ты подарила, — все это без мира не имеет ровно никакой цены.

— Ладно, — говорит золотая рыбка, — иди домой, будет тебе мир...

— Как?! — французы, сидевшие у самовара, переглянулись, не понимая, можно ли так просто — взмахнуть хвостом — и, пожалуйста, мир.

— А так, — говорит тульский рабочий человек, — пришел рыбак и видит: лежит на пороге повестка о мобилизации. Прямо ему и адресована. В армию, значит, зовут рыбака. Вот, значит, мой вам тост, французские люди: так не бывает, чтоб хвостом взмахнуть, и сразу мир сделается. Так можно сделать войну, а мир нельзя. За него, значит, надо стоять. Потому, как я понимаю, вы находитесь тут, по повестке, значит, приехали. Вот и давайте так понимать, что повестка у нас одна на всех.

Французские люди за столом онемели от чистой правды этой сказки. Может, с умения не просто ценить воюющих рядом людей, но одинаково с ними чувствовать, во имя чего идет эта борьба, какое добро и какое зло сошлись в кровавой битве века, — с этого, может, и завязывается золотой самородок дружбы? Когда Пуйяд выздоровел и «эскадрилья ветеранов» полетела обратно в Россию, когда он наконец добрался до Тулы, где уже тренировалась на «яках» дивизия «Франция», тут и истек срок мобилизационных повесток. Наступил долгожданный мир... На тульском аэродроме навзрыд рыдали новички дивизии, только недавно узнавшие чистую правду сказки про золотую рыбку, научившую, как делается мир. Только-только они, согласно франко-советскому договору о союзе и взаимной помощи, взяли свою интернационалистскую мобилизационную повестку, как она уже истекла.

Ну, трудно Пуйяда вывести из себя. А тут сразу вывели.

— Дурачки! — рассердился на них полковник. — Всеи дивизии запрещаю месяц играть в покер! А тренировки приказываю продолжать!

1-й отдельный истребительный авиационный Неманский ордена Красного Знамени и ордена Александра Невского полк «Сражающейся Франции» — «Нормандия» вернулся домой на «яках», с которыми прошел войну. Это был подарок Советского правительства Франции, ее вооруженным силам, ее народу. Если есть на свете золото человеческого общения, если оно сверкнуло ярче тысячи солнц, то вот когда это было и вот как это было: 15 июня 1945 года при проводах полка из Восточной Пруссии и 20 июня 1945 года при встрече его в Париже, на аэродроме Бурже.

Распростившись, как все пилоты, с русскими летчиками, капитан Гастон де Сен-Марсо сел в «як» и сквозь дымку, застлавшую глаза, стал вглядываться в одинокую фигуру на аэродроме.

Это командир 303-й истребительной авиадивизии, Герой Советского Союза генерал-майор авиации Георгий Нефедович Захаров.

Вот он поднял руку: на взлет!

«Яки» потянулись на взлетную полосу.

Прощай, наш боевой генерал, чья суровость все равно не смогла скрыть доброго сердца! «Слезы текли по его лицу...» — так закончил свои воспоминания де Сент-Марсо, в первый и последний раз видевший, как плачут генералы.

А он, оставшийся на земле, отдав французскому полку свою последнюю команду, он в эти минуты как бы разом увидел и опять пережил дни и ночи, месяцы и годы совместного фронтового житья, в котором столько было высокой печали и светлой радости.

Был однажды день на этой войне, который им всем запомнился особо. Тогда в полк «Нормандия» прибыл глава французской военной миссии в Москве генерал Эрнест Пети. Из Слободы — полк стоял под Смоленском, за который шли тяжкие бои, — командиру дивизии позвонил пилот-переводчик Мишель Шик и изложил просьбу: нельзя ли в честь прибытия французского генерала в этот день отменить вылеты для полка?

— Передайте командиру полка, — ответил генерал, — война — прежде всего. Русские солдаты знают, что их наступление, назначенное на пятнадцать часов, будут прикрывать французские пилоты. Они верят в них. И они же не простят им, если атака не получит поддержки. Через пятнадцать минут вылетаю к вам.

Когда его самолет уже шел на посадку в Слободу, он увидел, как девять «яков» друг за другом поднялись с земли и взяли курс к фронту. Потянулись минуты томительного ожидания. Какое уж тут застолье, если девять стульев пустуют, если девять товарищей улетели в бой? Генерал только в послевоенных своих воспоминаниях признается, как нервничал он, поглядывая в небо, хотя с виду был, как всегда, спокоен и собран. Но вот — летят! А была

традиция у военных пилотов: если возвращаются с потерей — то просто идут на посадку. Если же нет потерь и возвращаются с победой, то над аэродромом герой дня делает «бочку». Все взгляды в небо, на горизонт: летят, но еще нельзя сосчитать, все ли летят назад... И вдруг — «бочка»! Следующий самолет кувыркнулся в воздухе дважды. На земле кричат «ура!» и обнимаются, да так, что не сразу и заметили четвертую «бочку»...

Не давала послаблений война! Никому не давала, от маршала до солдата. С каким бы риском ни сопряжены были приказ, обязанность, долг, они ценились выше любого уюта, любого перерыва в этом риске. Не так просты эти истины, как звучат, возможно, с бумаги. И девять летчиков, вернувшихся с четырьмя победами, и весь полк в тот день поняли, что десятым — а может, первым в десятке — был в тот день сам командир дивизии Захаров.

И вот день, когда он отдал им последний приказ на вылет... Птицы взлетели в июньский рассвет сорок пятого и, прощально взмахнув крыльями, легли на западный курс, и впереди их не ждали больше бои. Над Волгой и Неманом, над Эльбой и Сеной было мирное небо.

Перелет через Европу занял пять дней. Особое счастье было в том, что несколько пилотов, считавшихся, по журналу полка, «пропавшими без вести», явились 20 июня в Бурже и встали в строй: Бейсад, Фельдзер, Майе — заключенный № 2332.

Это не кинокадр. «Сладкая жизнь» в Голливуде быстро утомила Жана Габена. Он отправился в Северную Африку к де Голлю. В Париж вернулся командиром танка в составе 2-й бронетанковой дивизии генерала Леклерка. В аэропорт Орли его пришла встретить Марлен Дитрих...

«Походный дневник полка «Нормандия» заканчивается этим днем, 20 июня 1945 года, когда мы снова обняли свою родину-мать».

Я позабыл сказать, что в ноябре сорок четвертого, когда полк перебрался на свою первую базу в Восточной Пруссии, он сначала выслал туда разведку. В хронологии полка это событие запечатлено так: «4 ноября 1944 года. Первый французский пилот свободно приземлился на территории противника в Восточной Пруссии».

Это был капитан Жан де Панж.

А отсюда до родины-матери было совсем уже рукой подать, может, один перелет, может, два.

Вот почему и кажется мне, что, должно быть, это он поставил заключительную точку в долгой полковой одиссее...

Ну а ЛФД, а бригада «Франкрейх», из недобитых частей которой создали дивизию «Шарлемань»? Продавшие родину и потому ее потерявшие, они отступали до конца, до самого логова. Пока в логове не раздался выстрел. История перевернула еще одну страницу. На то она и история, чтобы листать книгу времени вперед.

А нам ее обязательно нужно перелистывать назад, ведь как не бывает стариков, не проживших молодости, так и будущее не постигнуть и не прозреть без прошлого. Ведь на свете даже и одуванчик не вырастет без корешка. Что причинно, то и следственно, что причинно-следственно, то и проницаемо, была б только память на все три дня исто-

рии, на вчера, на сегодня и на завтра. Истинным прологом ко Дню Победы в мае и радостной июньской встрече в Бурже была для Франции вот эта речь генерала де Голля, сказанная им в декабре 1944 года, тут же по возвращении из Москвы:

«...Политика уловок и недоверия, проводившаяся между Парижем и Москвой в промежутке между двумя войнами, и их разлад в решающий момент лежали в основе возвращения вермахта на Рейн, аншлюса, порабощения Чехословакии, разгрома Польши — всех актов, которыми Гитлер начал захват Франции, за которым год спустя последовало вторжение в Россию...

Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разъединенными — значит находиться в опасности. Действительно, это — непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла».

14. И на земле разразился мир...

В записках Сент-Экзюпери, помеченных декабрем сорок третьего, мы находим пометку:

«Корнильон-Молинье (один из руководителей французской авиации в Алжире. — А. С.) предлагает мне в январе или феврале отправиться вместе с ним в Россию. Я согласился. Должен же я где-то воевать, а там, по крайней мере, мне не станут докучать моим возрастом. Только бы ничего

не произошло за оставшееся время в этой мусорной яме, в которой все мы барахтаемся в Алжире...»

Увы! Что-то произошло. Биографам еще предстоит потрудиться над разгадкой того, почему обозначившееся у Экзюпери стремление в Россию так внезапно и необъяснимо оборвалось. Речь могла идти только о полке «Нормандия—Неман»...

Приписывая душевную драму Сент-Экзюпери чужой воле, реакция задним числом пытается привлечь его имя для дискредитации голлизма. Нападки ведутся не столько на то, что генерал де Голль делал в годы войны, сколько — и прежде всего — на принципы, которые положил он в основу французской внешней политики 60—70-х годов.

Де Голлю принадлежит мысль о «трех этажах безопасности» в Европе. Первым этажом он считал союз Франции и СССР. Вторым — союз с Англией, но с учетом того, что Англия, как империя колониальная, «никогда не спешит».

«...Имеется еще третий этаж безопасности — это Соединенные Штаты и другие государства. Пока Соединенные Штаты тронутся в путь, война успеет шагнуть далеко вперед. В этот раз Соединенные Штаты вступили в войну, когда Франция была выбита из войны, Россия подверглась вторжению, а Англия находилась на краю гибели».

Сент-Экзюпери в начале войны сильней всего рассчитывал на третий этаж. Он обманулся. Главный удар принял на себя, выстоял под ним, помог и всей Европе выстоять,

а потом освободиться от фашистской чумы первый этаж — самый близкий к фундаменту европейской безопасности, несущая его конструкция.

И все-таки, как жаль, что он это понял поздно и уже не успел присоединиться к ста крылатым послам Франции, полетевшим в Советский Союз... Их миссия — военная, дипломатическая, человеческая — оказалась успешной потому, что совпала с объективными тенденциями истории, с прогрессивными политическими устремлениями мира.

* * *

У букиниста на набережной Сены я купил немодный нынче букен. Он был даже не разрезан, хотя издан 30 лет назад, правда, для сохранности завернут в целлофан.

Осторожно, чтобы не повредить пожелтевших уже листков, дома я постранично разрезал книгу.

«Мы находимся на самой заре атомной эры, примерно в положении первобытных людей, осваивавших когда-то огонь; они сначала приспособили его для обогрева, освещения, приготовления пищи, но их тогдашние знания не позволяли им даже вообразить паровую машину, локомотив, турбину и т. д.

Как тягостно констатировать, что, если бы колоссальные усилия, уже вложенные в дело производства и применения предназначенных для разрушения атомных бомб, мы направили сначала на мирные цели,

человечество уже могло бы поздравить себя с огромными достижениями!

...Атлантический пакт, о котором я только что говорил, противоречит духу и букве хартии ООН...»

Фредерик Жолио-Кюри. «Пять лет борьбы за мир». Это — речь при открытии Всемирного конгресса Движения сторонников мира в апреле 1949 года в Париже. Уже существует Атлантический союз, создана НАТО. На востоке, откуда путь к освобождению Франции и Европы вместе с Советской Армией прошел полк «Нормандия—Неман», там еще и в помине никакого военного блока против Запада нет. Франция оказалась втянутой в НАТО. Это стало причиной прекращения действия франко-советского договора о дружбе и взаимной помощи, заключенного на исходе войны с фашизмом. Удалившись от политической жизни, де Голль писал воспоминания в своей усадьбе, которую после его смерти едва удастся отстоять от аукционного молотка...

Сент-Экзюпери про Хиросиму и Нагасаки не узнал. Жолио-Кюри, увидев, каким злом в руках варваров может служить прирученный ими атом, встал во главе движения за мир.

Шла — с запада — «холодная война», и с запада же, через толщу холода, пробивался атомный сухой ветер.

Остановили! Тогда — остановили. Правда, пришлось, в ответ на угрозу, шесть лет спустя создать оборонный союз социалистических государств. Пришлось, вслед за За-

падом, обратить атом на ту же бомбу. Воля миллионов людей остудила не в меру разгорячившиеся головы...

На заре века двадцатого, когда разразилась война, впоследствии названная первой мировой, человек взял в руки автоматические скорострелы, способные учащенными выстрелами сеять смерть. Вторая на нашем веку мировая война — по счастью, лишь к моменту издыхания! — вломила в кладовые энергии атома, будто предвидя, что первым похитит ее не Минерва, а Марс. Как поразительно точно проблема войны и мира отпечаталась в восприятии древних! — богам войны противостоят вовсе не боги мира, ибо таковых нет в пантеоне божеств, а высшие воплощения Мудрости: Аресу — Афина, Марсу — Минерва...

Но не исчезает ли мудрость в мире по мере накопления знаний о нем? Сент-Экзюпери беспрестанно искал ответ на этот вопрос. Однажды он вычертил этажи биологической жизни: «Электрон — Атом — Молекула — Клетка — Организм — Сознание». Тут же, рядом, он вычертил этажи материального мира: «Электрон — Атом — Молекула — Созвездия — Галактика — Вселенная». Вот, оказывается, куда залетал он мысленно с юным героем своей сказки, уже рождавшейся в письмах друзьям и дневниках! «Во вселенной, загадки которой я хочу разгадать, на каждом следующем этаже возникают новые качества, которых нет на предыдущем этаже» — это из письма физiku Рене Планьолю, сорок второй год. И

вздых легкой досады: «Чистым картезианством этих проблем не объяснить...»

«Я мыслю, значит, я существую» — этот завет Рене Декарта, в ученом мире семнадцатого века более известного под латинским именем Картезий, начертан у самого входа в эпоху Просвещения. Это он, ниспровергатель схоластики, учил сомневаться в готовых истинах-догмах, проверяя их опытом и разумом: сомневайся и мысли. Но не наступает ли такое пересечение материального и биологического миров, такой момент их общей истории, где мысль не рождается, а исчезнет, а вместе с нею исчезнет сама жизнь? Не может ли эпоху Просвещения сменить новое средневековье? Почему мировое сознание — высший этаж биологической жизни — перестало быть величиной, способной укротить антигуманную, разрушительную, злую мысль, овладевшую тайнами материи? Да, «чистым картезианством» этих проблем было не объяснить...

Мог ли он предположить, когда писал эти строки, что непоправимое уже свершилось? Уже президент США дал ход письму Альберта Эйнштейна, убеждавшего в необходимости взяться за разработку атомной бомбы, чтобы не оказаться безоружными перед атомной угрозой Германии. Мог ли представить и сам Эйнштейн, что от его письма как бы пунктиром можно обозначить ту линию, ведущую к будущей точке на «атомном этаже» истории, который не давал покоя Сент-Экзюпери? Именно в этой точке взорвется первое грибовидное облако над землей. Это

будет последняя минута войны, а по уверению тех, кто бросил бомбу, — и первая минута мира. Лишь когда облако рассеется, до конца станет ясен друзьям Сент-Экзюпери смысл тревог и предчувствий, сдавливавших ему сердце. Дракон войны уже вглядывался в микроскоп науки...

* * *

Одним из мифов, широко распространенным на заре ядерных исследований, был миф про «всемирную семью ученых-атомщиков». Впрочем, такой ли уж это был миф? Они все знали друг о друге, открыто обменивались информацией, проверяли совместно опыты. Вернер Гейзенберг, глава германского уранового проекта, антифашист «в душе», как-то заметил на этот счет: «Летом 1939 года двенадцать человек еще могли при взаимном согласии не допустить создания атомных бомб».

Имена этих «двенадцати человек», пожалуй, всего точнее мы можем установить по адресатам Лео Сцилларда. Венгерский физик, бежавший от хортистского режима в Германию, от нацистского — в Австрию, затем в Англию, оказавшийся наконец в США, уже с 1935 года, предвидя опасный финал лабораторных изысканий в области атома, принялся убеждать коллег в необходимости «самоцензуры», добровольного воздержания от публикации результатов экспериментов. Он угадывал, что, вслед за немецким ученым Отто Ганом, доказавшим делимость атомного ядра урана, во Фран-

ции вот-вот цепную реакцию распада осуществит Фредерик Жолио-Кюри. «При определенных обстоятельствах это может привести к созданию атомной бомбы, чрезвычайно опасной для человечества», — предупредил Сциллард французского собрата в феврале 1939 года, предложив воздержаться... не от эксперимента, а от его огласки.

Всего через месяц Жолио-Кюри успешно поставил этот эксперимент и немедленно опубликовал отчет о том. Почему? «Мы наперед знали, что наше открытие приветствовалось бы прессой как победа французской науки, — признал впоследствии один из сотрудников Жолио-Кюри, — а мы в те дни нуждались в том, чтобы привлечь к себе внимание любой ценой, если мы хотели рассчитывать на более щедрую поддержку наших будущих работ со стороны правительства». Да, все-таки это был миф — насчет «семьи ученых-атомщиков»... Позиция Жолио-Кюри — далеко не исключение. На «самоцензуру» согласились считанные ученые, но и они, увидев себя в одиночестве, отказались от «молчаливой физики». Сам Сциллард против воли согласился на публикацию своих опытов по цепной реакции в уране.

Перенесемся на 10 лет вперед. Верховный комиссар по атомной энергии Франции Ф. Жолио-Кюри твердо проводит политику отказа от работ военного характера. За это под давлением американцев он снят со своего поста. Возглавив Всемирный Совет Мира, Жолио-Кюри скажет в одной из своих речей:

«Нас вновь пытаются втянуть в кампании Врангеля, Деникина, Вейгана и Гитлера, убеждая — о ирония! — именем демократии и свободы в том, что будто бы мы должны, под прикрытием атомной сверхдержавы, стереть с лица земли строй, совершивший непростительное преступление — отмену эксплуатации человека человеком...»

Как свершилась в нем столь разительная эволюция взглядов? Да, хоть и запоздало, группа Жолио-Кюри привлекла внимание и субсидии своего правительства. Франция накануне войны, по общему признанию специалистов, была наиболее близка к созданию атомной бомбы и планировала первый в мире экспериментальный взрыв в Сахаре. Гитлеровская агрессия помешала этим планам. По личной инициативе Жолио-Кюри половину мирового запаса урана отправили бельгийским транспортом из Африки в Америку, а львиную долю мирового запаса тяжелой воды из его парижской лаборатории — в Англию. Туда же эмигрировали и ближайшие сотрудники Жолио-Кюри, в то время как сам он решил остаться на оккупированной родине. Доставшиеся Англии материалы его лаборатории и выдвинули ее на «атомную авансцену». В дальнейшем именно английская атомная программа «Тьюб Эллойс» убедит США в том, что урановую бомбу можно создать еще в ходе войны, и это предreshит оформление Манхэттенского проекта. Так замкнется разорванный круг ученых-атомщиков: даже те из

них, что руководствовались наилучшими побуждениями в борьбе с фашизмом, в зареве над Хиросимой и Нагасаки смогут прочесть отблеск первых ядерных реакций, осуществленных в их лабораториях...

Жолио-Кюри этот отблеск увидел еще раньше зарева. Сначала, когда специальная эсэсовская команда опечатала его лабораторию в Коллеж де Франс. Затем, когда отряд «Алсос» нагрянул с сургучными печатями «Made in USA». В промежутке между этими событиями — четыре года — Жолио-Кюри продолжал опыты, но теперь он научился держать в секрете их результаты. Приставленный к нему немецкий атомщик Вольфганг Гентнер договорился с Жолио-Кюри о том, что их совместная работа никоим образом не должна служить войне. Под носом у эсэсовцев Жолио-Кюри сделал свою лабораторию явкой для маки. Через неделю после освобождения Парижа бывший социал-демократ заявил, что еще в 1942 году вступил в компартию Франции.

* * *

Помните из «Военного летчика»? — У Сент-Экзюпери, на высоте 10 тысяч метров, замерзают рукоятки, пулеметы, рычаги. Он пришел в Национальный центр научных исследований с готовым решением — но «странная война» вдруг обернулась гитлеровской агрессией, и внедрить новшество уже не успели. За ним осталось 13 крупных изобретений. Только он пробился в эскадрилью 2/33, как его догнал приказ — оста-

вить авиацию и перейти на научную работу. От этого отбиться стоило еще больших трудов, чем от дипломатической миссии в США.

Профессор Теодор фон Карман, теоретик по аэродинамике, писал в Национальное управление по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА) Соединенных Штатов Америки:

«Я только что встретился с Антуаном де Сент-Экзюпери, изложившим мне некоторые свои аэродинамические проекты. Его идеи необычайно новы и способны произвести в нашей науке настоящий переворот. В частности, одна из них мне представляется настолько интересной, что я просил бы вас немедленно начать по ней опыты».

Их встреча состоялась в июле 1941 года.

Что же стояло за отзывом профессора? Некоторый свет на это проливает свидетельство Дени де Ружмона, швейцарского писателя:

«Что меня часто интриговало в течение года, когда мы жили по соседству с Сент-Экзюпери, так это ядерная проблема. Сент-Экс был первым, кто объяснил мне возможность расщепления атома, что ему в свою пору открыл Жолио-Кюри. В 1942 году он рассказал мне, что еще накануне войны в Сахаре предусматривалось проведение ядерных испытаний, но их организаторы опасались, как бы освобожденная при этом энергия, вызвав цепную реакцию, не привела к гибели Земли. За годы пребывания в США он много раз встречался с каким-то высшим генералом, входившим в чрезвычайно узкий

круг людей, посвященных в тайну Манхэттенского проекта...»

Война ускоряла поиск нового смертоносного оружия... Зло на Землю свалилось такое великое, что и правда ни перед чем бы не остановиться, лишь бы само зло остановить. И все-таки... Нравственна или безнравственна война — это зависит от того, где насилие, а где возмездие. Но не в том ли и парадокс, что сила обороняющаяся, сила мщения, именно потому, что она права, а значит, нравственна, никогда не преступит нормы? И не только когда уже гремит война — в верности этим нормам она готова заверить мир именно во избежание катастроф. Насилие же не считается с ними — не потому ли и избегает оно брать на себя такие обязательства?

Впрочем, вряд ли правомерно эти рассуждения сводить лишь к столь очевидным крайностям. История уже дала не один пример иных аморальных комбинаций. В войне с Японией до полета бомбардировщика «Энла Гей» не от США исходила агрессия, но каким же «возмездием» могла быть продиктована команда загрузить в его чрево атомные бомбы «Малютка» и «Толстяк» и сбросить их на города людей? Решение о создании американской атомной бомбы было принято... за день до вероломного нападения японского флота на эскадру США в бухте Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года, то есть за день до официального вступления США в войну. Ах, каким неудобством для милитаристской пропаганды США обернется это

«за день», когда бомбардировку Хиросимы и Нагасаки она станет изображать как «мечь за Пирл-Харбор»!

Преуспей фашистские ученые в создании атомной бомбы, можно ли сомневаться в том, что генералы рейха не задумались бы пустить ее в ход? Впрочем... К счастью для человечества, обзавестись атомной бомбой фашистский рейх не успел. И весь-то германский урановый проект, по замечанию научного консультанта американского отряда «Алсос» Сэмюэла А. Гоудсмита, «не стоил вывихнутой лодыжки одного американского солдата». «А сейчас мы, США, перенесли к себе и хорошо освоили недостойные приемы наших врагов в последней войне», — горько заметил Эйнштейн в 1947 году в Принстоне.

Не мучили ли все эти вопросы Сент-Экзюпери? Не предвидел ли он в дымке дальних дней грибовидное облако над землей? Можно ли было с атомной бомбой идти освобождать Францию, когда и от фугасок-то союзников похоронила она 60 тысяч человек? Отчего Сент-Экзюпери был так взвинчен, то взрывчато весел, то непроницаемо скрытен? Почему он так рвется назад?

В конце концов другая гениальная идея осенила Сент-Экзюпери. Он придумал построить... индивидуальную подводную лодку. Тысячи таких лодок! Для целой армии голлистов, и он, конечно, будет среди них. Они пересекут под водой Атлантику и высадутся на французском берегу. Потери будут минимальные, потому что подойти к

берегу удастся практически незаметно. Он так поверил в этот проект, что дни и ночи рассчитывает, чертит...

Они были близкие друзья — Жолио-Кюри и Сент-Экзюпери. Один под носом у фашистов, в собственной лаборатории, давал приют участникам Сопротивления, сражался на парижских баррикадах. Другой, когда и атлантические индивидуальные подлодки оказалось некому строить, написал на 21-м этаже — на высоте бреющего полета — сказку и — каких это ни стоило ему трудов — вернулся в небо, где шла война.

«Америка скорее континент, чем родина...»

Он больше любил землю людей, чем небо без них, но там он чувствовал себя уютнее... «Здесь смерть, по крайней мере, чиста! Ледяная и огненная смерть. Солнце, небо, лед и огонь. А там, внизу, тебя медленно засасывает глина!»

На рассвете 30 июля 1944 года, отправляясь в боевой полет, он оставил на столе два запечатанных конверта. Накануне смерть несколько раз миновала его. Следующая встреча могла стать роковой. Может, потому он спешил объясниться?

«Пусть меня собьют, я не пожалею абсолютно ни о чем. Будущий муравейник приводит меня в ужас. Ненавижу блага, которые он сулит роботам...»

В этих строчках, как и множестве других близких по настроению или смыслу, теперь видят речательство тому, что он предчувствовал смерть и даже искал ее. Что ж, они достаточно передают чувства, владе-

шие им всю войну. Уже не вызывало сомнений, каков будет ее исход. Однако будущее не столько радовало, сколько страшило его: продемонстрировав ресурсы и величие человеческих возможностей, война одновременно ужаснула его глубиной развершейся, как бездна, вражды... Победа одного оружия над другим? Является ли это концом войны? Что на самом деле убивает в человеке война? Какое первозло повинно в разжигании войн, и можно ли его истребить?

Кажется, это там, в космических высях, и написан его «Маленький принц», летающий с планеты на планету, от злых людей к добрым, от добрых к злым, пытаюсь понять, как же можно наконец правильно устроить мир — мир без войны...

Но Маленькому принцу это так и не удалось.

Он нашел свою смерть за год до того, как пробила первая минута «будущего мира». Сейсмографы зафиксировали два последовательных толчка невиданной силы, встряхнувшие землю так, как не удавалось ни одной буре и вряд ли удавалось самым грозным вулканам. Метеорологи отметили появление грибовидного облачка на дальней окраине земли. Медики вместе с физиками пытаются понять, как от существ, только что живших, дышавших и думавших, остались только силуэты-тени на стенах, которым удалось уцелеть. Военные и невоенные историки расшифровывают смысл катастрофического события на периферийном теат-

ре уже затухавшей войны, которое, за неимением должного термина, именуют «сражением без сражения». Статистики посчитали:

213 тысяч силуэтов-теней.

За две минуты.

С перерывом в три дня: Хиросима 6, Нагасаки 9 августа.

И на земле разразился мир.

Из дневника эскадрильи 2/33: «31 июля 1944 года. Самолет «Локхид» Р-38. Задача: аэрофотосъемка на юге Франции. Пилот Сент-Экзюпери с задания не вернулся».

Прощайте, Сент-Экзюпери.

Часть II

МИНУТА МИРА

Размышления вдвоем с политологом

— Это момент исторический, запомните, — сказал мне сибирский геолог Олег Московцев. — До сих пор нефтяные реки текли с запада на восток страны. Теперь мы переключим рубильники, и они поплывут с востока на запад. Нефть и газ погонят компрессоры, так же как из-под земли мы извлекаем их с помощью давления сеноманского пласта.

— Сеноманский пласт?

— Да, вся Западная Сибирь стоит на толще воды. В геологии этот горизонт зовут сеноманским, по имени французской деревни, где впервые он был открыт и описан...

Как же мы все связаны — люди, страны, континенты земли! Меридианы оплетают землю, будто рыбацкий куколь. Параллели опоясывают ее, как обручи бочку. Сеноман-

ские пласты держат на себе земную твердь, на которой стоят наши отечества. Совершив кругосветное путешествие на шхуне «Санта Мария», Магеллан доказал, что земля круглая. Маленький принц из сказки Сент-Экзюпери, совершив первое кругосветное путешествие на облаке, открыл, что она слитная, ибо дана ей одна историческая судьба. На земле и в подземельях, в небесах и в поднебесьях обручами сеноманскими вяжут нашу судьбу общие тревоги и надежды.

А момент был в самом деле исторический: обожженный «войной горячей», обмороженный «войной холодной», мир наш все-таки дождался минуты разрядки. Часы его впервые стали отсчитывать историю с точностью до «атомной секунды» — само понятие это, появившееся как раз в годы разрядки, символизировало невиданные возможности мирного сосуществования. Однако стрелку истории вновь вознамерились остановить, повернуть вспять к конфронтации и войне:

«Мои соотечественники-американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал законодательный акт, который навсегда ставит Россию вне закона. Бомбардировка начинается через пять минут».

Белый дом объявил это радиошуткой президента. Но «атомная стрелка» четко зафиксировала еще один сбой — от разрядки к «холодной войне»...

— Некоторые признаки слома разрядки проявлялись еще до подписания Заключи-

тельного акта в Хельсинки в 1975 году, — сказал мне профессор Парижского института политических наук Филипп Девиллер. — В момент же его принятия Запад фактически взял курс на обострение мировой обстановки.

— Как?! Да ведь и Запад, и Восток сходились на том, что Заключительный акт знаменовал собой пик разрядки!

— Да-да, это был ее зенит. Но если до подписания акта существовали сторонники и противники этой идеи, то после подписания спор их свелся к другому: соблюдать акт на практике или нет. Западная Европа действительно стремилась к разрядке на континенте, которая стала бы венцом «восточной политики» Вилли Брандта и — чуть раньше — Шарля де Голля. Разрядка в Европе подразумевала согласие составляющих ее частей, систем. Однако вместе с США многие европейцы — я называю их «атлантическими европейцами» — подводили под мирное сосуществование скорее иной смысл: сосуществование с конфронтацией. Запад согласился признать территориальное и политическое статус-кво в Европе, лишь получив взамен «динамичную концепцию» вмешательства в дела социалистических стран, к чему и свелась концепция «прав человека». Процесс скатывания с позиций политической разрядки начат был по инициативе Запада в тот самый момент, когда мир впервые за свою историю признал существование глобального равновесия сил. Конкретно это свелось к новому рывку в гонке вооружений:

установке ракет «Першинг-2» и крылатых ракет на территории пяти европейских стран.

Слушая профессора, я думал про себя: а ведь это история нашего, современного мира!

— Только принцип Лейбница — «встать на точку зрения другого» — может быть плодотворен для взаимопонимания, для контактов и диалогов. В этом в гораздо большей степени нуждается Запад по отношению к СССР, чью культуру, историю, политику уже многие десятилетия здесь представляют общественности в нарочито искаженном виде. «Железный занавес» строит, как раньше «санитарный кордон», западная сторона. Это она стремится разделить Европу надвое, помешать ее диалогу! Вспомним, как определял принципы сосуществования европейских стран генерал де Голль. Для него это была триединая формула: разрядка — согласие — сотрудничество. Разрядка сама по себе, без политического согласия и экономической кооперации, не имеет никакого смысла. Европа разделенная, Европа без разрядки — это и есть то условие, которое дает Соединенным Штатам уверенное и прочное лидерство в западном мире. Все, кто выражает малейшие сомнения в ценностях подобной политики, тут же объявляются «пацифистами», «нейтралистами», «пораженцами», «объективными сторонниками Москвы», хотя вы отстаиваете всего лишь право вашей страны или Европы в целом жить в мире, а не на вулкане, в разряженной, а не грозовой

атмосфере. Ярлыки эти навешивают противники разрядки, те, кто нагнетает в мире напряженность...

— Профессор, когда началась, по-вашему, история современного мира?

Он ответил немедленно:

— После войны.

15. Просветители мира

То ли киты, предержавшие Землю, вдруг расплылись в разные стороны, то ли какая другая неведомая сила взялась подтачивать подпорки Земли, но Анри Пуже вдруг совершенно ясно ощутил, как опасно она закрипела и закачалась над пропастью. Закончив школьные уроки, выправив сочинения и диктанты своих учеников, он вооружался ножницами и резал прессу. Чтение газет и журналов, выписки всевозможных цифр вдруг сделались неодолимой страстью учителя языка и литературы. «Июнь 1929 г. — июнь 1933 г.: 10 тысяч банков потерпели крах в США, — коротко заносил он в свои конспекты. — С 1930 по 1933 г. 4500 фирм разорилось в Германии...»

Как бы через дымчатое стекло веков великие классики — с нескрываемым интересом Декарт, с иронической улыбкой Вольтер — наблюдали за вечерними занятиями своего нежизнерадостного потомка. Им ли было не знать эту страсть постижения мира, его тайн, основ, движущих сил! Школьный учитель, сомневаясь и мысля, точь-в-точь

по наставлению Картезия, интуицией и дедукцией постигал окружающий его сложный, запутанный мир и все больше утверждался в мысли, что есть в нем какое-то непостижимое «математическое начало». Какое? Он, кажется, нашел его у де Лабомелля, давнишняя закладка лежала в томике этого раннего французского просветителя: «В Европе нет больше ни монархии, ни демократии, ни деспотизма. Сегодня все — торговля...» Два века минуло, как вынесен этот приговор, — неужто не переменялась Европа? Монархии канули в Лету... Во Франции, в Англии — парламентская демократия, в Германии — фашистский строй, но почему же они так явно идут к сближению друг с другом, каков математический закон этого сближения?

Ни в конспектах своих, ни в записных книжках — нигде не оставил он точной даты, когда же пришло к нему это открытие: будет война, и это будет война Европы против СССР... Я попрошу его более или менее точно вспомнить хотя бы год, когда пришло к нему это предчувствие. Он скажет в ответ:

— Еще до Мюнхенского сговора. А уж с этого момента никаких сомнений у меня не было.

— Вы ужаснулись?

— Конечно! Я стал думать, как бы об этом оповестить всех. И вот так в один прекрасный вечер я начал писать...

Он озаглавил первый раздел своей книги — «Внутренние противоречия капиталистического мира», первую главу — «Великий

кризис рынков сбыта в 1929—1933 годах» и начал так: «Во вторник 22 октября за час до открытия на нью-йоркскую биржу поступило сообщение о том, что в этот день ожидается невиданный сброс акций. Возникла паника...»

Тысячами останавливались предприятия. Тридцать миллионов людей в капиталистическом мире, которых еще в 1929 году статистика учитывала как «платежеспособных потребителей», спустя четыре года оказались «безработными» с минимальной и нулевой покупательной способностью. Школьный учитель раскрывал вольтеровский томик: «Все, что я вижу, бросает семена неминущей революции...» Он догадывался, что слова эти, написанные в канун Великой французской революции, верны и спустя 200 лет, но сам механизм противоречий, раздиравших новый мир, они объяснить не могли. Так на левом уголке стола, за которым просиживал картезианец-вольтерьянец, рядом со стопкой книг старых философов появился сначала Марксов «Капитал», а потом он раздобыл — тогда это непросто было сделать во Франции — и ленинские томики.

В Европе собиралась гроза, уже можно было различить ее первые раскаты на горизонте, но в них странным образом вплетались две незнакомые мелодии, лившиеся с двух дальних, противоположных концов мира. Издали СССР казался ему огромной стройплощадкой со вздыбленными лесами, где миллионы одержимых людей с самыми

простыми инструментами в руках — молотком, кайлом, лопатой — преображали свою землю, свою страну, свою жизнь. Уверяли, что от них исходит «угроза» Европе, не зря же там поют: они, мол, мирные люди, но их бронепоезд стоит на запасном пути... Другая мелодия сквозь треск эфира долетала из-за Атлантики, где, как и в Европе, разразился Великий Кризис, — казалось, это он родил там джаз, как бы вобравший в себя отчаянное веселье Нищеты, присевшей на самый краешек Изобилия. Да, они странно, не прячась, соседствовали — Нищета и Изобилие, сливаясь в тягучее завывание труб под всполошенный аккомпанемент фортепьяно. Изобилие жгло свои излишки в кострах, топило в море, наивно веруя, что так удастся раскупорить кровеносные вены производства, — нет, Великий Кризис продолжал свое шествие... Чем больше падали производственные цены, тем выше взвинчивали розничные, — оказалось, и это не могло его остановить... США учредили таможенные барьеры, пытаясь закрыть доступ потоку чужих товаров, — но и это не принесло облегчения, ибо другие страны ответили такими же протекционистскими мерами...

И вдруг в конце туннеля, казалось, забрезжил свет. Все просто: раз частные капиталы не в силах раскупорить вены, это должны сделать капиталы государственные. США первыми утвердили в 1933 году Закон о проведении обширных общественных работ. В чем состояла их цель? Продукция общественных работ не должна поступать на зато-

варившийся рынок — она будет «вписываться в окружающую среду»...

Началось лихорадочное строительство мостов, дорог, каналов, бассейнов, парков, стадионов. США сумели занять на общественных работах свыше 4 миллионов людей, Германия — почти 2 миллиона. Где-то на исходе Великого Кризиса, середине 30-х, учитель парижской школы Анри Пуже совершенно точно уловил, что никогда еще в нашем мире таким бодрым перестуком не звучали строительные молотки. Никогда еще на планете сразу столько людей не строили столько объектов, никогда еще земля не хороше-ла так быстро, залечивая раны первой мировой войны... и не ведая, что уже идет ко второй. Увы! Школьный учитель не обманулся в своем тревожном предчувствии. Почему общественные работы на Западе, по существу, вылились в строительство новых пирамид? При всем их размахе они почти не будили новых потребностей, не давая экономического импульса. Строительный каток покатился назад... В марте 1935 года в тех же США опять насчитывалось почти 11 миллионов безработных, в Германии — 2,5 миллиона. Рынок не «проснулся». Куда все это ведет, учитель впервые догадался в августе 1934 года. Тогда фюрер подписал декрет о том, что повсеместно на заводах молодые люди до 25 лет должны уступить рабочие места «безработным старшего возраста», «отцам семей». А куда же молодежь?

А молодежь ждали казармы... Общественные работы тоже все больше стали повора-

чиваться к пирамидам стратегического назначения: дороги и мосты, аэродромы и причалы строились, когда на них свое «добро» давал генштаб. Ежегодник Лиги наций за 1937 год свидетельствует, что Европа в эту пору тратила на гонку вооружений больше, чем остальной мир, — на ее долю пришлось 64,8 процента этих расходов, и тон, конечно, задавал гитлеровский рейх. Но точно те же процессы происходили и в стране джаза. «Широкая программа вооружений, — признал в те годы профессор Йельского университета Гарвей Бюжерс, — это самая перспективная часть общественных работ...»

Вот когда проснулись частные капиталы, вот что вывело их из летаргического сна Великого Кризиса! В мире, разгороженном таможенными заборами, сильнее, чем когда бы то ни было прежде, капиталы потянулись к слиянию, к монополизации, к переделу рынков. «Оружейные заказы, будто манна небесная посреди пустыни, свалились на изголодавшийся по прибыли капитализм...» — так Анри Пуже заключал свое размышление о 30-х годах, уже переворачивавших на календаре свои последние страницы. Отсюда с неумолимой логикой вытекало: если сферой производства завладевает гонка вооружений, значит, рынком ее сбыта рано или поздно станет война. Да, это будет война монополий, разделившихся на блоки, война конкурентов — за сферы влияния, за рынки сбыта, за колонии. Но — в первую ли, во вторую ли очередь — эта война обязательно ударит на восток, против СССР...

И вот тут в мире разразились события, давшие учителю возможность проверить все свои умозаключения в почти уже законченной книге.

Он и очнуться не успел, как уже на его стол легла повестка о мобилизации на фронт. В рюкзак, который у него отнимут и заменят ранцем, он собрал листки недописанной книги, переменял на титульной странице свое действительное имя на псевдоним Анри Клод — с таким именем ищи-свищи автора среди миллионов французов, — подумав, из сотен папок своего досье собрал одну, чтобы взять с собой, и вот он уже на линии Мажино, на границе с Германией.

Динамики из-за Рейна неусыпно вещают о дружелюбии фюрера к Франкрейху, солдаты смолят сигарки и рассуждают, что же это за война такая «странная». Газеты твердят, что всему виной германо-советский пакт о ненападении: ведь уже через неделю после его заключения напал Гитлер на Польшу, и пришлось ее союзникам, Англии и Франции, ввязаться в войну. Правда, в войну без сражений... Один солдат, хотя с виду он, как все: каска, ранец, патронташ, саперная лопатка, котелок и еще не обуглившееся от пороха ружье, думает, однако, не как все. Уже зовут его то в одну роту, то в другую: «Поговорить надо...»

Разговоры эти, как поведал он мне сорок с лишним лет спустя, шли примерно так:

— ...Ты, говорят, думаешь: это не из-за русских война?

— Нет, — отвечает солдат. — Это Франция вместе с Англией толкали Гитлера на Советы. А он Польшу взял и остановился, и теперь жди его в гости к нам.

— К нам?!

— А что ж вы думали, станет Гитлер таскать каштаны из огня для французской и английской буржуазии? Или втягиваться в войну на востоке, не обезопасив свой западный тыл? Наши капиталисты, желая одурачить всех, сами остались в дураках, вот они и заходятся от ярости...

— Ну, брат, ты и рассуждаешь! Да ты, видно, коммунист?

— Нет, — отвечает солдат, — не коммунист. А думаю я так потому, что немного знаю законы, по которым живут мировые капиталы. Сколько бы они ни лаялись между собой, самый страшный для них враг — это социализм.

«Тссс!» — свистом снаряда несется шепот по солдатской цепи: внимание, начальство! Но минует опасность, и продолжается сложный фронтовой пересуд...

На линии Мажино, освещавшейся электричеством, будто подземный дворец, где-нибудь в углу, делая вид, что пишет письма домой, учитель продолжал свою книгу. Сорок с лишним лет спустя я держу эту книгу в руках в парижской квартире Анри Пуже. На обложке: Анри Клод, «От экономического кризиса к мировой войне».

— Итак, вы успели закончить ее на фронте?

— Видите ли, много раз я считал ее за-

Эту церковь фашисты превратили в застенки, заготовив впрок гробы для своих жертв. Не все удалось использовать. Теперь это музейные экспонаты

конченной, но сами события заставляли меня продолжать. Когда же Гитлер напал на Францию, мы угодили под Страсбургом в «мешок». Солдаты хотели драться, но пришел приказ: сложить оружие. Был постыдный плен... Мне повезло: я вернулся домой, преподавал в школе, участвовал в Сопротивлении. И дописывал свою книгу... переводя будущее время в прошлое...

Если бы Германия вышла победительницей в войне с Россией, следующей жертвой ее агрессии стали бы США. Только в этом и был истинный мотив США вступить в войну на стороне Советской России и с ее помощью сломать фашистский империализм, претендовавший на мировое господство. Причем не мне вам объяснять, что второй фронт был намеренно открыт так поздно в надежде, что европейские противники окончательно подорвут силы друг друга. Никогда нельзя забывать, что второй фронт в Европе был открыт только после Сталинградского сражения, которое повернуло вспять весь ход войны. А теперь цифры. На Восточном фронте германская армия и ее союзники потеряли 10 из 13 миллионов солдат, 70 тысяч самолетов (примерно 70 процентов их воздушных потерь), около 50 тысяч танков и самоходок (примерно 75 процентов от общего числа) и 167 тысяч орудий (74 процента).

— Вы издали свою книжку в 1945 году. Кроме перевода глаголов из будущего времени в прошлое, вы добавили к ней что-нибудь новое?

— Конечно. В частности, вот эту главку о России. Если хотите, это было предметом наших самых горячих солдатских дискуссий на линии Мажино. И, кстати, я отнюдь не «разложил» ими полк, наоборот, всем солдатам становилось ясно, какая же страшная это угроза миру — фашизм... Да, так прочтите же главку: она написана, когда фашистская Германия напала на Советский Союз.

«Итак, несмотря на подписанный два года назад германо-советский пакт, Россия тоже оказалась вовлечена в войну.

Однако СССР — единственная держава, втянутая в конфликт отнюдь не в силу своих внутренних экономических проблем. В самом деле, благодаря своей социалистической структуре... СССР не знал кризиса сверхпроизводства, застоя, безработицы...

Позиция СССР, естественно, вытекала также из доктрины строительства социализма в одной стране. СССР вынужден был создать свой мощный оборонительный потенциал на случай возможной агрессии. Ему пришлось маневрировать в дипломатии, чтобы любой ценой избежать образования единой капиталистической коалиции против него...»

— Однако это не конец книги, — сказал он. Перелистав последние страницы, я по подчеркнутым местам быстро уловил их суть: речь шла о... третьей мировой войне, и самым вероятным источником такой опасности была названа страна, в годы Великого Кризиса упивавшаяся джазами... Это написано в 1945-м! В мире еще не остывших руин, которыми везде, кроме как в стране за океаном, обернулись Великие Общественные Работы 30-х годов. В мире, где, казалось, еще не потянуло ветром «холодной войны»...

— Да, но не забывайте, что уже были Хиросима и Нагасаки, и была бомба в руках одной сверхдержавы, и не так уж трудно было предвидеть, что в силу самой своей социально-экономической структуры она постарается простереть над миром свое господ-

ство, диктат. Капиталы ненасытны в стремлении к наживе, они не могут не воевать, и слабый тут всегда перед сильным виноват. Таков, если хотите, ключ к математической дробь нашего века. Примем, что в числителе капиталы. Даже конкурируя друг с другом, они тем не менее готовы немедленно сложиться против своего общего противника — против социализма в знаменателе...

После войны во временные правительства Франции разного состава входили шесть министров-коммунистов.

Система социального страхования, реформа медицинского обслуживания, принятие статуса государственных служащих, восстановление и реконструкция промышленности, национализация ряда отраслей экономики, реорганизация вооруженных сил... Во всех этих реформах решающим был вклад шести коммунистов и представляемого ими более чем пятимиллионного — самого крупного в стране — отряда избирателей... «Хорошо. Хорошо», — комментировал про себя неутомимый счетовод, выписывая в конспекты новые столбики цифр. Картезианский завет — сомневайся и мысли — приводил его ко все более точным политическим оценкам того, что происходило в стране и мире. Реакция упрямо противится демократическим преобразованиям, спланирует всевозможные политические блоки против ФКП, разрушает единство ее действий с социалистами. На помощь ей спешит в этом реакция внешняя. 1947 год, март: президент США Гарри Трумэн излагает доктрину спасения капита-

лизма. — где бы он ни оказался в опасности, гарантом его спасения выступят США. Это реакция на рождение первых народно-демократических республик в Европе. Доктрина дополнена «планом Маршалла», который обязывает западные правительства в обмен на экономическую помощь занять антикоммунистические, антисоветские позиции... Апрель: Франция, вопреки Потсдамским соглашениям, круто берет сторону англо-американской дипломатии в германском вопросе: увековечить расчленение Германии, включить ее западные зоны в антисоветский блок... Май: министры-коммунисты удаляются из правительства под тем предлогом, что парламентская группа ФКП в Национальном собрании голосовала против доверия правительству за отказ удовлетворить справедливые требования рабочих об увеличении зарплаты...

Все эти события потрясли учителя.

А уже началась и война во Вьетнаме, которая продлится все десять лет, и только на время — потопив в крови первые восстания алжирцев за свою национальную независимость — удалось отсрочить вторую колониальную войну.

Анри Пуже взял чистый листок и написал заявление о вступлении в Компартию Франции.

Он остался с ней навсегда.

Он написал много других книг, стал известным политэкономистом, но главная книга, книга жизни, казалось, все еще была впереди. Только выйдя на пенсию, он

написал ее и снабдил коротким посвящением:
«Денизе».

Не часто мужчины дарят своим любимым подругам такие странные подарки. Книгу, к которой всю жизнь шел Анри Пуже, он назвал так: «Третий виток гонки вооружений».

Видишь ли, Дениз, тебе не раз казались скучными мои занятия и увлечения цифрами, а ведь они лучше всяких слов могут объяснить, в чем счастье человеческое и что может это счастье разрушить. В ту эпоху, которую назвал я «первым этапом гонки вооружений», выпало жить нашим родителям. За 1895—1914 годы расходы на военные приготовления в мире возросли небывало, подскочив на 182 процента. Известно, чем все это кончилось: первой мировой войной. Второй виток: 1919—1939 годы, военные расходы выросли в 4,2 раза. Эту эпоху мы прожили сами, испытав ее на своей судьбе. Как мы радовались маю 1945-го, Великой Победе, заставившей смолкнуть орудия и подарившей человечеству мир! А я, я тогда, в мае, думал: ну вот, теперь начнется «третий виток»...

Ты не верила. Кому же хотелось в это верить! Но я оказался прав. Хотя одна только ты и знаешь, как я хотел, как мечтал ошибиться! За три десятилетия, прожитые нами в относительном мире после войны, рост военных расходов предстанет в следующих пропорциях: 1948—1957 годы — 155,5 процента, 1958—1967 годы — 369,4 процента, 1968—1977 годы — 543,8 процента...

Здесь, у вокзала Монпарнас,
где в августе 1944 года комендант
гитлеровского гарнизона подписал акт о капитуляции,
всегда отмечают памятную годовщину
патриоты-антифашисты

Пусть же эту книгу читают наши дети, пусть читают ее друзья наших детей, пусть хорошо они усвоят, как начинаются в мире пожары и как научиться их не только тушить, а, главное, не допускать...

С такими колоссальными цифрами, как на последнем вираже третьего витка, еще никогда не приходилось иметь дела Анри Клоду, да и всем, кто занят такими же счетами, как он.

Но и выложить цифры мало — к ним надо еще подобрать точный математический ключ, без которого не понять смысла событий. Военно-пропагандистский оркестр Пентагона — НАТО — ЦРУ на весь мир трубит о том, будто в 70-е годы СССР резко увеличил свои вооружения, а США их «проспали», вот и вынуждены теперь «наверстывать», «до-вооружаться», «догонять»... Анри Клод, опираясь на сведения из всех известных в мире источников, возражает: тенденция была как раз обратной — была и остается. Почему, например, Западу постоянно подсовывают только сравнения военных бюджетов США и СССР? Тут и требуется «ключ». Ведь как раз в 70-е годы, когда мир поверил в разрядку, США активно стали перекладывать часть военного бремени на своих союзников, и эту часть, конечно, исключают из счета, и точно так же из своей бюджетной колонки выбрасывают многомиллиардные суммы от продажи оружия в различные страны частными американскими фирмами. Двадцать пять тысяч промышленных фирм в США имеют контракты с Пентагоном,

если же и всех субподрядчиков посчитать, число их составит 40 тысяч.

Так при чем тут «10 лет спячки», при чем «советская угроза», когда, например, ракета «Першинг-2» родилась в проекте еще в феврале 1969 года, а в мае 1971-го уже были подписаны и первые контракты на ее производство? А подряд на крылатые ракеты фирма «Дженерал динамик» получила еще в 1970 году? Но только через 10 лет поднимут крик о «безоружности» Западной Европы, для которой все это время втихомолку, скрыто ковали ядерную цепь. Ведь новые ракеты предназначались для удара именно по СССР с европейских стартовых площадок. А с территории США они могли бы стрелять разве что по океанской акватории!

«...Начиная с 1975 года, при президенте Валери Жискар д'Эстэне, французская военная доктрина стала исходить из концепции, что СССР — единственный вероятный противник Франции...» «Ради этого была предана забвению концепция де Голля — оборона во всех направлениях...» «Французская финансовая олигархия с оптимизмом встретила избрание Рональда Рейгана президентом США...» (Анри Клод).

Но вот наступил май 1981 года. Франция жила очередными президентскими выборами. Когда до них оставались уже считанные дни, в предвыборную кампанию оригинально вмешался главнокомандующий силами НАТО американский генерал Б. В. Роджерс: он назвал Францию... «примером для НАТО». Францию! — хотя она ведь с 60-х

годов больше не входит в этот военный блок. У генерала Роджерса были, впрочем, все основания беспокоиться насчет будущей позиции Франции, для этого достаточно было, например, услышать или прочесть такое: «По всем видам оружия США опережают СССР практически на одно поколение... Говорить о том, что равновесие нарушено в пользу СССР, просто несерьезно... Ценой огромных экономических усилий и даже лишений, которые продиктованы ему этой навязанной извне политикой, СССР сумел добиться равенства с США, по крайней мере в том, что касается ядерного оружия». Человек, сказавший эти слова, — Шарль Эрню — в ту пору министр обороны Франции.

И вот в качестве министра Шарль Эрню едет в США и из уст своего коллеги, хозяина Пентагона, слышит похвалу в адрес нового правительства Франции за то, что она так активно, так решительно поддержала установку новых американских ракет в пяти европейских странах НАТО!

Как странно все это напоминает историю!

В книжке, которую Анри Клод написал на линии Мажино, он высказал уверенность, что только социализм навсегда устранит войну из будущей истории человечества.

Он верит в это и сейчас.

— Но жить в мире можно и с разными политическими системами. Это показали годы разрядки. Колоссальный пацифистский

Ветераны французского Сопротивления
у памятника советским военнопленным,
узникам фашистских концлагерей
в лотарингской коммуне Валеруа.
Справа — автор памятника, бывший шахтер,
скульптор Агальфар Заннони

протест против угрозы войны, который в ответ на гонку вооружений поднялся за последние годы в Европе и Америке, тоже дает уверенность, что милитаристов можно остановить. Эта мысль и пронизывает мою последнюю книгу. Ведь третья мировая война была бы самоубийством для человечества.

А книгу его французская пресса замолчала... Впрочем, подъем пацифистских движений в мире как раз с тем и связан, что достоверную информацию о причинах и инициаторах гонки вооружений, о размерах

ядерной катастрофы, которой стала бы новая война, миллионам людей в самых разных странах смогли дать такие специалисты, как Анри Клод. В этом смысле они — просветители мира...

16. Человек, который сошел с «марсовой тропы»

— ...Ваша сказка продолжает «Маленького принца» Сент-Экзюпери?

— В некотором роде, пожалуй... Только на борту самолета «Птица мира» летят 320 Маленьких принцев. По двое от каждой страны. И летят они не на дальние планеты и астероиды, а в столицы разных стран, тех, у которых есть или может скоро быть ядерное оружие. «Птица мира» — это политическая сказка для детей и взрослых, которую, надеюсь, прочтут все. И это название самолета, на котором они совершают кругосветное путешествие.

Знаете, о чем я жалею больше всего? Что не могу теперь финансировать собственную идею. Как и сказку о полете, я посвятил бы сам полет 40-летию ООН и провозглашенному в честь этой даты Году мира. Мои Маленькие принцы, уверяю вас, наяву сделали бы то же самое, что в сказке: привезли бы в музей ООН подписи руководителей всех стран под актом о полном и безоговорочном разоружении! Вы думаете, что я идеалист, мечтатель... Ведь думаете? Скажите честно.

— Думаю.

— Этим вы меня нисколько не удивляете, потому что так думаю даже я сам. И в то же время... разве мир — это что-то несбыточное? Разве это не общее дело всех нас?

— А что я вам сейчас покажу! — закричал Бенсон и, бросившись куда-то в угол, исчез в шкафу. Мы находились в рабочем кабинете его замка. Буквенно-цифровой зеленью мигал всепамятливый компьютер, то и дело попискивал телефон (это из внутренних покоев названивали Бенсону его расшавившиеся дочери), за окном проливались косые светлые дожди, на лугу паслась нестреноженная белая лошадь. Какая благодать! Но вот он вынырнул из шкафа с кожаным мешочком в руках, борода всклокочена, в глазах огонь, и взору моему предстала последняя игрушка, которую сотворил изобретатель оружия и сочинитель сказок Бернар Бенсон.

Это Кнопка Разоружения, с которой ее создатель задумал совершить путешествие вокруг света. «Нажимайте! — закричал он мне. — Осталась одна секунда!» Красная кнопка, преодолев тугое сопротивление пружины, дошла до упора — контакт! Бенсон тотчас взорвался аплодисментами и огласил замок триумфальным воплем: «Ми-ир! На земле ми-ир!» Угомонившийся было телефон тут же залился новыми трелями, дочери Бенсона чутко угадывали минуту, когда всецело могли завладеть временем отца. И вот уже тройка вихрем врывается в кабинет, не-

которое время борода Бенсона кружится в хороводе косичек, потом он подсаживается к компьютеру, а дочки устраиваются за его спиной. Колдует Бенсон: на экране зажигается вызванный из мозга машины ответ, его встречают напускной обидой и дружным смехом. Соль шутки я постигну чуть позже, раскрыв сказку Бенсона «Дорога к счастью». Она начиналась тем же вопросом, что загорелся на экране компьютера:

«И почему же мы так быстро взрослеем, но так медленно набираемся ума?»

— В сказке этот вопрос обращен к детям, — сказал Бернар Бенсон, когда мы устроились с ним для долгой, обстоятельной беседы у камина. — Но по сути я, конечно, взываю к взрослым, к отцам и матерям, если хотите, ко всему человечеству. Слишком быстро мы взрослеем — технически, материально, индустриально. И слишком опасно отстаем в области морали, гуманности, чувств. Набираем интеллект — но растрачиваем последнюю мудрость! И все это началось сорок лет назад, с атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки. Мой компьютер хранит в своей памяти даты изобретений всех типов, видов, марок смертоносного оружия за последние сорок лет, и не могу не признать, что в гонке вооружений тон всегда задавал Пентагон, а вы, русские, талантливо и быстро догоняли. Но теперь, когда кнопки вооружений нажимают все чаще, когда так легко могут ошибиться люди или автоматы... Ужасно, о, как ужасно! — прошептал Бенсон, закрыв руками лицо. В бли-

ках пламени голова его казалось огненно-седой.

— Мистер Бенсон, — спросил я, — расскажите мне про ваши первые игрушки. Они ведь служили войне? И про сказки тоже: каким сказкам вы верили в юности?

— Вот этим, — он показал рукой прямо перед собой, на экран телевизора, а я позабыл сказать, что в день нашего знакомства телевизор непрерывно работал почти до ночи.

Было 6 июня 1984 года. На пляжах Нормандии бывшие союзники по антигитлеровской коалиции разыгрывали высадку-спектакль. Ни дикторы, ни выступавшие с трибун президенты, премьеры, королевы, короли даже не трудились скрыть, что празднуют не юбилей открытия второго фронта, — выходило, по их словам и комментариям, что это юбилей «освобождения Европы». Не о разгроме фашизма соединенными силами народов, при решающем вкладе СССР, шла речь, — говорили, что та война, дескать, была «последней гражданской войной западных наций», что примирение их теперь объективно необходимо перед лицом «советской угрозы». Бедный Бенсон! Он то и дело хватался за голову, вскакивал, шептал:

— О, какой позор! Лучше бы вспомнили в этот день о сиротах и вдовах!

— Лжешь! Лжешь! В июне, когда мы высадились в Нормандии, русские уже освобождали Европу!

В отсветах камина и телевизора я как бы видел его в объемной фотокамере — тогда и теперь одновременно. Но что общего между

юным лейтенантом британских королевских воздушных сил, новоиспеченным пилотом-истребителем и этим худым и гибким, будто лоза, стариком-юношей, владельцем замка, а в том замке — сундука со 110 сказками? Каким был Бенсон 40 лет назад, каким встретил войну и каким с ней расстался?

Он ворошил в камине угли, всматриваясь в свою странную жизнь.

...Было время в начале 50-х годов — на заре ядерного века, — когда в Соединенных Штатах Америки насчитывалось шесть частных атомных убежищ. Одно из них вырыл для своей семьи тридцатилетний миллионер Бернар Бенсон. Чтобы читателю легче было соотнести с эпохой перипетии этой судьбы, предлагаю опорные сведения: Бернар Стэнли Бенсон родился в 1922 году в Англии, в профессорской семье, говорившей на девяти языках, до цента проедавшей зарплату текущего месяца. От матери-француженки наследовал Бенсон какие-то доли польской и венгерской крови. «Я европеец смешанных кровей, значит, европеец чистой воды!» Когда Бенсону нравится шутка, своя или чужая, он, как минимум, прищелкнет пальцами, или крутнется на пятке, или захлопает в ладоши, а то даже издаст: и-и-э-эх! — на индейский лад или, может, ковбойский. Все-таки почти 15 лет европеец чистой воды прожил в США и заметно американизировался. Из Европы он уехал без гроша, а вернулся в Европу с миллиардом, но лишь затем, чтобы немедленно его спустить. «И-и-э-эх!»

Разбогател Бенсон на изобретательских патентах, большая часть которых поныне заперта в сундуках военных ведомств Запада, а разоряться начал... сочиняя и складывая сказки в свой замковый сундук. Странно думать: патентов и сказок у него сейчас примерно поровну — там счет за сто, и тут за сто. Система телеуправления для торпед. Ракеты с самонаводящимися головками. Крыло «Дельта» для сверхзвуковых самолетов (в соавторстве с Дж. С. Филпотом). Бенсон изобретал «идеи», «принципы» — на язык войны, в оружие их переводили другие.

— Я учился в Кембридже. Тут же после войны получил приглашение в США в фирму «Дуглас» и ангажировался на три года. США в ту пору были поистине научным Эльдорадо. Я увлекся созданием странных аппаратов, в практическое использование которых тогда совершенно не верили. Их так и прозвали: «игрушки ученых». Я построил машины двенадцати типов. О, сколько было обидных насмешек! А потом вдруг «игрушки ученых» — компьютеры — вошли в моду, но еще не скоро я ужаснулся, увидя, какой интерес к ним проявили Пентагон и ЦРУ. Я был в этих органах, как говорится, «своим человеком». Не знаю, существовали ли тогда технические секреты, в которые я не был бы посвящен, во всяком случае в близкой мне области науки. Когда шла война, морализировать было поздно: ее нужно было сначала выиграть. Но мне и в голову не могло прийти, что я опять работаю на войну. На новую войну!

— И все же: как это вам открылось?

— Даже с трагедией Хиросимы и Нагасаки я каким-то чудом примирил, по молодости лет, свою совесть. Ну что же, сказал я, помню, себе тогда, ведь идет война! А война жестока. Увлечение электроникой после войны было для меня радостным, полным новых открытий, которые, казалось, несут человечеству только блага и счастье. Я сконструировал фотокамеру, способную снимать под углом в 360 градусов, и специально для рекламного объемного фильма спустился на осле в Большой Каньон в Колорадо: ново! интересно! смешно! Жизнь полна была таких ощущений и предчувствий. Война? Она была в прошлом, оставалось только залечивать раны. Своему французскому другу, тяжело раненному гранатой, я сконструировал искусственные руки, которыми он может не только брать и класть предметы, но даже ощущать их. Дочь моя однажды вывихнула плечо. А почему бы к этому маленькому вибратору, которым мы массировали ее ушиб, не подключить карандаш-самописец: должно быть, получатся очень смешные и забавные рисунки? Это изобретение, на которое я потратил меньше часа, сделало меня миллионером: игрушка Бьюзи Бьюз вызвала повальное увлечение американских детей...

— Это и был ваш первый подарок детям?

— Пожалуй. Бьюзи Бьюз может легко нарисовать или зачеркнуть человечка. И я вполне допускаю это в игре или сказке, но совершенно исключаю в жизни.

Мысль ученых, их военных заказчиков и потребителей направлена в деструктивную сторону, грозящую планете испепелением, обледенением, наводнением, отравлением, пожаром! Вот что поистине ужасно. Убивать человека как можно дешевле — таков принцип антигуманной науки. Рядом с лабораторией, в которой работал я, над совершенствованием атомной бомбы трудился мой коллега. Бедняга недавно умер, уже весьма известным ученым. И вот вспоминаю один наш разговор. Он жаловался: нашел, мол, коэффициент 1,2, но этого мало... вот если найду хотя бы 1,3, тогда это примут как успех... Можете ли вы предположить, о каких коэффициентах мы говорили?! О количестве смертей от одного взрыва! Потом достигли коэффициента и в 3 миллиона, и в 5, теперь уже и в 40 миллионов. Мегасмертность! Термин варваров. У разума есть границы, безумие лишено всяких границ! Вы вообще-то как представляете себе человечество?

— Гм... Как четыре миллиарда живых и думающих существ на земле...

— То есть как совокупность? Прекрасно. Вот теперь давайте-ка мы эту совокупность соберем в один кубометр. Кубометр жизни, да-да! Вообразите, что сверху вниз мы рассматриваем слои, образовавшиеся в этой совокупности. Политические деятели... это слой в одну сотысячную миллиметра! Размер бактерии, которую и рассмотреть-то можно только в самый сильный микроскоп. Коммерсанты, финансирующие правитель-

ства и извлекающие из военных заказов колоссальные прибыли: слой в одну десяти-тысячную миллиметра, невооруженным глазом не различить! Ученые, число которых я определил в пятьсот тысяч человек: толщина листа бумаги. Гражданское население, втянутое в военное производство: двадцать пять миллионов человек на земле, или шесть миллиметров в толщину. И столько же — шесть миллиметров — составляют профессиональные военные кадры вместе с призывниками. Подведем итог: в нашем человеческом кубометре перечисленные категории лиц составляют слой всего-то в 1,3 сантиметра! И это они угрожают отправить на тот свет всех остальных, то есть 98,7 человечества?!

— Мистер Бенсон, позвольте? Следуя вашей логике, вы уже несколько раз убивали сами себя.

— Я?! — предо мной выросли два привидения, одно недвижимое, огненно-седое, другое в бликах пламени черной тенью плясало на стене.

— Вы были военным, хотя так и не взяли в руки ружье. Отсюда вы поднялись выше, в категорию ученых, и ваш вклад в гонку вооружений...

— Да я все проклял! Все бросил! Все из сердца вон!

— Однако, прокляв, вы перебрались еще выше, в категорию коммерсантов, и даже нажили целый миллиард?

Бенсон опустил в кресло так порывисто, словно сел на свою тень. У него «за-

Бернар Стэнли Бенсон

болела совесть» уже к концу контракта с «Дугласом», что завуалированно означало контакт с Пентагоном, и он оставил ей слабое, по сути, символическое утешение, прервав контракт за день до его истечения. «И-и-э-эх»! 1 апреля 1950 года, подшучивая сам над собой, Бенсон основал в США свою первую фирму. За шесть—семь лет он доведет их число, по обе стороны Атлантики, до 30. «Компьютеры Бенсона!» «Электронные игрушки для детей: Бенсон!» «Бьюзи Бьюзи!» Он утешал себя тем, что работает на медицину и метеорологию, на геологию и гражданскую авиацию, дарит радости родителям и детям, потому что компьютеры, большие и маленькие, полезны были всем и везде; но разве мог не знать Бенсон, что процветание его предприятий в первую очередь обязано было заказам военных ведомств? Мир вибрировал и остывал, даже очаровательный самопишущий-рисовальщик забился в угол под напором новых электронных игрушек — «игры разрушений», «игры сражений»... Богат Бенсон! — а душа угнетена. Он вырыл бомбоубежище около дома, способное выдержать удар бомбы в 50 мегатонн, и раз от разу устраивал учебные тревоги для семьи: за 15 минут девять человек оказывались в укрытии, куда русская бомба достать бы не могла. Он снял гнет с души... но, оказалось, придавил этим гнетом совесть. Он спасется, его дети спасутся, а другие? а дети других? Бенсона — сужу по интервью тех лет и лекциям, с которыми зачастил он выступать в американских университетах, —

мучила мысль о «скорости без управления»: мир слепо мчался навстречу гибели, незримые силы нажимали на акселератор, но где педаль тормоза? где руль?

И так-то подкрался день, перевернувший жизнь Бенсона.

— ...Я только что разработал и выпустил ЭВМ, способную с огромной скоростью отыскать необходимую информацию в банке данных. Это и было поводом для моего выступления по телевидению в Сан-Франциско. Неожиданно передачу прервали, и новость стоила того: русские запустили на орбиту первый космический спутник! Известие было ошеломляющим. Меня попросили тут же прокомментировать его. Я извинился, попросив телезрителей дать мне на размышление полминуты. И вот что я сказал. Повторись этот день сегодня, я сказал бы точно то же самое! Американцы, сказал я, сегодня вы встали перед историческим выбором. Одно из двух! Либо вы разобидитесь на русских, мол, как же они посмели, крестьяне неотесанные, самой Америке бросить такой вызов! — и если вы поступите так, если сосредоточитесь умом на способах охоты за русскими спутниками, то это станет началом третьей и последней мировой войны. Но у вас есть другой путь. Скажите русским: браво! Мы, великая Америка, самая могущественная в мире держава, на пороге новой эры голосуем за долгосрочную программу мирного освоения космоса, который открывает человечеству колоссальные перспективы развития. Я сказал: вопрос не в

техническом престиже или уязвленном самолюбии. Русские сделали жест доброй воли, и самое опасное — истолковать его недружелюбно, агрессивно, ибо это может стать толчком к невиданной гонке вооружений, началом конца.

— Какой же была реакция Америки в те дни?

— О! Следующие дни явились для меня крушением всех моих надежд, карьеры, жизни. Это Великой Америки было оскорблено. Газеты полны были желчи, раздражения против России, писали о возросшей «советской угрозе», открыто призывали бросить вам вызов. Кончилось тем, что конгресс утвердил бюджет космической программы, агрессивный характер которой даже не маскировался. Началось! Я понял, что мое семейное бомбоубежище — это паутина, нарисованная Бьюзи Бьюзом...

Миллиардеру было 36 лет. Одну за другой он продал все свои 30 компаний, закончив парижской фирмой, которая, впрочем, доныне сохраняет в своем названии имя ее основателя. Два года Бенсон мелькал на университетских кафедрах, конференциях ученых, телеэкранах и газетных полосах всего мира. Он нашел не только руль (мирное сосуществование двух систем ради общечеловеческого прогресса!), но и педаль тормоза (многостороннее и одновременное разоружение!). Он посещал развалины старых цивилизаций, щедро одаривая миллионами реставраторов старины, и в таких-то вояжах встретился с тибетским мудрецом, что 32 года

размышлял над природой Эго. От него он вышел преображенный. Ухнув чуть ли не все свое состояние в строительство тибетских школ, больниц, монастырей, Бенсон получил развод от жены, но все семеро детей решили остаться с отцом. И тут заговорила в нем французская кровь матери. Он кружил на вертолете над лесами Дордони и, выглядев хорошо спрятанный лешими полуразваленный замок, купил его вместе с клином в 350 гектаров.

На следующие 15 лет мир позабыл о чуде-миллиардере. Но вот он сочинил 109-й скрипт, назвав его не по канонам сказки: «Книга мира», и повез дарить президентам, премьер-министрам, главам церквей, королям, сенаторам, ученым, комитетам борьбы за мир, пацифистским организациям, вдруг проросшим повсюду, словно грибы после доброго дождя. В декабре 1981 года приехал Бенсон и в Советский Союз, представил книгу по телевидению. Но что же стронуло Бенсона в путь, что лишило созерцательного покоя среди пришедших философов и охочих до бесед дордонских крестьян? Я вопрос свой, не без умысла, повернул вот так:

— Если взять тот человеческий куб, о котором уже говорилось, то вы в нем все время поднимались вверх. От военнослужащего — к ученому. От ученого — к промышленнику. А от промышленника... да вот и сейчас вас приглашают к себе главы четырех государств. Вы сделались политиком, мистер Бенсон?

— Нет! — крикнул он так, что в затуха-

ющем камине загорелись угольки. — Я там, где вся человеческая совокупность! Мне не нужно больше бомбоубежищ! Ни в какие пещеры я не побегу, пока на свете есть хотя бы один незащищенный ребенок! Если должна на меня упасть бомба по команде какого-нибудь глупого компьютера, то и пусть упадет! Шляпы и то не надену! Мы не настроимся бомбоубежищ на всех! Зарываться в пещеры, когда мы можем летать на планеты! Кто сказал, что мир — это дело политиков? Мир — это дело всех! Капитализм и социализм существуют на одной земле, это — факт, против которого нельзя идти с бомбами! Вся человеческая цивилизация на карте, а не какая-нибудь одна система! Наступает самый черный период человеческой истории! Мы либо образумимся, либо сгорим!

Когда мы встретились, Бенсон заканчивал свой 110-й скрипт.

«Птица мира».

Взлетит ли она? Пророчества не абсолютны, и репортажем-сказкой Бенсон решил опередить собственный проект.

В честь юбилея ООН в небо планеты взлетает самолет — «Птица мира». На борту его 320 ребят, по двое от каждой страны.

Они везут с собой Кнопку Разоружения — последнее и лучшее изобретение Бернара Бенсона.

Всемирный телевизионный репортаж: главы стран и правительств под взглядом всей планеты, перед глазами всех ее детей нажимают Кнопку Разоружения. Затем она на вечное хранение сдается в музей ООН.

Этот полет — прелюдия к 1986 году, объявленному ООН Годом мира. А в Году мира — апофеоз: всемирный референдум со свечками.

— Все, кто за мир, пусть выйдут ночью из дома с каким-нибудь огоньком в руках. При нынешней-то технике околоземной спутник — Око Мира — запросто сосчитает голоса. Какой праздник можно устроить, какое волеизъявление за мир! — слушая Бенсона, странно примолк даже лес. — Если не выйдут иные папы-мамы и не пустят своих детей, то по крайней мере все человечество будет знать: таких — ничтожно мало! Бактерии! В микроскоп не разглядеть!

Я поймал паузу в этом восторженном, но, увы, не абсолютном пророчестве и спросил:

— Как вы посчитаете, например, сколько же ученых выйдет?

Бенсон осекся.

— Да, тут нужно бы кое-что предварительно сделать, — сказал он, помолчав. — Нам необходимо что-то вроде деонтологии, кодекса врача. Работать только на благо человечества и не вредить ему. Кто не подпишет кодекс, тот не вправе носить звание ученого. Ни в какой области науки!

— А священнослужители? Большинство католических епископов в Европе против замораживания ядерных средств, так же как большинство протестантских пастырей в США. Если они и призовут паству взять свечи, то не внушат ли все ту же идею: дескать, миру мешает только «советская угроза»?

— Боже мой, как все сложно, — шепчет Бенсон, понурый, с глазами, полными слез. —

А вы еще спрашиваете, какой же я веры! Да никакой! У меня одна теперь вера: бездействовать — преступление, грех! Размышлять — хорошо, но мало! Делать надо что-то, делать!

Право, да не в свое ли прошлое вглядывается Бенсон? Разве не расплатой за это прошлое стали годы уединения в Дордони, в котором замуровал он себя на манер мудреца, размышлявшего над природой Эго? Не зря любимый мотив его сказок — «глаза, обращенные внутрь себя...».

Все слуги давно отпущены из замка, бывший миллиардер сам колет дрова, выпалывает крапиву в огороде, а жена Мариз моет полы, возит в школу детей, готовит на всю семью. При той обширной переписке, какую ведет владелец замка, пришлось теперь компьютеру взять на себя и учет каждой почтовой марки. Беден Бенсон! — но светел душой. Мне пришлось оказаться у него в день... 16-летия свадьбы. Было французское шампанское, ну, и русская водка нашлась. Уго-раздило же меня рассказать, что по-русски с 15-летнего юбилея брак считается медным. Бенсон куда-то исчез, мы, правда, и внимания не обратили. Как вдруг по замку — шаги Каменного Рыцаря: топ! топ! Это Бенсон где-то среди замкового хлама отыскал медную чугунку на добрых сто кило — и положил к ногам невесты, задыхаясь, по-рыцарски отдав ей честь. Дочки визжали от счастья, Мариз утерла глаза, ну а мы с Бенсоном отволокли эту тяжесть назад, и он спросил: так, что ли, поздравляют невест

по-русски? Я ответил: да, примерно так.

Но и самоочищение не принесло покоя: оно могло в лучшем случае загладить, но никак не искупить перед миром его вину. Вот почему еще раз сломана тесная оболочка Эго — и бывший преуспевающий милитарист стал борцом за мир. С грохотом распахнут ларь, извлечены оттуда сказки-наставления замковых лет, замигал буквенно-цифровой зеленью компьютер, накручивая выставленные автору издательствами счета-долги. Был Бенсон — талантливый изобретатель оружия. Был Бенсон — удачливый коммерсант, миллиардер. Был Бенсон — затаившийся в тиши философ-одиночка. И вот родился Бенсон — сочинитель книг, пронизанных страстной мечтой о мире. Проклято не только оружие убийства — все, что Бенсон наизобретал: торпеды, ракеты, Кнопки Смерти. Прокляты даже невинные, казалось бы, игрушки с баталиями и разрушениями: ведь рожденные тем же деструктивным умом изобретателей, они приучают к мысли о насилии, убийстве, хладнокровном восприятии чужого страдания. Бернар С. Бенсон уже глава целого движения: странная ветвь западного пацифизма, обращенного к детям, но через детей-то — ко взрослым... Во Франции, Англии, Голландии возникли даже «Комитеты Бенсона», где его «Книга о мире» и «Птица мира» стали руководством для чтения, размышления и действия. Еще не была отдана в печать «Птица мира», а «Комитеты Бенсона» уже вышли на взлетную

полосу. Компьютер со всего мира принимал пожелания и поправки в рукопись: вместе с Бенсоном эту книгу писали тысячи людей, замышляя ее как политическую сказку-быль для детей всей земли.

— Четверть века назад я понял, что начинается космическая гонка вооружений, и, к сожалению, не ошибся. Предложение СССР начать переговоры о недопущении гонки вооружений на космических орбитах раз за разом отвергается американской стороной.

Он взял в руки свою последнюю игрушку для детей и взрослых. Она была сделана из тяжелой прозрачной пластмассы. Лишь просвечивала изнутри белая спираль пружины и ярко-красным пятном, казалось, горела контактная кнопка.

— Наше сознание затянута вуалью... Знаете, как нелегко ее сбросить! Ведь за эту вуаль платят. Рейгановский шовинизм, охвативший Америку, шокирует не только меня. Вы знаете календарь профессора Корнеллского университета из США Карла Сагана? Он условно свел историю нашей планеты к одному году. Человек на земле, по этому календарю, появился 31 декабря в 22 часа 30 минут. Христос и Будда возникли за четыре секунды до полуночи. Бомбардировка Хиросимы и Нагасаки произошла меньше секунды назад. У нас осталась одна секунда, чтобы предотвратить милитаризацию космоса, способную повлечь за собой конец света. Вы понимаете? Это одна секунда на всех — на взрослых и детей.

Почти безотчетно для себя Бернар Бенсон нажимал на упругую Кнопку Разоружения, свою последнюю, свою лучшую игрушку: контакт! контакт! контакт!

17. Зачем динозаврам звезды?

Бородатый юноша, открывший мне дверь, сказал, что он тут «посторонний» — из «другой организации», с которой издательство «Коперник» просто делит этаж. Тем не менее к издательским анналам он имел доступ и довольно быстро разыскал книгу с этим нелепым названием: «Нейтронная бомба — против войны». На обложке имена: Сэмюэл Коэн — американский физик, «отец» нейтронной бомбы, и Марк Женест — французский полковник, о котором из предисловия к книге можно узнать:

«С редкой настойчивостью Марк Женест продолжал, во французской и американской военной прессе, свою борьбу в защиту доктрины ядерной обороны, которая зиждется в основном на нейтронном оружии, и все больше журналистов, политических деятелей, военных специалистов с интересом начинали прислушиваться к его аргументам...»

Итак, «родной» и «крестный» отцы нейтронной бомбы. Один изобрел. Другой учит швырять. Что это за странный союз? Как он возник? Почему?

Женест о Коэне. «...В Филадельфии мне пришлось однажды встретить странный персонаж. Он, как и я, присутствовал на симпо-

зиуме по контролю над вооружениями, он, как и я, не произнес там ни единого слова. Профессор Кинтер, организатор симпозиума, сказал мне: «Этот человек должен вас заинтересовать, учитывая ваши идеи. Это Сэм Коэн, отец нейтронной бомбы. Вы с ним работаете на одной волне».

Сэм рассказал мне свою историю, и я быстро понял, что мы действительно работаем на одной волне. Когда-то он трудился в Пентагоне со своим другом Ваном Кливом, который участвовал в первых переговорах по ОСВ в Хельсинки. Два друга мечтали опубликовать свой общий, во всех отношениях замечательный манускрипт: «О тактической ядерной войне». Однако напечатать его в США оказалось невозможно: он противоречил американской политике того времени, которую они, так же как и я и по тем же причинам, отрицали. Бросив вызов официальной доктрине, они, по их словам, могли бы потерять работу: даже в стране самой развитой демократии свобода слова, несмотря ни на что, сопряжена с риском и накладывает определенные лимиты... Тогда я предложил опубликовать их труд во Франции, так как в то время «Ревю милитэр женераль франсэз», журнал, руководимый генералом Дайе, охотно печатал неортодоксальные тексты (даже мои) на трех языках (французском, английском, немецком), причем совершенно независимо, без каких бы то ни было политических оглядок. Из дополнительных предосторожностей Сэм Коэн и Ван Клив попросили одного из своих друзей, Лоуренса, под-

писать манускрипт вместо них. Лоуренс, как профессор университета, своим служебным положением не рисковал...»

Описанная сцена встречи Женеста и Коэна состоялась в 1969 году, когда американской нейтронной бомбе исполнилось от роду... 11 лет! Это произошло в «мертвый сезон», длившийся по разумению «ястребов» непомерно долго, с 1963 по 1977 год, от Джона Кеннеди до Джеймса Картера: в мире медленно и трудно воцарялась политическая разрядка. Новое оружие рождалось и совершенствовалось, но по крайней мере наталкивалось на моральные препоны. «Нейтронная бомба — бомба капитализма. Она аморальна и не может иметь места в арсенале цивилизованной нации» (из заявления сенатора от штата Нью-Мехико Клинтона Андерсона на заседании Комитета по атомной энергии конгресса США, 1960 год). И все же «ястребы» при всякой возможности старались помешать установлению политической разрядки. Публикация во французском военном журнале и побудила газету «Нью-Йорк таймс» поместить серию материалов, ратующих за доктрину локального применения ядерного оружия.

Коэн о Женесте. Физик тоже приметил стратега, работающего с ним «на одной волне», задолго до их официального знакомства. Уже в начале 60-х, когда только-только затеплилась разрядка, «некий французский офицер из американской Военной школы опубликовал нашумевшую работу в журналах сухопутных и военно-морских сил США.

Это было первое смелое опровержение официальной американской доктрины: полковник Марк Женест беспощадно отвергал ее. Силы стратегического ядерного возмездия, доказывал он, должны быть дополнены системой тактической ядерной защиты вдоль всего железного занавеса...».

Десять лет «родной» и «крестный» отцы трудились рука об руку, в деталях вырабатывая новую военную доктрину. Они ждали, что пробьет ее час, и не ошиблись. В 1975 году было принято решение ввести в арсенал НАТО ракеты «Лэнс» с нейтронными боеголовками.

«Америка предпочла потерпеть унижительное для себя поражение в Корее и Вьетнаме», «обречла на смерть миллионы молодых американцев, вместо того чтобы воспользоваться бомбой...»

Оказывается, государственный секретарь США Аллен Фостер Даллес еще в 1955 году без обвиняков высказался за нейтронную бомбу и возможность ее «локальных применений»!

Но «ястребы» тоже не всегда разумели друг друга. «Москва, — пишут «отцы», — излюбленная цель генерала Кюртиса ле Мэя, уже тысячу раз была уничтожена в его военных экзерсисах...» Это тот самый генерал, некогда командовавший ВВС США, который в свое время прогнал Козна, крича:

— Единственный прогресс, которого я требую у ядерных инженеров, это сконструировать такую бомбу, которая одним ударом могла бы уничтожить Советский Союз!

— ...Когда вы изобрели нейтронную бомбу?

— Это произошло летом 1958 года.

— Она убивает людей, но щадит материальные ценности. Находите ли вы это моральным?

— Когда меня спрашивают, не аморально ли убивать людей, но щадить собственность, я всегда отвечаю: эти люди — солдаты противника, а пощадить гражданские материальные ценности — очень правильно.

— Ваш сын служит на флоте. Как вы будете себя чувствовать, если он станет жертвой бомбы?

— О нет, нет, нет! Только не флот. Бомбы не предназначены для применения на море. Я предпочитаю обычную бомбу или торпеду. Тогда мой сын сможет спастись, например, на плоту...»

Подобными интервью Сэмюэла Коэна густо запестрели западноевропейские газеты с конца 70-х годов. Американский сидень пустился в пропагандистские вояжи в Старый Свет, где излагал стратегию новейшего оружия.

И вдруг — сенсация! Тот же Коэн, крупными заголовками, во всех газетах:

«Я отвергаю свою бомбу. В ней больше нет смысла!»

Как же долго и тяжело созревала в нем эта метаморфоза! Приглашенный когда-то на обед в Ватикан, Коэн протянул руку молодому иезуиту и назвал себя. Последствия были самые печальные: иезуит выронил ложку и лишился чувств. Нелепый ин-

цидент хоть как-то смягчили следующие знакомства. Больше в обморок при рукопожатиях никто не упал. Коэн даже услышал ободрительный вопрос: «Надеюсь, вы работаете на благо мира?» — «Ну разумеется!» — ответил он.

«Мы не видим никакой ситуации, в которой ограниченное развязывание ядерной войны, сколь бы ни были лимитированы ее масштабы, могло быть морально оправдано...»
«Мы постоянно требуем у НАТО как можно скорее примкнуть к обязательству неприменения ядерного оружия первыми, что не исключает одновременного развития альтернативной стратегии равной обороны...»

Послание американских католических епископов «О войне и мире», строки из которого процитированы выше, родилось в обстановке массовых пацифистских дискуссий и демонстраций в США на фоне безудержной гонки вооружений, развязанной администрацией Рейгана. Католическая церковь Америки высказалась за замораживание ядерных средств всех видов. Но только ли это помогло прозреть «доброму католику» Сэмюэлу Коэну? Как связать доктрину «ограниченной ядерной войны» с одновременным рывком военщины США в космос, к «войне звезд»? Как морально согласуется «булавочное применение» нейтронной бомбы на полях сражений с пучковым и лазерным оружием, способным облучать обширные участки земли? Да, единственный честный выход, который и можно было найти из этого милитаристского тупика, это сказать своей бомбе «нет»...

Сэмюэл Козн и Марк Женест представляли собой типичную пару изобретателя и стратега. Эдвард Теллер не только «довел» и без конца «усиливает» свою водородную бомбу, он же сам поучает военных стратегов, как ее применять. Бернар Бенсон в одном лице воплощал изобретателя и коммерсанта. Джон фон Нейман, соединивший в одну упряжку бомбу, ракету и компьютер, явился в этом смысле чем-то вроде Зевса на оружейном Олимпе США: изобретатель-коммерсант-стратег! Миру чаще всего слышны лишь имена таких корифеев науки смерти. Но военно-промышленный комплекс США хорошо запомнил урок Хиросимы, когда подавляющее большинство авторов Манхэттенского проекта устроили обструкцию собственной атомной бомбе. Одних пугнули, сломали, оставили без средств к существованию, как, например, научного руководителя проекта Юлиуса Роберта Оппенгеймера. Других, как Энрико Ферми, Ганса Бете, удалось вернуть в лаборатории все на той же «патриотической волне»: ее до высоты девятого вала раскачала американская пропаганда в период корейской и вьетнамской войн. И лишь малая часть корифеев находит в себе силы сойти с «марсовой тропы», чтобы больше на нее не вернуться.

Хотя корифеи по-прежнему «на вес золота», в настоящее время главная надежда магнатов военно-промышленного комплекса возлагается уже не на них. Пентагон помимо собственных научных центров все шире финансирует американские университеты. Там

конструируют винтик, не зная, что он к фитильку. Тут творят засекреченные фитильки к сверхсекретным супербомбам. Плодят чумных крыс, экспериментируют с дельфинами, муштруют бактерии, сгущают яды. Атом сделал свое дело — атом может до нажатия кнопки почить! Начинается эпоха химико-бактериологической, лазерно-космической оружейной лихорадки...

И все снова: новые люди, новые имена. А сколько еще — без лиц, без имен, которым некуда уйти от своих лабораторных винтиков, мышек, бактерий! Это ведь «чистая наука», как когда-то чистыми слыли компьютерная математика, расщепление ядра. Это не они, это кто-то повыше их голов, некие злые маги сливают чистые ручейки знания в отстойники смерти...

В эпоху, теперь уже дальнюю, когда и атом слыл чистым, Эдвард Теллер в шутку выдвинул лозунг: «Злобное удовольствие есть чистейшее из удовольствий». Наука смерти, питаемая капиталами, сегодня вполне могла бы начертать на своих скрижалях эти слова.

Три года спустя по выходе книги «Нейтронная бомба — против войны» полковника Марка Женеста я встретил в Риме. Лишившись компании «родного отца», «крестный» не остался без дела. Теперь он завсегдатай симпозиумов, коллоквиумов, конференций, что без конца проходят то в одной европейской столице, то в другой, пропагандируя «космический щит» против войны на земле.

Молодая рабочая Франция

Полковник согласился на интервью.

— Пучковое и лазерное оружие в космосе — это значит, что ракеты даже не поднимутся с земли, — сказал он.

— Чьи ракеты? — спросил я.

— Ваши, конечно, — сказал полковник нетерпеливо. — Космическое оружие Запада — это средство сдерживания угрозы со стороны СССР!

— Но, полковник, СССР перед всем миром принял на себя обязательство не применять ядерное оружие первым. Ни НАТО в целом, ни одна из стран — членов НАТО такого обязательства до сих пор не взяли!

— Эта область меня не касается, — наморщился полковник. — Я не философ и не моралист. Я стратег и занимаюсь вопросами чисто военными. Атомная, водородная, нейтронная бомбы могли служить сдерживанию

до тех пор, пока не появились у вас. Теперь требуется космическое сдерживание.

— Но ведь все это противоречит соглашениям по ограничению стратегических вооружений. Перенеся гонку вооружений в космос, США тем самым попрали принцип равной уязвимости сторон. Зачем? Не может ли доктрина обороны связываться с соблазном первого удара?

— Космическое оружие служит защите, а не нападению, вот почему теперь только оно может эффективно обеспечить мир на земле. И потом, неужели вы собираетесь уверить меня, что в СССР не работают над этими проблемами? Да ведь вы и начали — с запуска первого искусственного спутника Земли!

Тут я со жгучим интересом взглянул на полковника. Цивильный костюм, венчик седых кудрей на голове, панибратская речь: «А, бросьте!», «Слушайте, а вы мне симпатичны, я не хотел бы вас убить!» Военно-промышленный истеблишмент, так сказать, в живом виде. Так вот среди каких людей жил и работал Бернар Бенсон, вот кому бросил он свое проклятие! Когда мы запустили на орбиту первый искусственный спутник Земли, когда торжествующе-мирные сигналы «бип! бип!» оповестили планету о выходе человеческой мысли в космос, динозавр тоже поднял голову к звездам. Но тогда у него лишь заломило шею от натужной мечты.

Четверть века спустя мечтой динозавра рождена «космическая военная администрация США».

- «— А для чего тебе владеть звездами?
- Чтобы быть богатым.
- А для чего быть богатым?
- Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет...
- А как можно владеть звездами?
- Звезды чьи? — ворчливо спросил делец.
- Не знаю. Ничьи.
- Значит, мои, потому что я первый до этого додумался».

*(Антуан де Сент-Экзюпери,
«Маленький принц».)*

18. «Новые крестьяне» из Прованса

Гора Зензин не бог весть как высока, но не все ли равно, когда сбоку от тебя пропасть? Каждый камень, предательски стрельнувший из-под колес, отзывается холодным уколом в сердце. В машине у меня включено радио, на горе крутят русскую плясовую, вдруг она стихает, и на ее фоне я слышу голос диктора — узнаю, это Роллан:

— Дорогие радиослушатели, как мы сообщали, сейчас на радио Зензин состоятся дебаты с участием советского журналиста. С минуты на минуту он должен прибыть. Просим извинить нас за небольшую задержку и воспользоваться ею, чтобы приготовить ваши вопросы.

И как еще я не свалился в пропасть от этой новости! Ведь просил же их ни в какие радиодebаты меня не включать, ведь обещали же. Однажды, приняв их приглашение при-

ехать на новогодний праздник, я на беду свою прихватил в машину самовар — настоящий, тульский, с трубой, а дырявый сапог для раздува углей нашелся, разумеется, на месте. Все сто человек влюбились в самовар так, что увезти его обратно в Париж уже не хватило духу. Так он и остался на горе Зензин. Но представьте мое состояние, когда на следующий день тот же Роллан всю округу известил по радио, будто я привез им «автомат Калашникова, который варит чай». Хорошо еще, что там, на горе, радио, а не телестанция, не то бы они и продемонстрировали эту выдыхающую искры, выгнутую коленом трубу, которую — все так же продолжая шутить — они направили в сторону плато Альбион...

Где-то оно тут неподалеку. Если бы я мог оторваться от этой треклятой дороги, достаточно было бы на секунду оглянуться назад.

«Как предусматривалось программой, утвержденной еще в 1972 году и проводившейся в жизнь при президенте Жискаре д'Эстэне, два агрегата по девять стратегических ракет «S-2» в каждом заменены на плато Альбион (Верхний Прованс) ракетами «S-3». Каждая из них оснащена термоядерным зарядом мощностью в мегатонну... в пятьдесят раз превышающей мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму», — писала газета «Фигаро» в январе 1983 года.

Уф! Я наконец въезжаю на верхушку горы, поросшую редким лесочком, навстречу пуком стрел вылетают дети и псы. Иду к домику с высоко торчащей над ним радиоантенной. На камнях перед ним, как всегда,

Встреча Нового года
в кооперативе «Лонго май»

сидят мои друзья, в термосах кофе, выведенный наружу приемник оглашает гору:

Калинка-малинка моя-а-а...

Все это прелюдия к дебатам, что ли?

Роллан улыбается навстречу, догадываясь, конечно, что я сержусь. Но он приготовил сюрприз. Рядом с ним сидит незнакомый мне человек.

— Знакомьтесь, — представляет его Роллан. — Это генерал Пьер Матра — пятый боевой и первый мирный командир полка «Нормандия — Неман». Он уже выступил по радио. Теперь твой черед.

Меня уже зовут к микрофону. Рядом садится Роллан. «Дорогие радиослушатели, как мы вам обещали...»

Пока ты говоришь один, все ничего. Ты следуешь собственному плану, сбился — поправился, забыл — вспомнил. Неожиданно серьезен и Роллан, он ведет меня вопросами, составляющими самую злобу дня, даже не помяная об «автомате, который варит чай».

Но вот начинаются вопросы радиослушателей.

— Вы сказали, что английский эскадренный миноносец «Шеффилд», затонувший у Фолклендских островов, имел на борту атомное оружие, я вас верно понял? — возникает из эфира вежливый фальцет.

— Да.

— Мсье... или как к вам лучше обращаться: камарад?

— Как вам угодно.

— Камарад, вы, должно быть, располагаете секретами советского генштаба, раз вы утверждаете такое. Из вашего утверждения я лишь могу заключить, что, как писали в нашей прессе, Советский Союз действительно наблюдал, чтобы не сказать шпионил, за районом боевых действий в районе Фолклендских островов, да еще пускает по миру всякие нелепые слухи...

Даже у Роллана вытянулось лицо. Через окошко мне видно, как там, перед домиком на камнях, кто-то поперхнулся кофе, ему стучат по спине. «Спокойно!»

— Каким это чудом вы столь информированы, камарад? — не унимается фальцет. — Почему французам обо всем этом впервые сообщает советский журналист?

«Спасибо», — мысленно говорю я ему.

— Основываясь на сообщениях аргентинской и английской прессы, моя газета напечатала статью о ядерном грузе «Шеффилда». Во французской прессе я пока на этот счет не видел ни одной строки, но, будем считать, это случайная заминка...

— Скажите, а почему Советский Союз настаивает, чтобы французский и английский потенциал тоже включить в расчет ядерных сил двух блоков? Разве можно сравнивать силы Франции и Англии с силами СССР? Вы можете сокрушить нас в одну секунду, в то время как мы...

— Вы следите за тем, какая кампания ведется в прессе вокруг имени вашего земляка Нострадамуса?

— Ну, более или менее...

— А вы полистайте повнимательней. Вот они предо мной. Газета «Матэн»: «Сценарий тотальной войны, из которой победителями выйдут русские!» Журнал «Нари-матч»: «Наша единственная надежда — это «Першинги»!» «Фигаро-мэгэзин»: «Франция одна может уничтожить 80 процентов СССР!..»

— Ну и что? Пресса, известно, врет!

— Но врут ли генералы, которые печатают эти статьи? Они ведь даже не скрывают, что французские ракеты нацелены на восток, а кое-кто даже просит «Першинги» для Франции, вроде генерала Пьера Галлуа!

— Неужели вы допускаете дурацкую мысль о том, что Франция может напасть на СССР?

— А мысль о том, что СССР может напасть на Францию, вам не кажется столь же дурацкой?

— Но ваши танки...

— О, мой бог!.. — простонал Роллан и, выхватив у меня микрофон, спросил: — Вы кто такой?

— Я? Авиадиспетчер. А это кто, это Роллан?

— Да, — сказал Роллан, — это я.

— Я часто слушаю ваше радио и уже знаю ваш голос, — сказал авиадиспетчер, — и хочу вам прямо сказать, что некоторые ваши передачи воспринимаются как просоветские...

Вот тут Роллан не выдержал: он расхохотался. Он расхохотался на 80 километров окрест, так, что слышно было на север — до Швейцарии, на запад — до Авиньона, на юг — до Марселя и Ниццы, а может, даже до Италии, словом, в радиусе, на который хватает мощности передатчика «Радио Зензин».

— Так вот слушайте, авиадиспетчер! Чтобы была ясность, какую пропаганду по радио мы ведем, я скажу вам: европейцы сами должны решать свои европейские проблемы. Лучше всего будет, если в Европе вообще не останется никаких ракет: ни советских, ни французских, ни английских, ни, само собой, американских... Понятно?

Я счел, что на этом конец дебатам, и улыбался вместе со всеми — в радиодомике во время передачи сидело немало ребят, — как вдруг до моего сознания — о ужас! — дошло:

— А вас, авиадиспетчер, мы приглашаем посмотреть на «автомат Калашникова», сделанный в Туле. Это тот город, где трениро-

вался полк «Нормандия — Неман». Он пускает искры и варит чай...

Все-таки Роллан не удержался...

В начале 80-х альпийский кооператив «Лонго май» судился сразу с шестью парижскими газетами, и они полны были злобных статей о нем. С этого началось мое досье. Оказавшись однажды на юге Франции, я по вырезкам установил адрес и, была не была, поехал. Признаюсь, под ложечкой сосало. Газеты, кто во что горазд, клеймили собравшихся там людей «террористами», «гошистами», «анархо-синдикалистами», «необланкистами», «детьми мая», «сектой». Одновременно, однако, из статей следовало, что кооператив существует уже семь лет, люди, которых в противном случае ждала бы безработица, сумели в самом засушливом районе Франции купить недорого 300 гектаров горных земель — и ничего, живут. Я в ту пору познакомился в Гавре с сыном Мориса Тореза — Пьером. Он как раз защитил диссертацию, которую коротко назвал мне так: «Альпы — Кавказ». О миграционных процессах в горных районах. В Альпах за последние сто лет ушло с гор 2 миллиона человек. Особенно усилился этот процесс за послевоенное время. «Общий рынок» предпочитает хозяйствовать на землях равнинных, легко доступных технике, где всю могут развернуться аграрные монополии и крепкие фермеры — кулаки. Из диссертации Пьера Тореза вытекало, что социализм сумел куда

более ответственно и благоприятно разрешить весь комплекс проблем горного населения — от трудовой занятости до быта.

Европа на три пятых — горный массив... «Лонго май», что в переводе с прованского языка значит: «Живи долго», являл собой пример обратного хода миграции — в горы, к брошенной крестьянской земле.

Можно ли было во всей Европе найти более печальное зрелище того, как живородящую землю убивает война? Едва только в Верхнем Провансе успевало подняться новое крестьянское поколение, а вместе с ним снова начинал идти в рост хлеб, как то копытами, то гусеницами война вытаптывала людей и урожай. 1870—1871. 1914—1918. Великий кризис 30-х. 1941—1945. «Общий рынок»... Крестьянин во Франции платит налог за дом, пока он стоит под крышей. Уходили, проламывая крыши на могучих дедовских домах, — уходили в города, в долины, скатывались с гор, будто горох. Земля эта рожала только благодаря террасному земледелию и лесам — дожди и ветры, после того как ушел человек, неостановимой эрозией довершали разрушение земли.

Пьер Пелегрэн, один из немногих оставшихся тут крестьян, прямо со двора своего показывал мне окрест:

— Видите, на том взгорке ферма? Заколочена. А теперь во-он та, видите? Заколочена. На юг посмотрите, видите, и там ферма? Эта еще живет, но уже за тридцать ее хозяину, а в нашем краю не осталось даже невест. Скоро уйдет...

В 1969 году пришел сюда разноязыкий европейский молодой люд. Первые гектары купили буквально на гроши: кто мог, выпросил у папы-мамы «на гектар», кое-кто задолжался в банках, а в основном выручали общественные пожертвования... Первые годы они просто бедствовали. Не было воды, электричества, порушились террасы, засыпались колодцы, умирали не знавшие топора лески. Эти ребята взвалили на себя задачу, казалось, непосильную: они взялись выиграть три минувшие войны. Одно дело — что там когда-то записали дипломаты и решили конгрессы, кому прирезали кусочки европейской земли, а у кого отняли, кто оказался в своей стране дома, а кто на чужбине, — это известные счета всех войн. Только земля никогда забыть войны не может. Даже старый поржавевший топор, в ней забытый, может насмерть поранить человека, родившегося через миллион лет. А когда рвется связка земли с вододержащим лесом, с пашущим плугом, с плодородным зерном, тут уж, будь ты хоть сам Талейран, проиграй войну и выиграй на дележе земель, все равно она не даст хлеба или даст его только после нечеловеческих усилий.

Так начали 30 упрямых ребят в оголенных Альпах, по которым столько раз прокатился страшный каток войны, сопровождаемый столь же опустошительным катком кризисов. Покупать у разных убежавших хозяев пришлось только землю, — дедовские дома и амбары были что даровые камни. Начали с восстановления крыш...

Ландыши Первомай

Когда я приехал сюда первый раз, все было точно так же: бросились навстречу собаки и дети. Человек сто молодых людей, прикрывая ладонями глаза от солнца, смотрели, кто это пожаловал к ним. Гора Зензин стояла на своем месте, но радио тогда еще не было на горе — разрешение на локальные радио дало, после прихода к власти в 1981 году, правительство левых сил.

Все шесть процессов, кстати, они выиграли. Они выиграли больше: пари у трех войн и кативших вслед за ними экономических кризисов.

Так же, как сейчас, мы уселись тогда в тени дерева перед фермой.

Говорил Роллан Перро:

— ...Всякий народ, испытавший иго нацизма, мог рассчитывать на освобождение, притом не только в военном, но и в социальном плане. Тем более у нас, во Франции, где накоплено столько революционных традиций. Мы — я говорю, по крайней мере, о своей молодости, поколении 40—50-х, — мы верили тогда в социальную революцию, но жестоко обманулись. Де Голль не хотел возврата старой буржуазии, которая сотрудничала с врагом, но сам-то он представлял буржуазию... Развитие транснациональных компаний во главе с США приводит ко все большему отстранению европейцев от политических, социальных, экономических решений... Мы пытались противопоставить этому рабочую борьбу, забастовки 1947 года, но потерпели поражение... Наконец, шестьдесят восьмой год. Тогда-то мы поняли, что у молодого поколения, которое не знало войны, возникли сомнения в ценностях общества, что оно со все большей и уже не скрываемой неохотой воспринимало милитаризацию экономики, ее соскальзывание к мультинациональным формам организации. Когда на наших глазах были расшатаны основы двух надежнейших бастионов во Франции — профессиональных объединений шахтеров и докеров, мы поняли, что буржуазия выиграла партию, наступает эпоха «белых воротничков», а они объективно составляют неотъемлемый слой современной европейской эконо-

мики... Так мы решили создать кооператив «Лонго май», задумав его как систему европейских кооперативов, способных принимать молодых безработных, жертв индустриальной перестройки, — прежде чем на них наденут униформу и станут готовить к войне.

— Как же вы определили бы главную цель создания «Лонго мая»?

— Как молодежную структуру, которая противится процессам транснационализирующейся капиталистической экономики, милитаризации индустрии и общества. Вот так примерно...

Роллан Перро, не считая разве только крестьянина Пьера Пеллегрена, старше всех других членов кооператива. В алжирскую войну он оказался среди бунтарей, поднявших 404-й воздушно-десантный полк против ОАС. Подлежал расстрелу, 16 месяцев просидел в «одиночке»... Еще не скоро этот много повидавший человек встретит своих молодых друзей, представлявших уже новое, послевоенное поколение Европы. На конгрессе в Уаньи, в Бельгии, — было самое начало 70-х — они порешат:

«Чрезмерная городская и индустриальная концентрация на побережьях и равнинах Европы подвергается интенсивной «латифундизации», при этом огромные пространства все больше начинают походить на «пустые витрины». Такова первая стадия процесса, ведущего Европу, которую выжидают, будто половую тряпку, к статусу «третьего мира»...»

Вот почему они вернулись в горы, к «пус-

той витрине» земли. Купили старые тракторы и комбайны, починили их, кое-как приспособив работать на склонах. Связались с разными агроцентрами, выбрали самые подходящие для гор культуры и семена. Едва встав на ноги, открыли новые кооперативы-филиалы: в Австрии, в Швейцарии, еще один во Франции, наконец, в Коста-Рике — для беженцев из Никарагуа, тогда объятой пламенем гражданской войны...

Воспетый еще поэтами-трубадурами, Южный Прованс, кажется, в самом облике сохраняет символику плодородия и разрухи, плуга и меча. В этом разгоряченном мареве тишина и мерность пространства таковы, что недолго и потерять ощущение времени. Пахнет полынью, сеном, густо настоящим духом недалекого жилья и яблоневых садов. Если еще глаз различит вдали шагающую человеческую фигурку, вполне может пригрезиться, что то спешит скиталец-трубадур с котомкой яблок и стихов — уж не двенадцатый ли век на дворе? Или все же двадцатый? Или какой-нибудь промеж них?

Роллан Перро родился в городке Сен-Реми-де-Прованс, который слывет яблоневой столицей этого края.

Здесь он и назначил мне однажды встречу — «в кафе около церкви».

Он привел меня к какому-то мрачному дому в центре городка. Теперь тут «музей Мишеля Нострадамуса» (1503—1566), средневекового пророка, оставившего около 5 тысяч зарифмованных, написанных на дикой смеси старофранцузского с латынью

строк. Время от времени во Франции возникает «бум Нострадамуса». В 1981 году некий аптекарь Жан-Шарль де Фонбрюн издал книгу расшифровок Нострадамусовых стихов. Она разошлась тиражом почти в миллион экземпляров. Возникли повсюду кружки и комитеты, обсуждавшие книгу, из которой следовало, что через два года начнется война. Под руководством полковника Мишеля Гардера Центр по изучению стратегических вопросов в Париже спешно обработал Нострадамусовы пророчества и фонбрюновские расшифровки на компьютере и опубликовал извлеченный из них «сценарий третьей мировой войны» в журнале «Пари-Матч», который и задавал тон в этой кампании страхов и ужасов. Военные специалисты Центра внесли поправку — война начнется не обязательно в 1983 году, как считал Фонбрюн, а где-то между 1981-м и 1987-м. «Кремль развернет гигантское наступление клещами на двух военных театрах: один — Европа, другой — Юг: Персидский залив, Ближний Восток, Африка... На европейском театре СССР введет в сражение огромные наземные и воздушные силы — приблизительно 120 танковых и механизированных дивизий, три тысячи единиц тактической авиации с атомными бомбами...»

— Сколько помню себя, еще со школы мы смеялись над стишками Нострадамуса. В этом городе не найдешь никого, кто бы понимал его мирлитоны. Мирлитоны? Это значит... скверные стишки.

Он вдруг хлопнул себя по лбу и сказал: «Боже мой!» Обвел глазами, полными изумления, всех нас, сидевших за столиком кафе. «Как же я забыть это мог... Едем! Немедленно едем! Я вам что-то покажу!»

Мы ездили весь день: побывали на мельнице Альфонса Доде; в замке Черного пирата, еще во времена трубадуров державшего весь этот край в повиновении и страхе; завернули к домику Винсента Ван-Гога — здесь, в Провансе, он открывал пленэр; проехали мимо фермы, где вырос Роллан и куда по смерти деда пришли другие люди; а он все увлекал нас куда-то дальше, дальше. Углубились наконец в лес, вышли из машин. Он все не говорил, в чем дело, мы перешептывались за его спиной, полагая, что он ведет нас не иначе к Нострадамусу. Но вот Роллан нашел то, что искал. Он был сильно взволнован. Перед нами лежала поросшая кустарником и дикими прованскими травами, не знавшая плуга земля.

— Вот она... — сказал Роллан. — Еще в 1952 году один из друзей моего деда, антифашист Джулио Бартелли, оставил мне дарственную на эту землю. Где-то у меня и бумаги должны быть. Как же я про это забыл?

Ну, скажу я вам, не порадовался бы я на его месте! «Землевладелец! Латифундист!» Это были еще самые мягкие из тех шуточек, которыми вечером донимал его «Лонго май». Тут же, конечно, порешили, что Роллан должен разыскать дарственную и приобщить свой частный пятачок к кооперативу. По-

сколько Нострадамус, однако, в тот день не сходил с языка, взяли карту «третьей мировой войны», опубликованную в книге Фонбрюна и подправленную генералами из Центра стратегических исследований. Увы! — и нечаянно прирезанный к кооперативу земельный участок оказался в самом пекле войны. Нигде в Провансе не оставалось надежного убежища. Не только всему живому суждено было исчезнуть с лица земли, но даже мертвому дому-музею средневекового пророка...

— А знаете, — сказал Вилли Штельцхаммер, австриец, один из учредителей «Лонго мая», верный ему с первых дней, — вы же нам целый сюжет привезли! Буду писать пьесу!..

Когда «Лонго май» кончает сельскохозяйственный сезон, его старенький автобус, груженный концертным реквизитом, домашней утварью, полный детей, пускается в многомесячные европейские вояжи. Вилли за лето успевает написать, как минимум, пьесу и несколько новых песен. Играющий на всех инструментах Николас Буш перекладывает слова на музыку, концертная группа разучивает их, и начинается европейское турне: Австрия, ФРГ, Швейцария, Франция... Постановки эти остро антифашистские и антиимпериалистические.

А Вилли слово свое сдержал: он написал музыкальную пьесу «Солалуна». Впервые лонгомаевцы рискнули снять в Париже те-

атральное помещение. Здесь-то, в театре «Гэте Монпарнас», я и узнал развязку сюжета, родившегося у меня на глазах. «Солалуну» играли и пели кроме труппы «Лонго мая» еще их мадагаскарские и латиноамериканские друзья. Всю неделю театр был битком, на зависть иным профессиональным труппам.

Солалуна, остров Солнца и Луны, прибежище свободы... «Лонго май» рассказывал о себе! Но через себя он рассказывал о мире.

И вот у нас на горе Зензин зашел разговор про историю — вчерашнюю и завтрашнюю.

Ведь столько она таит в себе неожиданностей, столько преподносит уроков поколениям и людям! Первым, кто по поручению де Голля принял эскадрилью «Нормандия» в свои руки, был майор Жозеф Пуликен. Его задачей было лишь сформировать эскадрилью и привести ее в Россию. Он был по возрасту много старше всех последующих командиров эскадрильи и полка и двадцатый век захватил еще с его рождения. Безусым юнцом в 1918-м он, кавалерист, сражался против этих неизвестных, страшных, перевернувших мир большевиков. Четверть века спустя привел к ним боевую эскадрилью — символ, что два народа в час опасности с двух дальних концов Европы соприкоснулись плечом.

«Ряд школьных учебников во Франции, подчас карикатурно изображающих историю, будут скоро заменены новыми. Некоторые обещают быть просто превосходными. Новые трактовки вносятся в разделы, вызываю-

щие наибольшее столкновение мнений: в историю Советского Союза» (журнал «Экспресс»).

Не дремлют «ястребы»! Летчик полка «Нормандия—Неман» Франсуа де Жоффри, написавший книгу о товарищах по полетам, кончил ее словами, которые сегодня звучат почти как стон: если когда-нибудь наше дело забудут, значит, оно было напрасно...

— Допускаете ли вы, что это возможно? — спросил я у генерала Пьера Матра.

Он ответил сразу — ответ этот, как я понял, им выношен давно:

— Россия не забудет. А Франция не вправе забыть.

— А твое мнение, Филипп?

Филипп Матра когда-то, расположившись под столом, провожал отца взглядом — он уходил делать историю, которая привела его в Россию, на Восточный фронт. Теперь Филипп выращивает под Парижем скаковых лошадей, а на лето выезжает в «Лонго май» — катает детвору, учит верховой езде.

— Со мной рядом всегда был отец, так что насчет исторического образования, думаю, порядок. Но что меня тревожит, так это атака на школьные учебники. Чуть не каждый год в наших школьных учебниках, особенно по истории, переписывают целые разделы. Пересмотру подвергается в первую очередь история СССР, социалистических стран...

— Если я верно понимаю, для каждого класса французской школы существуют несколько учебников по одной и той же дисциплине?

— Да. Это оставляет хотя бы возможность выбора учителю и родителям учеников. Но если в одном классе или колледже учат так, а в соседнем по-другому, это уже тревожно. Я уж не говорю, что правеют в конце концов все учебники...

Не покажутся ли — не сегодня, так завтра — тем, кто сочиняет учебники по истории для французской школы, мирлитоны Нострадамуса важней эпопеи полка «Нормандия—Неман»?

Сын Нострадамуса, тоже, как и он, Мишель, попробовал было, вслед за батюшкой, и для себя стяжать славу прорицателя судьбы. А уже разгорелись во Франции войны католиков с гугенотами, пылали в Провансе деревеньки и города. Осажденный королевской армией, городок Пузен — совсем недалеко от «Лонго мая», от родины обоих Нострадамусов и их земляка-потомка Роллана Перро, — по пророчеству младшего Мишеля, должен был «сгореть от пожара». Вышло, однако, иначе: решительным приступом католики взяли город, остался он цел и невредим. Ночью командуя армией короля капитан Франсуа Д'Эскиней де Сен-Люк увидел, как кто-то, дом за домом, с факелом в руке жжет город Пузен. Опередив свиту, капитан, которому гнев застил глаза, налетел на поджигателя и затоптал его конем.

Старец из Прованса оказался хиромантом поискуснее — он пророчил дальние бедствия, войны, огни, будто протягивая факел астрологам будущих времен. Разве же слу-

чайно эту хиромантию ловко накладывают и на вчерашнюю, уже прожитую человечеством; историю и выуживают из нее компьютерами самые мрачные прогнозы на завтра? Неминуема, мол, война, и это с Востока идет «угроза» безмятежному, доверчивому Западу...

Но, к счастью, история — не только даты, хроника, происшествия; это еще и память, удерживаемая людьми и землей.

Полк «Нормандия—Неман» и ныне жив, он располагается под Реймсом. Мне пришлось однажды там побывать по случаю визита шестерки советских «мигов» в полк-побратим. Я медленно шел вдоль стен комнаты-музея. «Нормандиана» тут была представлена полностью.

Многие летчики, воевавшие в небе России, еще долго потом служили в полку. И был им приказ: идти воевать во Вьетнам. И был им приказ: идти сражаться в Алжир. Некоторые сняли погоны. Некоторые пошли.

И вот что один из них напишет спустя много лет. Он назвал свое имя, а мы давайте не станем. Когда в прицеле его пулемета оказывался вьетнамский истребитель, ему нелегко было заставить себя нажать на гашетку. Он завидовал тем, кто шел на него в бой. Как этот летчик выжил, право, можно только удивляться.

Я не назову его имени, но не могу не сказать, что этот летчик был ведомым в паре с Морисом де Сейном. Он труднее всех пе-

режил гибель друга, не прыгнувшего с парашютом только потому, что парашют был один на двоих. Он прибыл в полк незадолго до трагедии и увидел это впервые: как дети на хуторе Дубровка убрали могилу Мориса де Сейна трехцветьем: василек, ромашка, мак, а холмик, в который посреди жизни лег Володя Белозуб, укрыли одними маками. «Сюда, — написал он про свою вьетнамскую войну, — я пришел как недруг, и не было во мне воли к победе...» Рубец памяти занял воспоминанием: только тогда на твоей стороне сила, когда и правое дело на твоей стороне.

Часть III

МИНУТА БУДУЩЕГО

Размышления вдвоем с читателем

История не раз спотыкалась о тех, кто желал повернуть ее по собственному благорассудству. Потому и хранят кольца лет и веков на ее древе следы зазубрин и вмятин, но и они, стоит зорче взглядеться в спил, подчинены нерушимой мерности ее хода.

Три минуты истории? На двадцатом вековом кольце мы взгляделись в рассечину, сходную которой не найдешь на кольце всех прожитых, улетевших веков. Секирой ударили наотмашь, сплеча, стараясь достать до самой сердцевины. Это Минута Войны. Дальше выпрямилось, пошло волнисто, век наш продолжает свою линию с сотрясениями, но без катастроф — мы зовем это миром, и, стало быть, это Минута Мира. Что дальше? Почему вибрирует и холодеет вселенная? Кто точит секиру, замахиваясь уже на корень

древа? Как забрался в сад рожденный быть дровосеком? Минута Будущего — тайна, которая могла бы угнетать человечество, не будь у него спасительной опоры в собственном долгожительстве. Ведь еще никогда и никому не удавалось убить древо жизни — гнули, ранили, корчевали, жгли, а оно выпрямлялось и росло, соединяя бегущим временем две вечности, отлетающую и наступающую.

Разве не о Минуте Будущего заставил задуматься миллионы людей в мире Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза?

Перелистаем еще раз его страницы:

«...Пожалуй, никогда в послевоенные десятилетия положение в мире не было столь взрывоопасным, а стало быть, сложным и неблагоприятным, как в первой половине 80-х годов. Правая группировка, пришедшая к власти в США, и их основные попутчики по НАТО круто повернули от разрядки к военно-силовой политике...»

«Именно вокруг вопросов реального содержания политики, способной сохранить мир, и будет, судя по всему, разворачиваться основная борьба в предстоящие годы».

«Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты».

Поэтому оглянемся во времени: три минуты истории — Вчера, Сегодня, Завтра...

19. В Новом Свете по-старому?

Роями светлячков на экранах радаров плыли самолеты. Одновременно перед глазами их может быть пятнадцать, не более. Это тот порог человеческой реакции, тот максимум, которым — без риска опасных сближений — диспетчер способен повелевать с земли.

А была весна, пасхальные и школьные каникулы, пятница, уик-энд... и потому больше обычного светлячков плыло на экранах радаров. Дополнительные рейсы — как ни много их было в тот день — нисколько не сбили обычного для центра ритма работы. Жан-Пьер Дюфур лишний раз убедился в этом, подняв фотографические записи радиолокационной проводки самолетов.

— В журнале нашей смены за 13 апреля 1984 года вообще не сделано никакой записи. Верный знак: ничего примечательного за этот день не произошло. Дежурили в тот день две диспетчерские группы, всего 30 человек. Ни я сам, ни кто-либо из моих товарищей так впоследствии ничего и не смогли припомнить кроме того, что вышел из строя телефон связи с военным центром управления полетов. Впрочем, никаких осложнений это обстоятельство за собой не повлекло. Вот почему нас, как громом, поразила сенсация, переданная по телевидению на следующий день!..

Следующим днем была суббота.

В центр управления полетами Экс-ан-Прованса в субботу нагрянула съемочная группа

со второй программы французского телевидения. Недоумевало начальство, переглядывались диспетчеры: с какой стати так вдруг и спешно понадобился фильм о них? Потом припоминали разговоры перед камерой:

«Может ли гражданский самолет войти в запретную военную зону?»

«Конечно, не может».

«Ну а в принципе? А если взять да допустить? А разве не углубился южнокорейский «Боинг-747» в сентябре 1983 года в территорию СССР километров, кажется, на пятьсот?»

Диспетчеры пожимали плечами: в принципе, конечно, такое может случиться, но только не по воле пилотов или диспетчеров и уж тем более не по вине приборов...

В тот же вечер по телевидению показали мультипликационный репортаж: летит вдоль береговой линии Франции игрушечный самолетик, уже он нацеливается на посадочную полосу аэропорта Марсель-Мариньян, как вдруг резко забирает на юг и влетает в запретную зону П-62. Весь следующий день ту же мультипликацию демонстрировали попеременно с кадрами, снятыми в центре Экс-ан-Прованс. Диспетчеры не верили ни своим глазам, ни ушам: искуснейшим монтажом их самих заставили комментировать ЧП, которого... не было!

Вслед за телевидением новость подхватило радио.

Затем пришла в ход печатная пропагандистская машина. Все парижские газеты на уик-энд бросили своих корреспондентов в

Тулон, Йер, Марсель, Экс-ан-Прованс. На набережной Тулона еще и в воскресенье вечером корреспонденты обнаружили людей, которые, потягивая пиво, сидели там... с пятницы. Все они, оказывается, «видели на крыльях самолета пятиугольные красные звезды». Некоторые даже опознали тип самолета по звуку и очертаниям — так и пошло в печать:

«Ту-130» шпионит над Тулоном!»

«Ту-134» в районе учений французских военно-морских сил!»

Небывалая по тону и содержанию антисоветская кампания разгорелась во Франции, усиленная пропагандистским репродуктором всего Запада.

Правда, тут же прозвучали трезвые официальные голоса. «Самолет Аэрофлота изменил курс по указанию центра управления Экс-ан-Прованса...» — это из заявления премьер-министра Франции. «Приходится констатировать, что журналисты вместо строгого следования фактам предпочли удариться в сенсации» — это из заявления генерального директора гражданской авиации Франции Даниэля Тененбаума, накануне выдавшего пропуск съемочной группе. Еще через несколько дней служба прессы при кабинете премьер-министра опубликовала специальное коммюнике:

«Контроль пути следования советского самолета, произведенный воздушной обороной, установил, что он не проникал в запретную зону П-62. Он просто находился в течение трех минут, причем не по вине

пилота, в зоне ограниченных полетов Р-64... Таковы факты. Воздушная оборона не нашла их достаточными для принятия мер. Правительство в свою очередь также не нашло их достаточными для принятия дипломатических мер, ибо советский пилот не был ответствен за происшедшее».

Но тогда кто же был ответствен за происшедшее?

Выходило, что сами диспетчеры.

А они каждый день, лишь только позволял экран радара, названивали в редакции газет, на радио, на телевидение. Никакого эффекта! Как будто пустая бочка с грохотом катилась с горы. «Мы, конечно, знали и раньше, что пресса на Западе не блещет правдивостью, — сказал мне Жан-Пьер. — Но чтобы так завратся! Настолько исказить факты! Сделать слона, когда даже мухи не было!»

В разгар кампании, когда хором клеветы заглушили даже правительственное разъяснение, где уж там было услышать слабый голос «стрелочников неба»! И все-таки они решили, что — рано ли, поздно ли — заставят услышать себя.

Так мне суждено было встретить Жан-Пьера Дюфура.

Теперь он — президент ассоциации друзей «Радио Зензин».

Нас познакомил в кооперативе «Лонго май» Роллан Перро.

Я отметил в незнакомце живые глаза, светившиеся умом и насмешкой. Под статью

всему его облику оказалась и манера говорить: юмор с ехидцей пополам.

Авиадиспетчер! Фальцет!

Оказывается, еще долго и сознательно он сторонился «Лонго мая» и как раз потому охотно ввязывался во все диспуты с радиослушателями. Когда возникал в эфире ироничный фальцет, на радио даже оживлялись: это был противник открытый, упрямый, умный, не всем и не всегда удавалось его переспорить — не говорю уж переубедить.

— Еще три года назад в нем сидели разом и антикоммунист и антисоветчик... что-о, неправильно говорю? — Роллан, отсмеявшись странности нашего знакомства с Жан-Пьером, уже вполне серьезен. — А сейчас... Как только разразилась кампания вокруг «Туполева», Жан-Пьер пришел к нам. Ну конечно, наш передатчик с горы Зензин сцепился со всей масс-медиа, но разве мог он перекричать и государственное радио, и телевидение, и вдобавок кучу газет? Но мы сказали тогда Жан-Пьеру: давай подумаем, что можно сделать еще.

— И вот что мы сделали, — Жан-Пьер положил передо мной две брошюры.

«Эта брошюра написана и выпущена группой диспетчеров воздушного контроля (которых пресса окрестила «стрелочниками неба»), находившихся на дежурстве в пятницу 13 апреля 1984 года в региональном контрольно-диспетчерском пункте Экс-ан-Прованса. Наше досье составлено на основании радио- и радарных записей, докладов

и свидетельств диспетчеров воздушного контроля, которые были участниками или зрителями этого тревожного эпизода нашей действительности...»

Брошюрки были разные: одна тоньше, другая толще. На первой высоко летящий белый самолет атаковала хищная авиастая с надписями на крыльях: «Фигаро», «Матэн», «Котидьен де Пари», «Пари-матч», «Телевидение». На обложке второй дерево с надписью «Общественное мнение» обвинял удав, от головы до хвоста исписанный теми же названиями.

Диспетчеры на общем собрании утвердили предложенный Жан-Пьером текст, правда, смягчили его и удава поменяли на авиастайю. В этом виде брошюру разослали во все редакции, задававшие в кампании тон.

Ни одного извива удава не пропустили в своем описании диспетчеры. И не упомянули только о том, о чем начисто промолчала пресса: кто же находился на борту самолета?

В самый разгар кампании я позвонил в Марсель Жану Торезу.

— Я только что с пресс-конференции в советском посольстве. Да-да, в связи с рейсом Аэрофлота Москва — Будапешт — Марсель. Представьте, Жан: случайно, от летчиков, узнал, что самолет был полон ребятишек и что на каникулы в Москву их сопровождала ваша жена. Значит, она возвращалась тем же рейсом, о котором сейчас столько шума? Дома ли Муза, могу ли я спросить о некоторых деталях этого полета?

— Муза дома, но ответить вам вполне могу и я. Я ведь тоже был в самолете. В Москву нас летало... дайте-ка минуточку сосчитать... 61 ученик из школ Марселя и Эксан-Прованса и пять преподавателей русского языка. Официальным гидом, это верно, была Муза. Языковые каникулы: девять дней в Ленинграде, четыре в Москве.

— Ребята остались довольны?

— Ну, знаете! Наших учеников там было не более десятка, с остальными нас свела поездка. Так вот, если полсотни ребят при прощании все поочередно виснут на шее гида, благодарят, плачут, уверяют друг друга, что тем же составом снова поедут в Москву, то... ведь это о чем-то говорит, правда?

— Все это было уже после приземления самолета в Марселе. Ну, а что произошло в воздухе, на последних минутах полета?

— Видите ли, я в некоторой степени ветеран этой линии. Сначала долго летели в облаках, потом прояснилось, и я сделался гидом. Летим над Генуей! Внизу Ницца! Слева от нас Тулон! Я так именно и сказал: «Слева от нас Тулон!»

Дети снова прильнули к иллюминаторам.

И вот тут-то диспетчер у земного пульта насторожился.

— Смотри, — сказал Жан-Пьер, раскрыв брошюру посередине, где через обе страницы растянулась средиземноморская береговая линия Франции и идущая вдоль нее трасса для пассажирских лайнеров. — Видишь

большой квадрат Р-64 южнее этой трассы, захватывающий полосу берега и море? Это регламентированная зона, то есть зона ограниченных полетов. А в ней два кружочка, две запретные зоны: П-62 (Тулон) и П-63 (остров Леван)...

— Разве «Туполев» залетел хотя бы в один из этих кружочков?

— Да нет. Мы немедленно провели административный разбор обстоятельств полета. «Туполев» летел дополнительным рейсом. Диспетчер тут же поднял трубку прямой телефонной связи с военным диспетчерским пунктом в Тулоне, чтобы предупредить, что это по его команде в регламентированную зону Р-64 залетает «Туполев, Аэрофлот» и что мы сейчас же его оттуда вынем. Телефон оказался сломан. Но специально для устранения любых недоразумений у нас в зале контроля всегда находятся два военных координатора. Им и передал диспетчер информацию, а уж они без промедления по своим каналам сообщили ее в Тулон. Вот где-то тут, я думаю, и заискрило. Сколько раз мы загоняем самолеты в регламентированную зону! Испанские, итальянские, американские. И никогда ничего. Разбор ситуации привел нас к выводу, что в данном случае по проводам было передано не просто «самолет», а «Туполев, Аэрофлот». Эта информация попала, должно быть, на человека больного.

— Больного чем?

На меня глянули полные иронии глаза.

— Больного антисоветизмом! И, кстати,

в тот день имелась причина для повышенного усердия: у острова Леван проводились учебные маневры.

— Мы летели точно по коридору, — сказал Жан Торез. — И все же от меня не укрылись некоторые странности. За несколько минут самолет дважды или трижды довольно резко изменил курс. Но Тулон постоянно был слева, это видели из иллюминатора все наши дети.

И все-таки, когда упрямыми взглядами ребята разогнали стремительные светлые облака, им открылись не пространственные дали — исторические.

Жан-Пьер Дюфур по-другому увидел эту небывалую явь: параллельным «Ту-134» курсом на экране радара поплыла еще одна мерцающая точка, а пролегло меж ними не 10 тысяч морских миль — два века истории.

И если зорко взглядеться, то увидишь, что это корабль, а на борту его написано: «Слава России».

Средь жестокого шторма, вцепившись одной рукой в поручень мостика, из другой не выпуская подзорную трубу, глядит на берег капитан Иван Баскаков. Волны ходуном ходят по палубе, остров Леван — рукой подать! — из желанного убежища теперь сделался смертельным врагом, грозя одним щелчком своих скал отправить корабль в пучину. А он сквозь эти отвесные хляби изо всех сил продирается к берегу, там, в порту Йер, — капитану это видно уже в трубу —

ждут тысячи людей, они волнуются не меньше, чем море.

Оставалось всего несколько миль!

Но именно у берега, где в бесконечной толчее кипят сшибающиеся волны, всего трудней и опасней.

Корабль «Слава России» пришел во Францию с особым поручением — как первый провозвестник свободы морей. Под этим принципом — какой вызов владычице морей Британии! — только что подписались Россия и Франция.

Заканчивался восемнадцатый век. В далекой Америке шла война за независимость, во Франции зрела революция. «Вы же знаете, господа, — наставлял командующий французским флотом своих офицеров, — что война, в которую оказался втянут ваш король, имеет лишь одну причину: его высочество желает, чтобы во всем мире был признан принцип свободы морей». «В полном согласии с Людовиком XVI, — отвечала ему Екатерина II, — и Мы провозглашаем свободу морей...»

Ответ российской самодержицы доставили французскому монарху на перекладных, через всю Европу, но, конечно, уместнее было сделать это морским путем. И вот символическое плавание «Славы России»: она идет во Францию с первым дружеским визитом, оставляя за собой «свободные моря».

Но пушки заряжены, и, подплывая к Гибралтару, капитан Баскаков велел их расчехлить. Воспользовавшись междоусобной борьбой испанских престолонаследников, еще

в 1704 году пролив и крепость Гибралтар захватила Англия.

Конец века ознаменовался штормами на море и суше. Английский монарх Георг III обратился к Екатерине II с просьбой прислать ему на пять лет подмогу из ста тысяч казаков для подавления восстания за независимость в северных американских колониях. В уплату помимо жалованья казакам за каждого из них Англия сулила русской казне по 10 фунтов стерлингов и в придачу Гибралтар.

Россия отвергла сделку, оставшись верна пусть и не общепризнанному еще, но уже провозглашенному принципу свободы морей. Его провозгласили три державы, бросив тем самым вызов владычице морей, — Россия, Франция и молодая Америка.

Без единого пушечного выстрела «Слава России» достигла Франции, блистательно исполнив свою отважную миссию.

В порту Йер кораблю готовили торжественную встречу.

И вот, уже в виду берега, настигла буря. Корабль ударило о скалы Левана. Рискуя разделить участь русского корабля, из порта немедленно вышел шлюп под командованием капитана де Гарданна. Не удалось спасти лишь 11 моряков, которые в минуту крушения находились в трюме.

С тех-то пор и прозвали остров Леван «Русским утесом», и на старых картах Средиземного моря можно встретить это имя.

По такой карте через два века на месте крушения «Славы России» бросила якорь

шхуна «Мейнга». Супруги Клавели продали в Париже дом, купили эту шхуну и позвали на помощь добровольцев. Моряки, как известно, расстаться с морем не могут — для шхуны тут же отыскался «бывший капитан» Геро, который предпочел стать «бывшим пенсионером», водолаз Тайе в свои 75 лет по нескольку часов в день проводил на борту «Славы России». Из поднятых с затонувшего корабля предметов в Йере открыли музей «Слава России», причем перерезать ленточку неутомимые Клавели нашли потомков де Гарданна — они по-прежнему живут здесь.

Крохотному экипажу не под силу, конечно, поднять со дна корабль, но вдруг в один прекрасный день произойдет и такое? Он не оставляет мечты. И если она осуществится, то пусть это будет день без учебных маневров и стрельб, пусть никому не придет в голову поднять «Славу России» со дна, чтобы сделать ее мишенью для прицельного огня.

В святыни не стреляют.

Когда же это святыни двух народов, то служить они могут лишь прицелом для курса — нет ли отклонений и по чьей вине?

Я спросил у Жан-Пьера:

— Понятно, что «Ту-134» попал в политическую бурю. Но раз уж кое-кто даже вздохнул: не сбили! ушел! — то скажи, думаешь ли ты, что он и вправду мог быть взят в перекрестье прицела?

Он резко замотал головой:

— Нет-нет, невозможно.

Потом стал почесывать бородку, думать.

— Видишь ли, опасность в том, что каждый такой случай создает прецедент, ухудшающий атмосферу. Сегодня не прицелились, а завтра могут. Вот почему нам так важно было сказать общественному мнению правду.

Они разослали свою брошюру в полсотни адресов: газеты, журналы, радио, телевидение.

Молчок.

Стали звонить по тем же телефонам, тем же людям, которых пытались урезонить в апреле.

В ответ искренне удивлялись: да зачем ворошить такое старое дело? Ну ошиблись, ну погорячились... ну и что?

Их правду отвергали вторично.

Но вот грядет наконец и час большой правды! Жан-Пьер черкнул мне короткое письмо:

«Я послал брошюру в передачу «Право на ответ» первой программы телевидения, меня пригласили выступить перед директорами парижских газет. Сам понимаешь, никто из них не признается, что попался на дезинформации с поличным. И кому признаваться — каким-то диспетчерам! Поэтому стараюсь предусмотреть все, чтобы не дать этим акулам свести на нет наш труд. Прошу тебя, до срока не пиши ничего, не то нас обвинят в просоветизме. Для дезинформации и дискредитации все способы хороши. К тому же передача может вскрыть много дополнительных фактов. Люди, работающие в ней, по-

хоже, ведут серьезный разбор методов работы прессы в подобных случаях...»

Он ждал спора, доброй свары, перестрелок цитатами, а кто знает, может, и рукопашной, как не раз происходило в передаче «Право на ответ». Увы! На него удивленно и мирно смотрели улыбающиеся, ясные лица. И такими же простодушными, невинными оказались их реплики. Ну, бывает. Вот так из мухи порой и делаем слона. Ах, даже мухи не было?! Ну надо же. Была бы муха, так хоть можно было понять, а так, без мухи... действительно глупость. Одна газета зажжется, а за ней все, и пошло, и пошло, и даже за границу, на весь мир... Впрочем, что ж? Наша пресса свободна. Бывают передержки, конечно, зато каждый свободен сказать что хочет...

— Кто — каждый? — допытывался Жан-Пьер нервно, всклокоченно, потому что выступить в «Праве на ответ» ему дали за пять минут до конца, передача кончалась, по экрану уже плыли титры. — Каждый журналист? А почему читатель не может? Вы свободны — для кого? Для чего? Для таких вот антисоветских кампаний? Для вранья?

Плыли титры, участники передачи вставали и галдели, ведущий объявлял тему следующей передачи.

В свои 36 лет Жан-Пьер уже пятнадцатый год работал «стрелочником неба». Пройтись в эту профессию стоило ему конкурса в сто человек на место — престижная, хорошо оплачивается, теперь соискателей стало вдвое больше. «Белый ворот-

ничок», или, в ехидном переводе Жан-Пьера, «пролетарий-буржуа». Скорей бы еще приняли проект закона о праве диспетчеров на забастовки, чтобы не смели скрутить их в бараний рог, как это сделали в Америке. «Вот тогда нам точно удастся заставить выслушать себя!»

И как же такие вот «пролетарии-буржуа» с их заданным социальным и политическим зрением вдруг учатся совмещать и разводить не только механически движущиеся точки, но даже непрерывно меняющиеся, ускользающие от постижения истины времени?

«Ключ к пониманию этой провокации необходимо искать прежде всего в импорте идеологического товара «Made in USA», который, к сожалению, оказывается у нас свободным от всяких таможенных обложений... Как мы могли убедиться в данном случае, факты значат немного, главное — нагнать нужную температуру для проповедей крестового антисоветского похода, возжигая русский же газ под остывшими обломками южнокорейского «Боинга»...

Этих слов в коллективной брошюре нет, но Жан-Пьер Дюфур предложил их на общее обсуждение.

И вот думаешь: а не производят ли подобные кампании по промыванию обывательских мозгов и прямо противоположный эффект?

— Чтение газет за те две недели вылилось для моих учеников в незабываемый политический урок, — сказал Жан Торез. — Потрясение слишком велико. Они смогли так точно

и остро почувствовать фальшь антисоветизма именно потому, что только что прилетели из СССР.

У каждого человека свои годовые и жизненные кольца, со своими болезненными и горькими зазубринами, но стоит взглянуть, и обнаружишь в них все ту же мерность хода нашей общей истории. Счастливые прозрения ведь чаще всего и бывают мучительны, но они-то вместе с опытом нам и дарят надежду.

* * *

Дайте нам на минуту вашу подзорную трубу, капитан. Давайте глянем в историю... из истории, с капитанского мостика «Славы России».

Вот плывет через Атлантику корабль под звездно-полосатым флагом «Light Horse». Год стоит 1784-й, Соединенным Штатам уже восемь лет. По возвращении домой разнесется про «Легкую лошадь» слух: что лишь один рейс в Россию обернулся выручкой в 100 тысяч долларов. А торговое это судно, водоизмещением всего в 300 тонн, даже по тем временам было совсем не гигант. Зачешутся руки у сотен и тысяч искателей прибыли и удачи — плыть в далекую Россию. Защитники «свободы морей» и «естественного права наций на общение с помощью морских коммуникаций» выражались высокопарно, но мыслили практично. Почему бы и нет? Когда соблюдаются интересы всех сторон, то и право самым наилучшим образом уживается с благом...

Но словно бы заградительную цепь вдруг опустят перед кораблями, готовыми в путь: в тот как раз год государственный секретарь США Роберт Ливингстон объявит «политику изоляционизма». Корабли, конечно, поплывут. Окажется с годами, что изоляционизм прекрасно согласуется с торговой и прочей активностью, допуская даже притязания на чужое, хотя бы и с помощью войны. Так и начат девятнадцатый век: против Франции, своей вчерашней благодетельницы, США ведут на море необъявленную войну, Англии же объявляют ее открыто... Ибо это эпоха исторических переломов: вздыблена Европа, перекраивается мир, «республика судовладельцев» из Нового Света слишком боится отстать, упустить свой кусок.

Как вдруг — 1813 год — доктрина Монро: «Америка — американцам». Что заставило так глухо закрыть дверь в новой попытке изолироваться от мира? «Чужого не хотим»? «Нам и у себя хорошо»? «Не лезьте к нам»? Какая из версий ближе к истине?

Оставим историкам рассуждать и спорить по этому поводу, приметив, однако, в чем все они сходятся: в чрезвычайной важности именно этого момента истории для дальнейших судеб мира. Разгромлена Франция; русский граф Шувалов сопровождает Наполеона в ссылку на Эльбу; но еще прежде чем разразится Ватерлоо, Англия уже заключит с персидским шахом первый из новой серии антирусских союзов. Снова встанут лицом к лицу два самых сильных и непримиримых противника. А родившаяся на краю

земли, в Новом Свете, третья сила в ужасе заползет назад в свою раковину: ведь теперь у Англии впервые совершенно развязаны руки, чтобы покарать свои бывшие колонии, вернуть их под эгиду короля. Вот почему: «Америка — американцам».

И в эту-то минуту через полмира Соединенным Штатам протянет руку Россия, предложив ей свое посредничество в замирении с Англией. Государственный секретарь Джеймс Монро схватит эту спасительную руку с чувством истинного избавления, не дожидаясь, не вызовет ли это гнев у англичан, не обрушит ли она тем большую кару на Америку. Тут давайте по возможности резче наведем нашу подзорную трубу на рассматриваемый треугольник, чтобы ни одна деталь не ускользнула от внимания. Английской дипломатии стало ясно, что выбор свершается поистине исторический, на века.

В треугольнике выбор невелик: двое против одного. Но кто же против кого? Смирив гордыню, владычица морей предложит США «именем англосаксонского единства» навеки заключить альянс о взаимной поддержке друг друга. Джеймс Монро, уже президент США, в 1823 году обогатит свою доктрину новым положением: США не могут допустить создания новых европейских колоний на американском континенте... Формула все та же: «Америка — американцам». А геополитический подтекст уже другой. Уже мыслят категориями полусвета, полусферы. Сто лет британский флот будет охранять берега Америки, пока не наступит паритет морских

сил, и тогда уже США возьмут на себя стражу английских берегов. Они помогут предотвратить гитлеровское вторжение в Соединенное Королевство. Никто больше в Европе этой помощи от США не дождется.

Как-то в дороге Шувалову донесли, что на Наполеона готовится покушение. Он предложил опальному императору поменяться одеждой — рост и комплекция у них были почти одинаковы. Опасение не подтвердилось, но благодарный Наполеон предложил в дар своему спутнику саблю. Прежде чем занять место в Историческом музее СССР, она послужит красноармейцам на гражданской войне... Успел ли русский царь, как предполагают некоторые историки, пожалеть о том, что разгромил Наполеона окончательно? Что, изгнав его, вернув Франции чванливую и немощную монархию, он тем самым в решающий час истории окажется на европейском континенте без вероятного союзника в противовес народившемуся англосаксонскому альянсу?

Этот альянс расстроится только раз — в ходе гражданской войны в Америке. То была уже вторая половина девятнадцатого века. И Англия и Франция поддерживают южные рабовладельческие штаты. Они готовы признать правительство конфедератов и даже вступить в войну против индустриального Севера. Только решительное вмешательство России спасет американский союз!

Изоляционизм США — и в то же время параллелизм англо-американской политики.

Вот плечевые, несущие конструкции доктрины Монро, провозглашенной «на вечные времена». Так не закономерно ли, что «защитник» и «защищаемый» со временем просто поменялись ролями в альянсе? Когда это было выгодно, отсиживались за океанами, отгородившись от общих проблем мира, поджидая час своей выгоды. Истории было угодно очень точно отметить рубеж империалистической экспансии США: 1901 год. К власти пришел президент и «теоретик империализма» Теодор Рузвельт:

«Никакой триумф мирного времени не может сравниться по своему величию с триумфом, одержанным на войне!..»

С такими словами и вступили Соединенные Штаты в двадцатый век.

Век, чья отличительная особенность в том, что корабли, по-прежнему плавая по морским гладям и даже под ними, поплыли также по небу и космосу...

* * *

За всю долгую историю Земли выпадало ли ей столь же трудное и опасное плавание, как в море по имени Двадцатый век? Дважды из края в край горела наша палуба — от Европы до Азии, от носа до кормы. Загасили... Не фуфайками, не одеялами, не брандспойтами пожарными, не ледниками растопленными — загасили жизнями, телами, слезами вдов и матерей, пеплом жилищ, памятниками павшим. Проплыли зону высоких послевоенных льдов, доплыли наконец до теплых течений, казалось бы, теперь по этому

курсу и держать! Ан нет, пляшет наш компас земной — не оттого ли, что слишком много пороху в трюмах? И не раз уже грозно царапнули подводные рифы по днищу. А штурвал, как никогда раньше, за всю космическую одиссею человечества, у нас теперь — один на всех.

«Перед порогом третьего тысячелетия мы должны сжечь черную книгу ядерной «алхимии». Пусть двадцать первый век станет первым веком жизни без страха всеобщей гибели».

Такими словами Михаил Сергеевич Горбачев закончил свое выступление перед парламентами Франции.

Стояло 3 октября 1985 года. До наступления третьего тысячелетия оставалось ровно 15 лет и 90 дней. Мы должны сохранить и донести до его порога принятый от предыдущих поколений огонь жизни.

Франция удостоилась чести принять первый зарубежный визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. И тут даже не требуется строить никаких догадок, сколько раз об этом говорилось вслух, — честь эту высоко и благодарно оценили президент страны Франсуа Миттеран, депутаты Национальной Ассамблеи и Сената, политические деятели Франции, ее общественность, народ. «Выступая здесь, в Париже, можно сказать, в сердце Западной Европы, не могу не сказать о некоторых существенных проблемах европейской безопасности...» Мне довелось наблюдать за лицами парламентариев, когда их гость произнес эти слова. Лица светились

благодарностью, они окутывались даже некой монументальностью, наподобие портретов со стен, а вместе с тем зарделись и краской, может, оттого, что речи, будучи лестными, не были льстивыми, напротив, о вещах трудных и сложных говорилось так ясно и прямо, что уже ни глаз отвести, ни потупить взор. С капитанского мостика Парижа, о высоте которого так беспокоился генерал Шарль де Голль, на весь мир прозвучал призыв о разоружении на Земле и недопущении милитаризации космоса. Сам призыв этот содержал практические обязательства советской стороны: мы предложили США договориться о полном запрете ударного космического арсенала и сокращении наполовину стратегических вооружений, достигающих территорий СССР и США, мы предложили Парижу и Лондону прямой диалог о ядерном потенциале в Европе, мы объявили мораторий на установку ракет в своей европейской части в расчете на ответную, взаимную инициативу наших соседей... Разве речь идет не о закреплении принципов, уже опробованных в 60-е годы, когда Париж первым поддержал прозвучавшую из Москвы формулу мирного сосуществования: «Разрядка, согласие, сотрудничество»? Разве не лучший способ именно сейчас, на пороге космической эры, коллективной присягой миру воздать высшие воинские почести и ста крылатым послам Франции, живым и павшим, которых снарядила она в Советскую Россию в самый критический час своей судьбы? Оглянемся в историю, посмотрим еще

шире: разве речь идет не о том, чтобы ленинское пожелание о сближении Франции и Советской России, высказанное в начале века, продлить теперь в грядущее тысячелетие, сохранив за ним роль несущей конструкции европейской безопасности?

В тот же день, в те же часы, когда парламентарии Франции слушали речь советского лидера, происходили на свете и другие события, которые трудно не сопоставить.

В Париж съехались ветераны космоса из СССР и США. Вместе с французскими коллегами они, запершись от мира, писали устав Ассоциации участников космических полетов. В адрес учредителей пришла приветственная телеграмма М. С. Горбачева с горячей поддержкой их инициативы: небо, космос должны остаться свободными от милитаризации.

И в тот же день, а может, и час с мыса Канаверал отправился в облет нашей маленькой Земли очередной корабль многоразового использования «Атлантис». Это был четвертый корабль такого типа, запущенный в США. И это был их 21-й полет. Но что особо примечательно: если первые запуски кораблей многоразового использования преподносили как очередной выдающийся шаг в мирном освоении космоса, то теперь уж не стесняются открыто писать: «Атлантис» финансировался Пентагоном, запущен он по программе Пентагона...

Так мир приучают жить с мыслью, что только страхом можно победить страх.

Каким же полушарием повернется к своему

будущему Земля? Эра ли страха наступит или эра доверия? «Звездные войны» или звездный мир?

Надо быть реалистами: историю двадцатого века уже никак нельзя представить без СССР, социалистических стран, тем паче никому не позволено ее переписать. Это дает основания быть и оптимистами: грядущий век уже отмечен «автографом» все той же миролюбивой силы, которая, когда не остается иного выбора, умеет агрессора и одернуть и обуздать.

20. И хлебом единым

«Хлеб наш насущный дай нам днесь...» Хотя молитвами сыт не будешь, как, однако, не заметить, что испокон веку, взывая к хлебу, человек взывал и к миру?

Может ли хлеб быть... оружием? Если да, то оружием — против кого, против чего? Или же, напротив, — за кого, за что?

Я давно хотел задать эти вопросы Жан-Батисту Думенку, слывшему во Франции «красным миллионером». О, не зря говорят, что у компьютеров долгая память: имя Думенка они зафиксировали как одно из... самых поносимых и самых популярных во Франции. Что же, пожалуй, это закономерно. Те, кого буржуазная пресса именует «красными миллионерами», — это на Западе особый тип деловых людей. Не замыкаясь рамками капиталистического мира, они уверенно идут на контакты со странами со-

циализма, способствуют развитию экономических связей, политическому диалогу двух систем. По изящному определению французского журнала «Пуэн», который недавно выстроил целую галерею таких портретов, это «почтальоны между Западом и Востоком». Исчерпывающая характеристика их миссии! Но тот же журнал пробует доказать, будто служат они исключительно... интересам Москвы и международного коммунизма.

Ну что ж, взглянемся в портрет одного из таких деловых людей. «Красный миллионер»? Если обычно в подобной характеристике под сомнение берется эпитет, «цвет» убеждений, то Жан-Батист Думенк, напротив, имеет все основания посмеяться над приписываемыми ему богатствами. Тем не менее и то, и другое — правда. Перед вами французский коммунист с полувековым партийным стажем и бизнесмен с мировым коммерческим размахом.

Сообщение о предстоящем визите во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева подогрело интерес к Думенку с неожиданной стороны. Позже я спрошу, что побудило его в тот период дать такое множество интервью? Он хитро скосит глаз: «А что? Я тоже по-своему готовил визит... Общее впечатление французов самое благоприятное: Михаил Горбачев по-человечески прост и симпатичен, в нем чувствуется крепкий характер, большие знания, цельность... Все это раньше говорил им я! Ведь мы знакомы давно, бывали друг у друга, оба — из крестьян. Я еще добавлю

как коммунист о коммунисте: для меня это ленинец в самом настоящем, самом современном смысле слова».

Вот в канун каких событий началось мое знакомство с парижской компанией «Интер-агра». Ж.-Б. Думенк — ее президент. Это головная компания, в состав которой входят десятки фирм и филиалов. Не утомляя их названиями, перечислю функции основных: торговля с развивающимися странами минеральными удобрениями, цементом, рисом, мукой, кукурузой; строительство «под ключ» элеваторов, холодильников, птицефабрик, животноводческих комплексов; продажа винных спиртов; производство и торговля мясом и т. д. и т. п. Акционерами «Интерагры» являются общества со смешанным капиталом: французским, с одной стороны, советским, чехословацким, польским, румынским — с другой, например, по торговле тракторами... Двумя фирмами в составе «Интерагры» руководят сыновья Думенка, как и отец — коммунисты. Главные торговые партнеры «Интерагры» — СССР и социалистические страны.

Какими же капиталами оперирует «Интерагра»? Едва задавшись этим вопросом, я обнаружил, что Жан-Батист Думенк еще и председательствует в четырех базовых кооперативах, возглавляет крупный кооперативный союз на юге страны, представляет национальную конференцию французских сельскохозяйственных кооперативов в международном кооперативном альянсе...

Но это контуры, перейдем к штрихам...

Жан-Батист Думенк режет крупными ломтями хлеб, Дениз накрывает на стол, кругом носятся их внуки. В ручище Думенка кухонный палаш глядится перочинным ножом. Сметет ли он хлебные крошки в ладонь и отправит их в рот, как подсмотрел я это днем у крестьян на хуторе Эспаррон и как делают, наверно, крестьяне на всей земле?

Дорезал, крикнул, подставил ладонь...

Пять дней в неделю он бизнесмен, коммивояжер: мелькают страны, проносятся континенты. Но священные два выходных: он обязательно возвращается домой, к односельчанам, ведь здесь, в деревне Ноэ под Тулузой, он и председательствует в крестьянском кооперативе, который создал 40 лет назад.

...Другой рукой смел крошки со стола и, оглянувшись, не придумав, куда бы их бросить, встал, подошел к дверям веранды. Птичкам! — догадался я.

Бизнесмен и крестьянин. Если судить по распорядку недели, то в пропорции — пять к двум.

В Южной Франции благоухал весенний месяц февраль. Долина Гароны, сине-зеленые озими, змейкой — сухой, асфальтовый путь. Навстречу попадались машины с принаряженными старухами и детьми, среди пологих холмов видением мелькнула строгая, поджарая церковь и горделиво проплыл вознесенный на звонницу галльский петух.

— Во-он он, хутор Эспаррон, видите? На самом взгорке белый дом с фермой: нам — туда.

Я попросил на секунду остановиться и вышел с фотоаппаратом из машины. Честное слово, казалось, что я узнаю эти места.

Вечером, когда мы вновь соберемся в его доме, Думенк с видимым удовольствием вернется к этой теме.

— Да я ведь вам уже говорил! Предгорья Пиренеев и Кавказа схожи, как две капли воды! Недра, климат, тут и там природный газ, одни и те же сельскохозяйственные культуры. Сотворит же природа чудо такое!

— Что, и земли похожи?

— Хоть бери да меняйся.

— И урожаяи?

— Примерно одинаковые. Руки у людей золотые и тут, и там.

— Ну а разница все же в чем?

— О-гром-ная! У вас социализм, колхозный строй, справедливые и гуманные законы. А у нас здесь капитализм с его безжалостной и дикой конкуренцией. Транснациональные компании миллионами сгоняют крестьян с земли. В наших краях мелкие хозяйства только благодаря кооперативам и держатся. Хотя им очень нелегко... Ведь это вы и увидели на хуторе Эспаррон?

...И вот, в тот самый момент, когда дома на взгорках, белевшие среди зеленого моря, вместились в кадр, — щелкни, и так и замрет навек, — вдруг порывом ветра разбудило

молодые хлеба, а следом тотчас долетел тягучий медный гул.

Может, то галльский петух звонил над холмами, сзывая на вечернюю мессу своих прихожан?

Через несколько дней, уже вернувшись в Париж, в статье специального корреспондента «Фигаро» из США я прочел:

«В минувшее воскресенье архиепископ штата Айова Морис Дингмэн отслужил под открытым небом молебен, заказанный местными фермерами. «Эта месса — упокой по американской мечте», — сказал он».

Так вот что мы слышали, подъезжая к затерянному среди Гаскони хутору Эспаррон: то с другого полушария Земли долетел колокольный стон!

— Представьте, — сказал агроном Эмиль Руш по дороге на хутор, — что вы сейчас увидите Думенка молодым. Ну как бы пятьдесят лет назад, до войны.

Я попробовал — увы! «Не представляется». Бизнесмен с сигарой — как вообразить его на скотном дворе, с вилами в руках? Не человек — скала, такого поди-ка подвинь в прошлое! «Сельскохозяйственный диктатор», «наш национальный Иоанн Креститель», ибо именно такое значение и сокрыто в имени Жан-Батист, ну, а газета «Фигаро» однажды ядовито прыснула: мол, того и гляди, в один прекрасный день «объявит он себя императором какой-нибудь африканской державы или генерал-революционером в Ла-

тинской Америке». Раздражение, восхищение, ярость... чего только нет в этих ярлыках! Уж я не говорю о «марксисте с миллионами», о «красном миллиардере» и, наконец, о таком никогда и нигде не слыханном звании, которое отмочила лондонская «Таймс»: «Думенк — красный биллионер!»

Это сколько же нулей, биллион, — двенадцать? Гм... И как нам за такой витой цепью нулей разглядеть крестьянскую «единичку» Думенка?

Пятьдесят лет назад? Припомнив совет агронома, я потом зорче взгляделся в кадр, который запечатлел и вечность, и миг. Вечностью были хлеба, мигом был ветер. Невидимо для зрения, неслышно для слуха связал их колокольный перезвон. Но разве полвека назад звучал он не с той же надеждой и не с той же тревогой, что теперь, на склоне столетия? И разве не так же белели на взгорках дома, и разве не те же в них люди жили, с той только разницей, что тогда нынешние землепашцы бегали в них детьми, а теперь тогдашние землепашцы сидят в них ижди-венцами, няньками, дедами? Люди как растения: осенью выколосившись, по весне опять дают жизнь.

Шестнадцать лет крестьянский сын Жан-Батист Думенк вступил во Французскую компартию, с которой остался навсегда. Было это в 1935 году. Много позже сосчитают, что из каждой сотни его одногодков — имелись в виду только дети селян — отцовское дело наследовали 37. Крестьянской оставалась держава: из каждых ста французов

40 работали тогда на земле; теперь — только семь.

— Что вам досталось от отца? — спросил я.

— Вот это, — сказал Думенк и с изяществом медведя выложил руки на стол. Бизнесмен исчез; передо мной вновь сидел крестьянский сын.

— И все?

— Еще фермочка, десять га. Даже две, потому что вторая такая же досталась Дениз, жене. Подобную мелкоту крестьянскую уже и тогда побивало, как градом. Вот почему я задумал создать в Ноз кооператив: чтобы всем миром стоять.

— Устояли?

— Война, — пророкотал Думенк, ибо французское это слово рокошет в точности, как война — «ля герр». Вдобавок сигарой пыхнул — и дым, как на войне. Когда развиднелось, я увидел его одновременно и полковником, и капитаном. Полковником Сопротивления он вернулся на отцову фермочку, в дедов дом. На часах истории победно тикал 1945 год. Отрокотало, отдымилло, отлегло. Партизанский полковник, но уже в фуражке армейского капитана, член Национального комитета освобождения в департаменте Верхняя Гарона (проблемы сельского хозяйства, продовольственный вопрос), Жан-Батист Думенк стремительно восстанавливал созданные Народным фронтом, порушенные и распущенные за войну кооперативы крестьян. Но в старые мехи

наливали новое вино. Раньше крестьяне кооперировались единственно ради общего хранения запасов их продукции, теперь же предусматривалось и совместное владение техникой, даже совместное ведение хозяйства. Свои собственные 10 га капитан едва улучил время засеять и пожать. Сначала мыслил масштабами департамента, потом развернулся шире, на всю Гасконь, а однажды понял, что по мерке ему и целый угол державы. Так родился Союз сельскохозяйственных кооперативов юго-запада Франции — территориальное многоотраслевое образование, объединившее сотни тысяч крестьян. ЮКАСО (такое имя обрело это крестьянское товарищество) успело встать на ноги раньше, чем оформился «Общий рынок» транснациональных компаний. И когда на карте «зеленой Европы», будто угольки среди выжженных трав, «запылали» прадедовы фермы, юго-запад Франции устоял лучше других районов.

Почему? Как?

Первый успех, и первые палки в колеса. В Чехословакии он закупил тракторы, в Советском Союзе — крупную партию зерна. Подобные операции кооперативам запрещал их юридический статус. Вот почему при ЮКАСО возникла фирма «Интерагра» на правах анонимного акционерного общества, с той, правда, разницей, что «акционерами» в ней являются сами крестьянские кооперативы, чьими слитными капиталами и воро-

чает «красный миллионер». Ни на одной валютной бирже, ни в одной стране Запада никогда никому не удалось ни продать, ни купить ни одной ценной бумаги французской «Интерагры», ибо их нет в природе, нет наяву. А ведь «Интерагре» от роду скоро 40 лет; 40 лет недоумевают насчет истинного курса ее «акций», 40 лет предрекают ей скорый крах, 40 лет желтая пресса злобно треплет имя ее президента; а она выжила, расцвела. Думенк на этот счет изъяснился без фокусов:

— Во всем мире только двадцать — двадцать пять фирм найдутся посильнее, чем я.

— Вот как? — в моем голосе, боюсь, удивления прозвучало в избытке. А он как ни в чем не бывало:

— И знаете почему? Они делают деньги. А я деньги употребляю во имя политического и экономического сосуществования разных систем.

— Гляньте-ка туда! — закричал агроном Руш, когда мы въехали в хутор. — Узнаете?

Мощный «Кировец», совершенно игрушечный издали, казалось, вполз на его выпростанную ладонь.

— «Интерагра» закупает за границей нужные крестьянам инвентарь и удобрения и одновременно реализует излишки производства кооперативов ЮКАСО. Сразу после войны нашими главными партнерами стали социалистические страны. Это была первая

большая идея Думенка. А вторая... теперь это зовут «торговлей на компенсационной основе», ну, а когда мы начинали, звали проще — «товар за товар».

Первые тракторы — чехословацкие «Шкоды» — земледельцы французского юга получили в обмен на картошку, щедро уродившуюся после войны. Она-то и была «первоначальным капиталом» крестьянского бизнеса.

А не стронься он тогда из родительских стен?

В белом домике на взгорке нас ждали. День был неспешный и быстролепящий — воскресенье. Во главе стола воссел отец. Справа от него уселся сын. Хозяйствует Жан-Клод Лажус (36 лет, пора!), но владельцем дома, построек и 30 гектаров земли остается его отец. Молодой наследник сначала должен выкупить землю у братьев и сестер, оставивших родительский дом.

— К сорока не управлюсь точно, вот к пятидесяти, может быть... — сказал Жан-Клод.

Отец молча кивнул.

В момент открытия «Общего рынка» в кантоне Ориняк, чьей столицей и является хутор Эспаррон, насчитывалось 1007 крестьянских хозяйств. Осталось 420. Зато они покрупнели: средний клон вырос с 14 гектаров до 28. Десять лет назад после долгих батрачеств на стороне Жан-Клод вернулся в родительский дом коммунистом и убеж-

денным сторонником кооперации. Так здесь возник кооператив по совместному владению техникой, «чтобы вместе противостоять кризису и политике Брюсселя».

— Знаете, во что обходится молодому аграрию установиться сейчас на земле? В полтора миллиона франков! А единовременное пособие всего восемьдесят тысяч, и то лишь со времени прихода социалистов к власти. Без кооперативов мелким и средним крестьянам не выжить. И то вопрос: без каких кооперативов? С объединенной техникой? Хорошо, но мало. Пока в раздельном пользовании остается земля, «Общий рынок» нас передушит, как кур. За каждый литр молока, произведенный сверх квоты, нас штрафуют на полфранка. Сосед в прошлом году имел квоту на двести восемьдесят тысяч литров молока, а произвел триста восемьдесят восемь тысяч. Так его задушили налогами и обложениями! Он на бойню отвел уже тридцать коров. Боюсь, отец; скоро это придется делать и нам...

Старик немо кивнул сыну, я лишь потом узнал, что говорит он с трудом и стыдится показывать это гостям.

Извечной проблемой крестьянского двора было дробление земли. Времена переменялись: теперь ускоренным темпом идет укрупнение хозяйств. Из белых домов на взгорках большинство ушло в города. Экономическая политика концентрирующихся капиталов и сопутствующая им индустриаль-

ная революция, сгоняя с земли ее потомственных работников, обрекают их на чисто потребительскую связь с ней. Где тут разумный предел? Не перейден ли он?

«Коммуна Файес из департамента Верхняя Гарона официально объявляет себя вышедшей из «Общего рынка». Всей деревней в триста жителей мы становимся коллективным членом «Фронта борьбы с «Общим рынком», о создании которого и провозглашаем сегодня, 4 апреля 1984 года, с намерением напечатать свое решение во всех газетах...»

Как бы не так! Их объявление никто не напечатал, не услышал.

— Скажите, ваших рук дело? — спросил я Думенка.

— Вы разве заезжали и в Файес?

— Да нет, здесь, в Ноэ, повстречал мэра и еще нескольких жителей деревни. Они и дали мне свою прокламацию.

— А-а, — пробасил Думенк. Даже от столь несложного звука под ним скрипнул стул. — Нет, я ни при чем. Другое дело, что говорю то же самое уже двадцать пять лет. Так что можете представить, каково им меня терпеть.

— Но ведь, как я понимаю, притерпелись?

— А вот сейчас и увидите. Дениз, будь добра, включи нам видеозапись той телевизионной дискуссии. Это было в прошлом году.

И вот передо мной два Думенка — один по-домашнему, в душегрейке, кругом — де-

ревенский уют; другой с иголки, багровый от спора, сигара то и дело гаснет, оператор намеренно снимает особым манером, «с подборода», так, что на экране лицо получается как бы в зеркале смеха. Идет публичная дискуссия с «красным миллионером». «Я знал, что соберут одних недругов, но чтобы такую свору спустить!» И правда, то, что творится на экране, напоминает уже не охоту, а травлю. Лай стоит невообразимый. Тут и сочинитель, каждое утро собиравший для своей книги бумажный мусор около банка, через который наша страна ведет валютно-финансовые расчеты с Францией... И зарубежный представитель польской «Солидарности»... И залетный секретарь американского профсоюза... «Это вы, торгуя с коммунистами, сорвали эмбарго против Польши и СССР!» «Это вы отучаете африканцев развивать свое сельское хозяйство, потому что возите им европейский хлеб!» «А сколько миллионов вы утаили от налоговых служб и положили себе в карман?..»

— Даже спорить не о чем, — машет рукой Думенк.

Однако он спорит, и как! Блестящее знание предмета, тонкая ирония и по-крестьянски крепкое словцо: того задел лапой — клочья летят, того царапнул когтями — стусеивался, замолк.

— Французское сельское хозяйство, как я понимаю, лучшее в Европе?

— В мире! — воспламенился Думенк. —

Чуть не по всем показателям. Хотя в одном отношении я бы свое мнение зарезервировал...

— А именно?

— Вы знаете, какую перспективу для Франции до 2000 года составили несколько лет назад, еще будучи у власти, правые партии? Вдвое уменьшить число крестьянских хозяйств, согнать с земли еще полтора миллиона человек. Эту тенденцию чуть-чуть замедлили социалисты. Но только чуть-чуть: ведь страна остается в орбите «Общего рынка», а он продолжает ту же политику.

Но разве не ту же политику и во всем мире ведет капитал? Потребители Запада выкладывают из своих карманов примерно 200 миллиардов за сельскохозяйственную продукцию, доставленную из развивающихся стран. Но только 15 процентов этой суммы — 30 миллиардов! — возвращаются непосредственно к производителю. Перевозки... хранение... продажа... «услуги» агробизнеса стоят дороже труда земледельца!

Один с сошкой. Семеро с ложкой.

Вот тут и настал момент разговорить Думенка на целую тираду. Я начал так: выходит, что и в «зоне сытости», и в «зоне голода» — мелкому земледельцу везде плохо. Один против агробизнеса! Вот он и лишается сначала сошки, а потом и собственной ложки. Но может ли быть иначе в эпо-

ху научно-технической революции? Мне где-то приходилось читать, что еще 20 лет назад один французский крестьянин кормил семь соотечественников, а теперь — уже 30. Это ли не прогресс?

Вот тут и взорвался Думенк:

— Я холодных, бесстрастных математических формул не люблю! Меня средней статистикой не проведешь! Вы гляньте на человеческую сторону этого агротехнического прогресса: да ведь она страшней, чем во времена дикого капитализма! Да будет вам известно, что именно крупные аграрии, которых у вас в России когда-то звали кулаками, теперь в деревне главная опора транснациональных компаний. Так везде: в Европе, Америке, в Азии и Африке! Это они, вместе, вершат диктат американских агропищевых фирм, они устрашают мир «зеленым оружием», они размахивают пугалом голода. И беспрестанно пускают его в ход! Отнимать у человека право трудиться на земле, не дав ничего взамен, — значит отнимать у него и хлеб со стола! Вот почему для больших капиталов крестьянские кооперативы что бельмо на глазу. А мы смогли выжить, утвердиться только с помощью стран социализма. Наши крестьяне воспринимают Советский Союз как клиента, а Соединенные Штаты — как конкурента. Но я не устаю повторять: через четверть века Советский Союз будет самым крупным конкурентом Европы и США. И может ли быть иначе? Капитализм дряхлеет морально и материально, социализм же полон колос-

сальных запасов жизненной силы. Ведь он заботится прежде всего о всеобщем благе. Потому вас и не оставляют в покое, потому и втягивают, виток за витком, в бесконечную гонку вооружений. Так вот, я считаю своим персональным долгом, долгом коммуниста, делать все, что способствовало бы диалогу наших стран, взаимопониманию обоих полушарий. Хлеб не может быть оружием голода!

Произнося эту тираду, он крупными ломтями резал хлеб, потом собрал осыпавшиеся крошки и бросил их птичкам, за окно.

Да, не хлебом единым жив человек. Но хлеб-то у него единый — один на всех.

Завидев тучу, черную от расправившей ее грозы, мы со всех ног мчались на сельскую звонницу. Били в младший колокол — самый тонкий, били, взяв в руку его медное сердце, били, сменяя друг друга, до тех пор, пока туча, ворча громами, не убиралась прочь.

Мы бывали безмерно счастливы, когда нам удавалось отвести грозу, а иногда даже град.

Я долго верил, что эта народная физика известна только в Карпатах.

Но вот, увидев, как на французском юге заволновались хлеба, когда с другого полушария долетел сюда колокольный звон, я отдал себе отчет в том, что звонят уже по всей земле.

Во Франции благоухал летний месяц октябрь... Уже в закромах был урожай 1985 года, и над полями, отдыхающими до нового зерна, разлилась недолгая тишина.

Можно ли выбрать лучшее время для размышления над будущими урожаями, над плодами дальнейшего сотрудничества?

Журнал деловых людей Франции «Экспортасьон-магазин», приурочивший специальный номер к визиту Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, встречал высокого гостя пожеланиями и надеждами — из сотен прозвучавших в нем голосов выделим только несколько.

Президент-генеральный директор группы «Пешинэ» Бернар Паш: «Отношения, поддерживаемые нашей группой в СССР, имеют давнюю традицию. В 1930—1935 годах фирма, ставшая ПЕШИНЭ, участвовала в создании алюминиевых заводов в Волхове и Запорожье... В 70-х годах эти отношения возобновились... Они не являются односторонними. Свидетельством тому является установка на заводе одной из наших фирм в Иссуре штамповочного пресса... изготовленного в СССР, а также закупка советского патента на разливку алюминия в магнитном поле...»

Президент-генеральный директор фирмы «СОГО» Альбер Гобер: «Еще в результате визита в СССР президента Франции генерала Шарля де Голля и на основе заключенных в 1966 г. двусторонних соглашений

было создано смешанное французско-советское общество «СОГО», призванное способствовать промышленному и торговому обмену между Советским Союзом и Францией. Успешное и непрерывное развитие наших отношений обусловлено взаимопониманием между обеими странами.

Уместно напомнить, что в 1969 году, в первый год существования общества «СОГО», объем его товарооборота составил 48 миллионов франков... К 1984 году эта цифра достигла 2 миллиардов франков. Сюда входят продукты химической и фармацевтической промышленности, эфирные масла и синтетические ароматические вещества для парфюмерно-косметической промышленности. Несомненно, изготавливаемая в СССР продукция занимает важное место на французском рынке. Доказательством этому является систематический рост объема закупок в СССР».

Президент Национального совета французских предпринимателей Ивон Гаттаз: «Французские предприниматели видят в своих советских партнерах требовательных и зачастую «трудных» за столом переговоров собеседников, но достойных доверия благодаря своей верности и надежности в техническом, коммерческом и финансовом отношении. Эти их качества, делающие доступ на советский рынок длительным и трудоемким процессом для иностранных фирм, составляют в то же время и его привлекательность, ибо мы знаем, что после того, как уже установлены первые связи, мы можем

рассчитывать на продолжение прочных и систематических отношений».

Журнал «Экспортасьон-магазин» еще только лег на рабочие столы французских предпринимателей, когда из Москвы прозвучал ответ — его дал М. С. Горбачев в своем обращении к французским телезрителям в самый канун визита во Францию: «Наши отношения в целом складываются, как нам кажется, неплохо. Объем торговли увеличился за десять лет в четыре раза. Мы этим удовлетворены, думаю, это на пользу и Франции. Но экономические связи могли бы быть активнее и разностороннее».

Итак, обоюдная констатация: экономические отношения наших стран развиваются, в общем, стабильно и неуклонно. И обоюдное пожелание: они могут быть подняты на значительно более высокий уровень. Что нужно для этого в первую очередь? Истина не новая: экономические связи тем шире, тем полней, чем доверительней и глубже политические контакты партнеров. Визит М. С. Горбачева во Францию от начала до конца был пронизан заботой о торжестве в двусторонних отношениях наших стран принципов разрядки, согласия и сотрудничества — триединой формулы, с которой в 60-е годы обратились ко всему миру Москва и Париж. Это отразилось и в подписанной на предстоящий пятилетний период программе экономического сотрудничества Франции и СССР, и во всем комплексе мер, призванных оздоровить атмосферу в Европе и мире.

Высеянное в землю зерно взойдет уже по весне. Но лучшие, отборные семена послужат еще и вторым, и третьим урожаем...

Разве мы не высеем уже сейчас первые урожаи третьего тысячелетия? Разве не им служат семена разрядки, прошедшие испытание самой историей, — и «оттепель» 60—70-х годов, и «заморозки» 80-х?

И разве не в заботе о будущем хлебе всего человечества — насущном и едином — состоит и забота о благе и покое за будущее всех людей на земле?

21. Артистическая баталия (Вместо эпилога)

Стоит только на современном «Мираже» взлететь с реймского аэродрома, как и столица шампанского, и деревеньки Шампани уже оказываются далеко позади.

Если полетишь на восток, уже перед тобой открываются Лотарингия, Эльзас.

Поверни на юг, и, наверное, меньше чем через полчаса взору предстанут Альпы, а потом и залитый солнцем Прованс. Если где-то тут родина летчика, он непременно постарается увидеть родную крышу. Увидит или нет, все равно покажется, что увидел.

Чем выше поднимаешься, тем меньше земля, гуще крыши, под которыми рождаются и живут, чаще взбухает горами земля, вытягиваясь в степи и пустыни, реки и гра-

ницы мелькают спицами велосипедного колеса.

Жан-Лу Кретъен, французский космонавт, летавший в космос с советскими напарниками, думаю, всего лишь минутами отсчитывал это расстояние: Урал — Карпаты — Кавказ — Альпы...

Мала земля! Это расстояния на ней велики.

На горе Зензин Роллан Перро мне очередной раз говорит:

— Слушай, ну когда же ты найдешь нам для дружбы горный колхоз в СССР? Именно горный, чтобы мы могли присмотреться к вашему земледелию, технику у вас купить. Обещаешь, скажи?

— Обещаю, — говорю я. — Вот поеду в отпуск, и...

Неожиданно я с какой-то космической скоростью переношусь мысленно в Карпаты и с чемоданом в руке схожу с автобуса посреди родного села.

Но оказалось, что я попал в Ватерлоо.

По главной улице моего села шла битая пылью, до дыр истоптавшая «сапоги 1793 года» армия Бонапарта Наполеона. За полками инфантерии гарцевали эскадроны драгун и гренадеров. Вперемежку с французами, нисколько не тревожась их близостью, шли войска прусские и английские. Окутываясь пылью, колонны эти тянулись через уже колосившиеся хлебом поля, через виноградные плантации к недалеким холмам, где были построены редуты и широкими рукавами размахивала мельница.

— Ты приехал как раз вовремя,— сказал мне отец,— сегодня генеральное сражение.

* * *

Об исходе битвы при Ватерлоо Шарль Морис де Талейран, представлявший Францию на Венском конгрессе и сумевший ловко перессорить европейских дипломатов, узнал уже в столице Бельгии, недалеко от места сражения. Как ни быстро ехал Талейран, а слава его летела впереди. Знаменитый дипломат вернул Людовику XVIII Францию в тех же точно пределах, какой она была при Людовике XVI. Потеряны были только наполеоновские завоевания, но уж на них Бурбоны и не могли претендовать. Талейран догнал короля только в пограничном бельгийском городке Монсе.

«Я застал его как раз в тот момент, когда он садился уже в карету...»

Разбуженная Великой французской революцией, вздыбленная и переломанная Наполеоном, Европа, казалось, тронулась теперь назад, в свое прошлое, будто и не было этой грозной четверти века: 1789—1815. Французский монарх уже занес ногу на подножку кареты, едущей назад в историю, но Талейран попросил его хотя бы об одном:

— Сир, не надо вам ехать во Францию в сопровождении англичан, это поранит национальные чувства французов. Отважьтесь ехать без иностранного эскорта, давайте я поеду впереди вас и все устрою...

Нет, даже в прошлое не отважится Бурбон поехать без союзнического эскорта! Хотя опять восстановлены сословные различия, возвращены имущества и титулы, но нация уже вдохнула воздух свободы. Ее будут душить за это пуще прежнего, но кто однажды дышал свободой, тот вкуса ее уже не может забыть.

По Венскому конгрессу 1814—1815 года монархическая Европа простояла, в общем и целом, еще сто лет. Однако обманывались монархи! — к старому возврата уже не было. Столетие, минувшее от Вены 1815-го до Версаля 1919-го, вышло бурным, мятежным, тут и там капитализм, буржуазные республики взяли верх над традиционными феодальными твердынями, — как вдруг на восходе века двадцатого взрывом грянула русская пролетарская революция. Красную Россию отделили от Западной Европы «санитарным кордоном» государств-лимитрофов. Теперь это был барьер против революционного большевизма.

В двадцатом веке вряд ли найдется другая «конвенция о мире», которая представляла бы собой такую пародию на мир. Все в ней полярно противостояло ленинской идее мира без аннексий и контрибуций, каждый параграф дышал воинственным эгоизмом победившей англо-американской буржуазии. Не были ли две прокатившиеся по Европе войны на самом деле одной европейской войной с 20-летней передышкой для пушек? При первом же внимательном чтении всех 440 статей Версальского договора в сердца

современников закрадывалась тревога: он не устранял, а обострял европейские противоречия, рано или поздно они должны были вспыхнуть вновь...

Так простояла Европа до мюнхенского сговора 1938 года, когда фашистский сапог получил волю идти на восток. Он, однако, поступил по-своему: сначала подмял Запад, взял его ресурсы и уже с ними поворотил на Россию...

И тут-то сапог был остановлен, стал топтаться, пятиться, бросился наутек, потом был снят с ноги и выброшен на свалку истории.

Куда, однако, ходят не только посмотреть на него, как на поучительный музейный экспонат, но иной раз и примерить: по ноге ли?

«Война, к которой нас толкают якобы во имя «защиты мира», это война против Советского Союза. Открыто или лицемерно, регрессивные силы хотят этой войны, начиная с 1917 года» (Фредерик Жолио-Кюри).

Каждому человеку выпадает свой час истории, каждому поколению — своя историческая эпоха. Но у человечества история одна, и она неделима.

* * *

В нашем селе Сергей Бондарчук снимал фильм «Ватерлоо».

В вечерних сумерках пылали редуты и мельница, словно бы там орудовал с факелом в руках сам Мишель Нострадамус-младший.

В доме, в котором я родился, до меня рождалось, жило, умирало немало людей.

Вена приписала его к Австро-Венгрии. С Версалем исчезло само государство такое, дом оказался в буржуазной Чехословакии. На картах тридцать девятого года крохотный карпатский уголок, который в Версале именовали, следуя греческим историкам, Рутенией, отдали почти пополам хортистской Венгрии и панской Польше. Это с детства меня удивляло, потому что из книг отца, из авторов латинских и венгерских, чешских и карпато-украинских я знал, что не только гуцулы, но и предки их, белые хорваты, были племенами славянскими, входили в Киевскую, а потом Червонную Русь... Но перепахивали Европу, как еще Талейран заметил в дневнике, считаясь не с интересами народов, а с прихотями монархов... Так у нас в огороде установили зенитку, которая среди вившихся по штабелям огурцов была заметна не более, чем крокодил среди водорослей. Потом, извиваясь в траве, убегут армейские обмотки за мелькающими пятками, и кончится война.

Зенитку увезут, мы снова посадим на ее месте огурцы...

Вечерами сиживали в закусочной мои земляки, обсуждая детали затянувшегося сражения при Ватерлоо. Оно шло-то один день, 18 июня 1815 года. Ну, а снимать пришлось добрый месяц. «Мосфильм» наперед заплатил за вытоптаный и сожженный хлеб. Все честь честью, но крестьянам этот странный фокус покоя не давал.

Считай, что как бы не уродил, — сказал в закусочной тракторист Мирон.

— Отчего же не уродил? — возражал ему какой-то «француз», может, сам капитан де Марло из мюратовской конницы, привыкший не только к полю горящему, но и к городам горящим, и к странам пылающим.

— А то, — отрезал Мирон, — что раз не съеден, значит, не хлеб. Заплати мне за него хоть миллион.

Я на этот разговор попал случайно и вот каким образом. Из закусочной прислали за отцом, как за учителем истории. Там, оказалось, сидят крестьяне с Наполеоном, а он им не на все вопросы ответить может. Например, пели ли при нем «Марсельезу» или нет? Ну, дела! Хорошо еще, посыльный не просто позвать пришел, а удержал вопрос в уме. Бросились к книжной полке...

Капитан Руже де Лиль написал «Марсельезу» в Эльзасе, тут же ее стала распевать революционная Рейнская армия, а скоро ее провозгласили национальным гимном, но Наполеон, став императором, гимн отменил. А знамя трехцветное, с каких оно пор? С той же Великой французской революции: трехцветные кокарды впервые надели парижане в ночь штурма Бастилии. Отсюда и значение соцветия: Свобода, Равенство, Братство. Но и это соцветие отменил Наполеон, а потом спохватился и вернул его армии — уже перед самым походом в Россию. Поздно! Ни под Бородином, ни под Ватерлоо не могли эти цвета значить для завоевателей то же, что значили они в 1793 году для освободительных армий Первой французской республики.

Род Стайгер¹ надел треуголку и сделался — ну вылитый Наполеон!

— Вот что, — сказал он, движением тоста подняв свой стакан, — выпьем, крестьяне, за то, что я хоть сюда, в ваши края, не дошел!

Вот тут-то и завелась эта тема: как же не дошел, когда хлеб неубранный и несъеденный на взгорках попалил? Все это было вместе и в кино и наяву, и полтора-два года назад, и полтора-два года спустя, и не так уж важно, что было это в гуцульском селе Русские Комаровцы, потому что равным образом могло это быть в русской деревне Бородино, в бельгийской деревне Ватерлоо, во французской деревне Сен-Реми-де-Прованс, словом, мало ли где в Европе...

Нет, не стратосфера, и даже не космос, — все-таки самая большая высота, на которую способен подняться человек, это высота времени.

Мне кажется, на эту высоту и взлетела «Нормандия — Неман», вот почему с нее и оказались нам видны и Альпы, и Карпаты, и земли смоленские, и земли нормандские, и почти уже 200 лет европейской истории с тех пор, как рухнул старый мир, и скоро 70 с тех пор, как родился новый.

Я пошел за деревенскую околицу, через вытопанные артистическими армиями хле-

¹ Английский актер, сыгравший роль Наполеона в фильме «Ватерлоо», поставленном С. Бондарчуком на киностудии «Мосфильм».

Во время визита
Генерального секретаря ЦК КПСС
М. С. Горбачева во Францию
(октябрь 1985 г.)

ба, и около сгоревшего макета мельницы
лег в траву.

Я знал, что скоро они появятся в небе.
И вот они, вот они! Впереди летел семей-
ный клин Бизьенов: папа, мама, три сына,
и мама на лету все спрашивала, помнят ли

мальчики, куда она, уходя, незаметно для эсэсовцев положила ключ.

А следом четыре эскадрильи полка, четыре коротко сверкнувших клинка, и у каждой птицы странно, в три цвета, крашен нос.

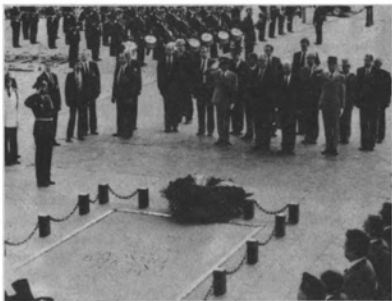
Я не знаю, какую из семи планет для вечного пристанища выбрал Антуан де Сент-Экзюпери: планету ли Маленького принца или один из шести соседних с ней астероидов. Но наверняка же видно ему сверху то, что мне видно снизу, — этот полет над свободной Европой, из России во Францию, сыновей побратавшихся стран. Ему видно и то, чего не могу увидеть я: как военнопленный крестьянин Пьер Годфруа через всю Европу пробирается домой, в Нормандию.

«Из истории не вычеркнуть того, что советские люди и французы были братьями по оружию в борьбе с фашизмом, — говорил М. С. Горбачев в своем выступлении по французскому телевидению. — Мы бы предали память погибших в этой священной борьбе, если бы забыли, как французские летчики полка «Нормандия—Неман» героически сражались с фашистами в советском небе, а советские партизаны — в рядах макизаров на французской земле. 20 миллионов советских людей погибли в той страшной войне — погибли за нашу и вашу свободу. За вашу и нашу свободу отдавали жизни тогда и французы. Более 20 тысяч советских воинов-антифашистов похоронены в земле Франции. Я знаю, в вашей стране чтут их память. Советский народ признателен вам за это».

Ох, если б не было войны! Не осталось

Встреча с рабочими завода в Пуасси

Возложение М. С. Горбачевым венка
на могилу Неизвестного солдата
у Триумфальной арки

бы на земле России 42 холмиков, убранных васильками, ромашками, маками, среди миллионов братских, одиночных, безымянных могил, на которых растут одни маки. Не полетел бы Сент-Экзюпери в обратную сторону, а потом резко ввысь, туда, где ледяная, огненно-чистая смерть. Но раз уж все это было, и не просто было, а повторилось, давайте уж с горизонтов прошлого зорко вглядываться в горизонты грядущего: не клубится ли где пыль из-под сапог? Бородатый лик Нострадамуса перекочевал-таки в Америку. В том самом НАСА вирши пророка через компьютер пропустил ученый (!) Морис Шатлен. Война, предрек он, будет между 1982—1988 годами, и будет она на европейской земле... Локальная ядерная война. Касающаяся только западных и восточных европейцев.

Не полетел ли бы сегодня Сент-Экзюпери в ту же сторону, но с другой миссией — не с просьбой вмешаться, а с просьбой не вмешиваться?!

Если «Америка скорее континент, чем родина», то Европа скорее все-таки нам родина, а потом уж общий континент.

Пусть на нашей общей родине-континенте свободно и дико растут все полевые цветы, пусть ни в каких сочетаниях из них никому не придется вить венки надгробные. Не обязательно взлетать над землей, это можно увидеть и с высоты собственного роста: ведь свободно, равно, по-братски растущие цветы сливаются в каждодневный мирный праздник всех стягов земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. МИНУТА ВОЙНЫ

Размышления вдвоем с ученым	5
1. Два капитана: де Сент-Экзюпери и де Панж	10
2. От «версальских» печатей к «мюнхен- ским»...	18
3. Письмо за океан	28
4. Адольфы и Михаэли	41
5. История: память и архивы	53
6. У истоков «Нормандии»	62
7. Переупряжка... памяти	70
8. «Наполеонова подкова»	99
9. Василек, ромашка, мак	107
10. Город чужих людей	127
11. «Ялтинская» печать	139
12. Сто крылатых послов	153
13. В Париж, на побывку, — и скорей назад, на фронт!	164
14. И на земле разразился мир...	172

Часть II. МИНУТА МИРА

Размышления вдвоем с политологом	189
15. Просветители мира	193
16. Человек, который сошел с «марсовой тропы»	212
17. Зачем динозаврам звезды?	231
18. «Новые крестьяне» из Прованса	241

Часть III. МИНУТА БУДУЩЕГО

Размышления вдвоем с читателем	262
19. В Новом Свете по-старому?	264
20. И хлебом единым	287
21. Артистическая баталия (Вместо эпилога)	307

Александр Дмитриевич Сабов

ТРИ МИНУТЫ ИСТОРИИ

Заведующий редакцией *В. Я. Грибенко*

Редактор *Ю. Н. Чернышева*

Младшие редакторы *Н. М. Жилина, Л. В. Масленникова*

Художник *С. Ю. Биричев*

Художественный редактор *П. В. Меркулов*

Технические редакторы *В. П. Крылова, О. В. Лукьянова*

ИБ № 5076

Сдано в набор 06.12.86. Подписано в печать 29.04.86.

**А 00075. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная
офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 11,70. Усл. кр.-отт. 23,84. Уч.-изд. л. 11,26.**

Тираж 100 000 экз. Заказ № 4586. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда».

603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

